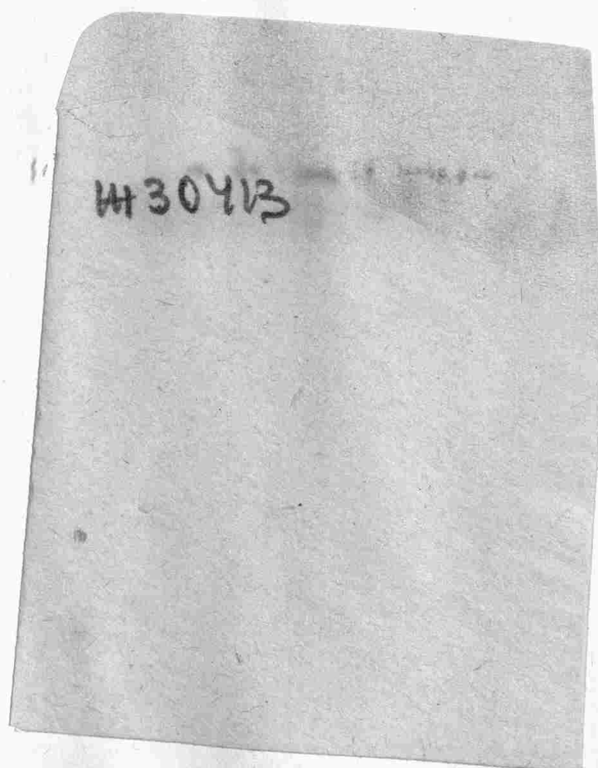
1

Ангара * 1968

ЯНВАРЬ
ФЕВРАЛЬ

Ш304В

Ангара

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

ОРГАН ИРКУТСКОЙ И ЧИТИНСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКИХ
ОРГАНИЗАЦИЙ РСФСР

Год издания тридцать восьмой

1
1968 ЯНВАРЬ • ФЕВРАЛЬ

СОДЕРЖАНИЕ

На второй странице обложки фото А. Кошелева, на третьей странице — фото Э. Зоммера.

Адрес редакции: г. Иркутск, ул. 5-й Армии, дом 36, Иркутская писательская организация. Телефон 56-76.

ВОСТОЧНО-СИБИРСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВОИНЫ-ЗАБАЙКАЛЬЦЫ ВЕРНЫ СВОИМ ТРАДИЦИЯМ

В. А. ГОНЧАРОВ,
генерал-майор, член Военного совета, начальник Политуправления Забайкальского военного округа

Помните, как в торжественно-праздничные дни 50-летия Октября улицы наших городов и сел были расцвечены тысячами плакатов и панно? Вы наверняка заметили на многих из них, рядом с революционными символами — пятиконечной звездой, красным знаменем — изображение либо буденовки, либо красноармейского штыка, либо силуэта ракеты. Такая символика близка и понятна каждому советскому гражданину. Потому что, говоря словами Владимира Ильича Ленина, всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, когда она умеет защищаться. Созданные для защиты завоеваний Октября, Вооруженные Силы СССР, как сказано в Тезисах ЦК КПСС, с честью пронесли свои боевые знамена через всю историю Советского государства.

В боевой летописи наших Вооруженных Сил есть немало ярких страниц, написанных и воинами-забайкальцами. Эти страницы писались на Даурском фронте красными конниками Сергея Лазо; их строки чеканили в боях и походах бойцы 5-й Армии, разгромившие Колчака и освободившие от беляков Иркутск; авторами этих страниц были известные командиры и оставшиеся безымянными воины революции, сокрушившие семеновские банды и полки интервентов. Достаточно назвать Г. И. Эйхе, А. Я. Лапина, В. К. Блюхера, И. Г. Уборевича, вспомнить другие выдающиеся имена, чтобы стало ясным, сколь богаты боевые традиции воинов нашего округа, сколь велика ратная слава нашего края.

Старожилы Читы помнят, как 45 лет тому назад на площади Свободы (здесь ныне стадион «Труд»), в день 5-летия Красной Армии, воины-забайкальцы поклялись перед трудящимися с достоинством и честью защищать Советскую власть. Тогда, в ознаменование праздника, Забайкальский губернский революционный комитет вручил 36-й Забайкальской дивизии шефское знамя — символ нерасторжимого единства народа и армии, символ верности воинов социалистической Родине. Всякий раз, когда враги пытались прощупать прочность наших границ, верные присяге воины-забайкальцы показывали высокую идейную убежденность, стойкость, отличную боевую выучку. Так было и в 1929 году, когда у границ Забайкалья загремела военная гроза. Особая Дальневосточная Армия (ОДВА) — в ее состав входила Забайкальская группа войск — разгромила белокитайские банды на КВЖД. Родина высоко оценила мужество и героизм своих верных сынов, проявленные в боях на Востоке. Более пятисот бойцов и командиров были награждены орденом Красного Знамени, среди них, в частности, и комбриг К. К. Рокоссовский. За умелое осуществление операций на КВЖД В. К. Блюхер был награжден орденом Красной Звезды за № 1, а командующий Забайкальской группой войск С. С. Вострецов — Почетным революционным оружием — шашкой.

За особые отличия в боях с белокитайцами отдельный Бурят-Монгольский национальный кавалерийский дивизион, а также 108-й стрелковый Белорецкий полк 36-й Забайкальской стрелковой дивизии были удостоены Почетных Революционных Красных Знамен. Советское правительство отметило действия Особой Дальневосточной Армии в районе КВЖД орденом Красного Знамени. По преемственности этот орден и знамя ОКДВА переданы нашим соседям, воинам-дальневосточникам, а их военный округ ныне именуется Краснознаменным Дальневосточным военным округом.

Прошло несколько лет, и боевые традиции участников разгрома белокитайских банд на КВЖД были приумножены воинами-забайкальцами в боях на Халхин-Голе. Верные интернациональному долгу, советские войска пришли на помощь дружественной Монголии, чтобы плечом к плечу с красными цириками отразить нападение японских империалистов на территорию МНР. В этих боях воины нашего округа покрыли свои знамена неувядаемой славой; мужество и отвага, бесстрашие и мастерство стали нормой поведения каждого бойца и командира. Здесь 20 июля 1939 года был совершен первый воздушный таран, его «автор» советский летчик В. Скобарихин. Сейчас как о чем-то обычном мы говорим о реактивной авиационной технике, о мощных ракетоносцах и т. д. Но не всякий знает, что путевку в небо первые истребители-ракетоносцы получили в Забайкалье, что командиром звена этих самолетов был летчик-испытатель Н. Звонарев, что ракетоносцы дрались на Халхин-Голе в составе 22-го истребительного авиаполка, которым командовал Г. П. Кравченко. Григорий Пантелеевич Кравченко и авиатор-забайкалец Сергей Иванович Грицевец в халхингольских боях стали первыми в стране дважды Героями Советского Союза.

О подвиге майора Грицевца стоит рассказать несколько подробнее. Группа наших истребителей выполняла боевое задание. В разгаре боя Сергей Грицевец заметил, что наш «ястребок» подбит, а летчик этой машины спускается на территорию, занятую противником. Вражеские солдаты уже бегут к месту приземления нашего парашютиста. Что делать? Решение пришло мгновенно. Грицевец быстро развернул свой «ястребок» на посадку, приземлился и забрал на одноместный самолет своего командира полка майора В. Забалуева. Этот подвиг также был первым из подобных в истории советской авиации.

А героизм других забайкальцев — танкистов, пехотинцев, артиллеристов! Вот лишь одно имя — Михаил Павлович Яковлев, командир 11-й танковой бригады. Впервые в истории советских бронетанковых сил его бригада совершила 700-километровый марш и с ходу вступила в бой в районе Баин-Цаган. Наши танкисты сражались геройски. Бесстрашный командир погиб в жестоком бою. 11-я танковая бригада была удостоена ордена Ленина с присвоением ей имени Героя Советского Союза комбрига М. П. Яковлева. Почти тридцать лет прошло с тех пор, но память об этом славном забайкальце нетленна. Кто был в Монголии, тот видел памятник — застывший на постаменте советский танк — символ мужества и бесстрашия. Смотришь на него, и вспоминаются слова из поэмы К. Симонова Далеко на Востоке...» о танках, которые монументами из бронзы «на площадях встанут рядами», о бронзовых танкистах, которые, открыв верхние люки, подчиняясь приказу бронзового флажка, положив на поручни башен бронзовые руки... будут смотреть на солнце, катящееся через века».

Забайкальский военный округ справедливо называют школой мужества, академией боевого мастерства. Именно здесь приобретали свой опыт многие видные советские полководцы. До Великой Отечественной войны в войсках округа служили Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, И. С. Конев, А. И. Еременко, И. Х. Баграмян, К. К. Рокоссовский. Здесь делали свои первые командирские шаги Герои Советского Союза генерал-полковник П. А. Белик, ныне командующий войсками округа, генерал-лейтенант П. Ф. Тюрнев, ныне член Военного совета — начальник Политуправления Краснознаменного Дальневосточного военного округа.

В годы Великой Отечественной войны воины-забайкальцы бдительно стояли на страже восточных рубежей Родины. Но наш округ имел и другую, не менее важную задачу: здесь, на востоке страны, была кузница, в которой ковались резервы фронта. «Забайкальская дивизия», «Сибирская дивизия», — говорили на фронте, и этим было сказано многое.

Вот несколько документов минувшей войны. Командир части капитан Кириченко писал с фронта своему товарищу, проходившему службу в ЗабВО: «У меня в части служат бойцы из Сибири, Забайкалья. Это наша гордость. Немцы крепко боятся сибиряков». Лейтенант Л. Иванов сообщал из Венгрии: «В Карпатах я не раз добрым словом поминал забайкальские сопки. Воевать в горах я научился там, хотя наши сопки и не высоки. Пригодились забайкальские навыки». Интересно письмо лейтенанта Литвиненко из Румынии. «Воюю так, — пишет автор, — как учили меня в Забайкалье, — не числом, а уменьем. Берегу своих бойцов, заставляю их выжимать из оружия всю огневую мощь. Начальники мною довольны. Про нас в полку говорят, что мы с Байкала, а потому оружие знаем и воевать умеем. Вот мы и стараемся».

На дальних подступах к Москве героически сражались воины-забайкальцы в составе 16-й Армии под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Командир 57-й танковой дивизии этой армии полковник В. А. Мишулин за умелые боевые действия был удостоен звания Героя Советского Союза и внеочередного воинского звания — генерал-лейтенант. Вот что, в частности, писал о воинах-забайкальцах Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своей книге «На западном направлении»: «Большинство командиров руководили боем самоотверженно и умело. Достаточно вспомнить хотя бы такой случай (а их были сотни). Командир танковой дивизии полковник Мишулин В. А., будучи раненым, находился в госпитале. Вдруг он узнает, что одна из частей дивизии попала в окружение. Он оставил госпиталь, сел на бронемашину, пробрался к своей части и с боем вывел ее из окружения. Затем по собственной инициативе вступил в бой с врагом западнее Смоленска. В этом бою его соединение уничтожило разведотряд немецкой 39-й пехотной дивизии, что во многом способствовало разгрому главных сил этой дивизии. Своими действиями Мишулин прикрыл правый фланг 20-й Армии, а также помог 16-й Армии в ее борьбе за Смоленск».

А кто не знает бессмертного подвига гвардии рядового Юрия Смирнова! Его бюст стоит в музее боевой славы ЗабВО. Но не только потому, что комсомолец Смирнов — Герой Советских Вооруженных Сил. Бесстрашный юноша — питомец 93-й Восточно-Сибирской дивизии. В числе первых эта дивизия была преобразована в гвардейскую, а еще позднее ей было присвоено почетное наименование Городокской.

В течение всей тяжелой блокады города Ленина сражалась у стен колыбели Октября 46-я стрелковая дивизия, сформированная в Забайкалье. В рядах этой дивизии совершил свой подвиг лейтенант Николай Иванович Анисимов. Не раз, проникая в тыл врага, герой корректировал огонь нашей артиллерии. Анисимов удостоен всех трех степеней ордена Славы. Звание Героя Советского Союза за оборону Ленинграда было присвоено летчикам-забайкальцам капитану Владимиру Кочневу, лейтенанту Никите Ронавскому, гвардии старшему сержанту Григорию Асееву. Есть в Ленинграде и улица, носящая имя нашего земляка Назара Губина. Воспитанник забайкальской комсомолии, он повторил подвиг Гастелло. Жизнь отважного летчика продолжается и в делах авиаторов Н-ской части, куда Губин зачислен посмертно приказом Министра Обороны СССР, и в делах комсомольско-молодежной бригады шахты «Восточная» Черновских копей, члены которой числят земляка Назара Губина в своем коллективе, ежедневно выполняя норму и за героя.

Свое слово сказали воины-забайкальцы и в боях за Сталинград. Так, например, 321-я стрелковая дивизия в составе 65-й Армии Донского фронта вела успешные оборонительные бои в районе Большой излучины Дона, изматывая превосходящие силы врага. Она участвовала в окружении фашистских войск под Сталинградом.

Среди славных героев — защитников волжской твердыни было немало питомцев нашего округа. Достаточно назвать имя Героя Советского Союза Жамбыла Тулаева. Старшина-снайпер уничтожил 313 гитлеровцев. Или, например, младший лейтенант Г. А. Стрелков из той же 321-й СД. 24 августа 1942 года он возглавил группу из 33 человек, остановившую 70 немецких танков. Вот что означала забайкальская закалка. Вот что означал сибирский характер, который так и не могли постичь наши враги.

И на последующих этапах Великой Отечественной войны забайкальцы сказали свое слово. Стоит вспомнить 106-ю Забайкальскую стрелковую дивизию, первой вышедшую к Днепру и форсировавшую его. 64 воина этой дивизии за форсирование Днепра были удостоены звания Героя Советского Союза. Или возьмите, к примеру, Н-скую мотострелковую дивизию, участвовавшую в штурме Берлина. Ее наименование говорит само за себя: Иркутско-Пинская, ордена Ленина, дважды Краснознаменная, Трудового Красного Знамени, ордена Суворова, имени Верховного Совета РСФСР... От разгрома Колчака до штурма фашистского логова — вот он путь, которым нельзя не гордиться!

За участие в боях против фашистской Германии более чем 300 воинам-забайкальцам было присвоено звание Героя Советского Союза. Среди них — 50 уроженцев Читинской области, 76 — Иркутской, 33 — Бурятии, 14 — Якутской АССР.

Неувядаемой славой покрыли свои знамена воины частей Забайкальского фронта под руководством талантливых военачальников Р. Я. Малиновского и М. В. Захарова в период боевых действий против Квантунской армии Японии. На самой высокой точке Большого

Хинганского хребта воины-забайкальцы установили танк, на башне которого написано: «Здесь в августе 1945 года прошли русские танковые войска». Короткая фраза, простые слова... Но какой титанический труд, сколько крови и пота за этой строчкой! Мы гордимся, что в победе над империалистической Японией есть вклад и воинов нашего округа.

Как известно, в результате разгрома Советской Армией японских милитаристов были созданы благоприятные условия для победы китайской революции. Тем более чудовищным выглядит ныне авантюристический курс группы Мао Цзэ-дуна, создавший серьезную угрозу социалистическим завоеваниям в Китае.

Более 20 лет отделяют нас от победоносного завершения Великой Отечественной войны. Уверенный рост советской экономики, расцвет науки, забота Коммунистической партии о наших Вооруженных Силах создали условия для оснащения Армии и Флота новейшим вооружением, что привело к соответствующим изменениям в структуре армии, в обучении воинов. Эти изменения столь существенны, что их по праву называют революцией в военном деле. В армию пришли электроника, телемеханика, счетно-решающие устройства. Но, сколь бы совершенной ни была военная техника, главным остается человек-воин — с его непреклонной верой в победу коммунизма, с высокими морально-боевыми качествами, с отличной выучкой. Вот почему командиры и политработники, партийные и комсомольские организации округа первостепенное значение уделяют коммунистическому воспитанию личного состава.

Большое место в воспитательной работе занимает пропаганда боевых традиций. Нынешнее поколение молодежи знает о минувшей войне только по книгам и кино, по рассказам ветеранов. Воспитывая наших воинов на боевых традициях, мы приобщаем их к немеркнущим идеям коммунизма, к бессмертному делу отцов. Основой для этой огромной работы в войсках округа являются материалы XXIII съезда КПСС, Тезисы Центрального Комитета КПСС «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции», материалы июньского и сентябрьского Пленумов ЦК, доклад Л. И. Брежнева на торжественном заседании в Кремлевском Дворце съездов, посвященном празднованию 50-й годовщины Октября. В месяцы, предшествующие полувековому юбилею Октября и 50-й годовщине Советских Вооруженных Сил, в частях ЗавВО проведены тысячи тематических вечеров, встреч с ветеранами революции, с участниками гражданской и Великой Отечественной войн, кинофестивалей, лекций, докладов, устных журналов, «Октябрьских чтений» и «Ленинских уроков». Трудно переоценить идейное и эмоциональное воздействие всех этих мероприятий. Заявляя о своей верности делу отцов, воины-забайкальцы видят продолжение традиций в дальнейшем повышении боеготовности, бдительности, в росте боевого мастерства.

В частях округа успешно прошла «Октябрьская эстафета» — социалистическое соревнование в честь 50-летия Великого Октября. Оно длилось более года и проводилось в несколько этапов. Воины-забайкальцы соревновались в повышении своего боевого мастерства, классной квалификации, в технической выучке, в спортивном росте, по ряду других показателей. У нас есть не только взводы и роты, но и целые части, успешно выполнившие свои обязательства. Запевалами в этом соревновании всегда выступали коммунисты и комсомольцы.

Особый накал предоктябрьское соревнование приобрело, когда ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР сообщили об учреждении Памятных знамен для награждения лучших воинских частей наших Вооруженных Сил. Воины-забайкальцы горды, что и ряд частей нашего округа за высокие успехи в боевой и политической подготовке удостоены награждения Памятными знаменами ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР. Заслуженная награда вручена личному составу Иркутского военного авиатехнического училища,— одного из старейших училищ, имеющего славные традиции в подготовке кадров для Военно-Воздушных Сил страны. Десятки офицеров округа за успехи в боевой и политической подготовке, за успешное освоение новой техники недавно награждены орденами и медалями СССР. Лучшим частям округа вручены также памятные знамена Читинского и Иркутского обкомов КПСС и облисполкомов, Бурятского и Якутского обкомов и Советов Министров этих республик.

Окрепли дружеские связи воинов ЗабВО с коллективами предприятий, колхозов, строек, учебных заведений. Так, например, прочная дружба связывает коллектив Иркутского машиностроительного завода имени В. В. Куйбышева с курсантами и преподавателями ИВАТУ; читинские машиностроители дружат с воинами Н-ской части и т. д. Результаты таких связей благотворны, они проявляются в гордости воинов за край, в котором они служат, в размахе оборонно-массовой работы на предприятиях, учебных заведениях, в школах, в художественной самодеятельности и др. Так, на всех этапах Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства армейские таланты были представлены вместе со своими гражданскими коллегами, причем воины-забайкальцы заняли на этих смотрах призовые места, отстаивая честь областей и республик, от которых выступали. Например, Народный театр Читинского окружного Дома офицеров, поставивший спектакль по пьесе Ю. Семенова «Шифровка для Блюхера», завоевал на зональном смотре в Красноярске звание лауреата Всеармейского смотра, а в Москве—лауреата Всесоюзного фестиваля самодеятельного искусства. Также успешно выступают и армейские спортсмены.

Нашей армии пятьдесят лет. Это праздник всего нашего народа. Но и в этот радостный день воины Вооруженных Сил, в том числе и воины-забайкальцы, не забывают о том, что силы агрессии не унимаются, что США продолжают эскалацию войны во Вьетнаме, что происки боннских реваншистов усиливаются. Верные ленинским заветам о защите Отечества, воины нашего округа готовы выполнить любой приказ Родины.

Сегодня мы печатаем стихи поэтов иркутян, не вернувшихся с войны. Минуло два десятилетия, но нас по-прежнему волнуют эти строчки: «Зачем туманить грустью ясность дней? Свой добрый век мы прожили как люди — и для людей!» Может. эта строка была последней в жизни Георгия Суворова, его поэтическим завещанием. Нам уже не прочесть нерожденных стихов Иосифа Уткина, погибшего в 1944 году в авиационной катастрофе, Моисея Рыбакова, убитого при переправе на реке Миусс, Джека Алтаузена, который ушел на фронт добровольцем, первым из советских писателей получил орден Боевого Красного Знамени и погиб при попытке подорвать гранатой вражеский танк.

В их память и в память других поэтов, павших на поле боя, мы публикуем эти стихи.

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.
Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций,
И в них восторженные соловьи.
Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день, — мы выпьем боль до дна.
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.
Последний враг. Последний меткий выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг! А все-таки как быстро,
Как быстро наше время утекло!
В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней?
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей!

1942

ДЖЕК АЛТАУЗЕН

Детство

Холодные луны,
Песчаные дюны.
Когда-то нам снились
Шотландские шхуны...
Когда-то бывало,
Мечта нас кидала
От мыса Надежды
До гребней Байкала.
С мальчишеским граем
За дряхлым сараем
Мечтали мы в гости
Бежать к самураям.
Вот пес пестроногий,
Вот дом мой отлогий,
Как колокол смолкший,
Лежит при дороге.
Сейчас с поворота,
Как птица с отлета,
Увядшие крылья
Раскинут ворота.
Я вижу наследство
Веселого детства:
Забытый колодезь
И лес по соседству.
Без прежнего жара,
Без струн, без загара,
Удавленным другом
Повисла гитара.
Помет воробьиный
Засыпал рябины.
Друзей не нашел я
У волчьей ложбины.
Кто сгинул за Доном,
За вражьим кордоном,
Подкинув папаху
На память воронам.
А кто торопливо
Сорвался с обрыва,
Вплетая черемуху
В конскую гриву.
А самый кудрявый,
Опутанный славой,
Стучался прикладом
В ворота Варшавы.
И где-то за срубом,
Под взорванным дубом,
Припал он к земле
Нерасчесанным чубом...
Холодные луны,
Рябые буруны.
Опять мне приснились
Шотландские шхуны.

1929

Мать

Ей не спится, что-то сердце ноет,
Ломит грудь, а ночь темным-темна,
Звезд не видно, зимний ветер воет,
И куда ни глянь — везде война.
Стонет явор за окном уныло,
Кот мурлычет в сонной тишине.
Пусто в хате. Мужа схоронила,
А сыны? Где ж быть им — на войне.
Двое шлют ей радостные вести.
Хоть и горько жить одной,
Но за старших двух душа на месте,
Только младший — жив ли он, родной?
От него ни писем, ни открытки.
Где он? Что с ним? Полночь. Спит село.
Услыхала кашель у калитки,
Встала: «Ну, кого там принесло?
Эх ты горе, так и не уснула...»
Дверь раскрыла, ветер валит с ног,
Вышла и руками вдруг всплеснула:
Младшенький, родименький сынок!
Обняла, к лицу его припала.
И стоял, обросший бородой,
Тот, кого в тазу она купала,
Мыла чистой тепленькой водой.
Дрожь в ногах — все старость и простуда.
Затопила печь, накрыла стол.
— С фронта, милый, как же ты, откуда?
Отпустили?
— Нет, я сам ушел.
— Сам ушел! — Он повторил и замер.
Повторил, не пощадил седин.
Как чужие встретились глазами,
И лицо отвел в сторонку сын.
Долгим взглядом мать его пытала, —
Страшен долгий материнский взгляд, —
А потом беззвучно прошептала:
— Будь ты проклят, уходи назад!
Есть у нас свои законы жизни:
Мы в боях фашистских бьем зверей,
Кто изменит в этот час отчизне, —
Тот изменит матери своей.

1942

ИОСИФ УТКИН

Если будешь ранен, милый, на войне...

Если будешь ранен, милый, на войне,
Напиши об этом непременно мне.
Я тебе отвечу
В тот же самый вечер.
Это будет теплый, ласковый ответ:
Мол, проходят раны
Поздно или рано,
А любовь, мой милый, не проходит, нет!

Может быть, изменишь, встретишься
с другой —
И об этом пишут в письмах,
дорогой! —
Напиши... Отвечу...
Ну, не в тот же вечер...
Только будь уверен, что ответ придет:
Мол, и эта рана,
Поздно или рано,
Погрущу, поплачу... все-таки пройдет.

Но в письме не вздумай заикнуться мне
О другой измене — клятве на войне.
Ни в какой я вечер
Трусу не отвечу.
У меня для труса есть один ответ:
Все проходят раны,
Поздно или рано,
Но презренье к трусу не проходит, нет!

1941

МОИСЕЙ РЫБАКОВ

Мы с Байкала

(Песня призывников)

Эх, Байкал, родной, гривастый,
Едем, едем на войну!
Вспоминать мы станем часто
Синюю твою волну.
Многих хищников пленяла
Вольной ты, волна, игрой.
Нас немало.
Мы с Байкала,
Мы встаем в единый строй.
Под военный ветер вьюжный,
К нам, на западный рубеж
Всех в семье единой, дружной
Ты сынов своих пошлешь.
И крепки твоим закалом,
За родимый край горой
Встанем мы,
Друзья с Байкала,
В нерушимый братский строй.
Нам знакомы самолеты,
Мы в седло взлетим, легки —
Молодые патриоты
И отличные стрелки.
Ты нас долго колыхала
Жаркой летнею порой,
Синяя волна Байкала,
Встать готовила нас в строй.
Сталь клинков в бою речиста,
Всем поведают клинки,
Как без промаха фашиста
Бьют в бою сибиряки.
Многих хищников пленяла
Вольной ты, волна, игрой.
Нас немало,
Мы с Байкала,
Мы встаем в могучий строй.

1941

Владимир Гусенков

СЕМЬ ДНЕЙ РОМАНТИКИ

ПОВЕСТЬ

ПОНЕДЕЛЬНИК

Навалившись на барьер, Павел Ступин, утвердил на нем свои локти и принялся рассматривать телефон, оснащенный цветными клавишами. С такими комбайнами ему еще не приходилось сталкиваться. «Административный рояль», — усмехнувшись, подумал он и, мысленно нажимая на клавиши, попытался воспроизвести «Заиньку». «Где ты прыгал, серенький», — захныкала в нем старая двойка по пению.

Ступин нахмурился. Он перевел взгляд на абонентную книгу и после не очень мучительных раздумий пришел к выводу, что в ней никак не меньше трехсот страниц. Запас полезных сведений, которыми располагали служащие АТС, был практически неисчерпаем.

В помещении пахло клеем и плесенью. Оконные проемы были заделаны решетками, а между двойными рамами, как в обнесенных стеклом усыпальницах, торжественно покоились мухи.

Девушка лет двадцати трех, разбиравшая старый архив, искоса поглядывала на Ступина. По тому, как она приседала и с подчеркнутой серьезностью одергивала на себе платье, не трудно было догадаться, что ей вовсе не безразлично присутствие посторонних людей.

Начальник отдела кадров оторвался, наконец, от картотеки и, расписавшись в какой-то ведомости, дружелюбно потянулся к пресс-папье.

— И все-таки мне не совсем ясно, — задумчиво проговорил он.— На вас ведь могли оформить путевой лист и демобилизовать на полгода раньше. В институт собирались, что ли?

— После трех-то лет, — ухмыльнулся Ступин. — Да нас там гоняли с утра до вечера.

— Подумать только, сколько вам пришлось пережить.

Девушка оглянулась. Под нижней губой смешливо дернулась родинка, и Ступина обидела такая откровенная нечуткость к его армейскому прошлому.

— Свое отслужили, — твердо удостоверил он.

— Оно и видно. Недаром вы мне сразу заявили, что продавать себя ради каких-то там льгот могут только уголовники.

— А что это вас так задело?

— Да ничего! — Начальник отдела кадров исподлобья взглянул на Ступина, и мочки его хрящеватых ушей слегка порозовели.

Девушка неожиданно отшатнулась от сейфа и схватилась за грудь.

— Паук? — миролюбиво спросил администратор. Он мельком оглядел стопки разлохмаченных папок и задержался взглядом на распахнутой дверце. — Вот что, Лидия Семеновна. Оставьте-ка эту рухлядь в покое. Займитесь лучше подырями и отпечатайте тот вон приказ. — Начальник поскучал, мизинцем пригладил впалый висок и снова обратился к Ступину.— Итак, вам не нравится наша система договоров. Рабы, каторжане и прочее... Я вас правильно понял?

— Не совсем, — испытывая легкое желание отломить от барьера косяк, ответил Ступин.

— А как же вас прикажете понимать? Вот оформлю я вас на работу, а вы через неделю сбежите. Кому интересно держать такого товарища?

— Сбегают из заключения, — угрюмо напомнил Ступин, — а держат, как правило, скотину.

Администратор задумался. Глаза его замерли в одной точке, а на рыхлых с бугорчатой кожей щеках вяло заскучали желваки.

— Боюсь, что мы с вами не столкуемся, — тихо заметил он.

— Я же к вам не свататься приехал!

— И не устраивать здесь анархистских митингов.

— Да вы что! — изумился Ступин и подался вперед.

— Ого! Не сломайте барьер! Он и так еле держится.

— Андрей Николаевич! — вмешалась девушка. — Да позвоните вы, куда следует. — Она села за машинку и сердито щелкнула регистром.

— А вы-то чего суетесь? — вскипел Ступин. — Ведь вам не мешают? Нет? И отлично. Стучите себе на здоровье.

Он даже распустил пальцы и показал, что ей следует делать в подобных случаях.

— Вы просто нахал!

— Спокойно!—мягко оборвал ее начальник.—А вам я скажу, молодой человек: грубиянов у нас хватает. Будьте здоровы. Идите!

«Не имеете права!» — хотел было крикнуть Ступин, но осекся. Дверь внезапно распахнулась. На пороге появился человек невысокого роста, крепкий, с полным лицом, взлохмаченный.

— Что за ерунда? — приятно улыбаясь, обратился он не то к девушке, не то к невозмутимому кадровику, успевшему развернуть перед собой бутерброды.— Я когда-нибудь пойму, что здесь происходит? Куда вы девали пять человек, которых я к вам послал?

— Они уже оформлены и направлены на второй участок, — обнюхав тонкий ломтик ветчины, ответил начальник отдела кадров.

— Привет! — всполошился незнакомец и сорвал с переносицы очки. — Я же вам звонил по телефону. Русским языком объяснял, что Зыкову они не нужны. У него арматурный участок.

— Ну и что?

— Да ничего особенного. На кой черт ему плотники?

— А вы последний приказ читали?

— Вы уж начинайте с Бандунгской конференции!

— При чем тут конференция!

— Откуда я знаю. Людей не хватает. Где они!

Человек неожиданно успокоился и повернулся к Ступину. Оглядев его, он покосился за барьер и шепотом спросил:

— Устраиваешься!

Ступин согласно кивнул головой. Человек молча выхватил из кармана авторучку и, перегнувшись за барьер, взял чистый лист бумаги.

— Пиши заявление! — решительно потребовал он.

— Я его не буду оформлять, — пытаясь открыть термос, заявил начальник. — Здесь всесоюзная молодежная стройка, а не Клондайк.

— Начинается! — зарычал человек и, уставившись на Ступина, спросил: —Ты что, иеговист!

— Нет.

— Так в чем же тогда дело!

— Вы бы сначала послушали, как он разговаривает!

— Перевоспитается, — усмехнулся человек и, не обращая больше внимания на побагровевшего начкадра, принялся вполголоса диктовать текст заявления.

— Видал ты его! — выбравшись на пыльный полигон, сказал незнакомец. — Мне люди нужны, а он тут психику уродует. Ты ему ничего такого не сказал!

— Нет, — ответил Ступин.

— Тогда будь здоров. Кончай с бумагами и ко мне на участок. Добираться будешь так: свернешь вон за тот корпус и увидишь резервуар... Да что тебе говорить. Спросишь, где здесь участок Жукова, и любой все расскажет. А на этого Контор-Михеича не сердись. Ну, ладно. Валяй-ка к автобусу.

Жуков махнул рукой и зашагал к огромным корпусам, вокруг которых неторопливо разворачивались краны и сдержанно рычали самосвалы. Ступин огляделся. Повсюду виднелись колонны, темнели котлованы, над которыми поднималась золотисто-оранжевая пыль; ощеренные ковши экскаваторов шумно обрушивались на отвалы и, смыкая блестящие челюсти, нависали над содрогающимися МАЗами. Где-то истерично заливались отбойные молотки и скрежетали вибраторы, но людей почти не было видно.

Обогнув трайлер, груженный железобетонными плитами, Ступин пересек полигон и вышел на дорогу, ведущую в новый город. Предстояло отыскать поликлинику, пройти медицинское освидетельствование, затем проинструктироваться по технике безопасности и побывать на собеседовании у пожарного инспектора.

Поликлиника размещалась на окраине усеянного хвоей микрорайона. Фасад с деревянной верандой обращен был в сторону соснового парка, в глубине которого отчаянно поблескивали новенькими крышами поселковые дома.

Бородатый степенного вида старик сидел под елью и, посохом охаживая мелкие шишки, загонял их под скамью. Он оглядел Ступина и согласился присмотреть за чемоданом. Через полчаса Ступин приседал перед осовевшим от духоты невропатологом, силился вспомнить, болел ли он в детстве коклюшем, и терпеливо следил за резиновой грушей, с помощью которой измеряли кровяное давление. С обменом веществ все было в порядке. Гормональные железы находились в удовлетворительном состоянии. Как и следовало ожидать, никаких опасных последствий гарнизонный режим за собой не повлек.

Оправляя на ходу гимнастерку, Ступин выбежал из подъезда.

Старик безмятежно дремал на скамье. Его кержацкие брови шевелились, точно шмели на подсолнухе. Чемодан стоял между ног. Заслышав шаги, старик приподнял веки, и под ними блеснули выцветшие зрачки. Глядеть в них было так же покойно, как в отстоявшиеся родники, но Ступин подметил другое —широкие плечи, крепкую шею и сапоги на мягкой подошве.

— Лечишься, дед!— подсаживаясь рядом, спросил он.

— Здоров, славу богу. Дочь поджидаю.

— Ну-ну! Беспокоишься. Сам-то, если не секрет, с какого!

— Года-то! — догадливо отозвался старик. — Восемьсот осьмидесятого. Есть еще сила. Ноне сено в лесу приглядываю...

«Ишь ты!» — мысленно отметил Ступин, и по мере того, как старик оживлялся, в нем росло подозрение. Зять, хозяйство, приусадебный участок, слюнявые телки, которым ежедневно надо готовить пойло и крошить в него хлеб... «А сам наверняка в продармейцев лупил из обреза».

— Ты, дед, случайно, не георгиевский кавалер! Крестов, говорю, успел нахватать!.

— Ни-ни! — отмахнулся старик.

— А как же в девятнадцатом!—не без иронии спросил Ступин и покосился на песок.

— В тайге мы. На заимках дисфлицировались. Лошадей берегли.

— Понятно. Сам-то штук пять содержал.

— Две: одну то есть так, для порядка, а жеребец даурских кровей был. У Бирюсы мне его порешили. Пулемет, ядрена Феня, выставили, а его по ногам и хлестнуло.

— Постой. Да ты где тогда был!

— В партизанах, паря. У Бурлова. Слыхал, али нет про такого! При ем я был. Плоскоступый. Вишь, как подфартило мне с ногами.

— Так ты, папаша, из нестроевых! Ать-два тебе не подходит. А как же тогда сено косишь! — все еще пытаясь изловить старика на слове, не унимался Ступин.

— Чего ж не косить, — потупился дед. — Трава — не девка. Сама в руки валится.

— Значит, бегать не надо!

— Ясное дело.

Ступин достал пачку «Беломора» и пальцем щелкнул по тыльной стороне. Выскочило сразу три папиросы. Одну он загнал обратно, прикурил из тяжелых, как медные чаши, ладоней и, поднявшись со скамьи, подхватил чемодан.

Недостроенные улицы, пахнущие известью и битумом, были завалены лестничными маршами, перекопаны траншеями и заставлены лесами. Подле металлических ящиков с раствором расположились каменщицы. Одна из них, в оранжевой маечке, прикрываясь от солнца газетой, сидела на дощатом помосте и о чем-то рассказывала. Остальные внимательно слушали. Ступин не любил сентиментальных сравнений, но эти платочки и желтые кофточки напомнили ему поляну цветов, чудом распустившихся среди песка и щебня.

«А вон та чернявая — ничего», — игриво отметил он и чуть ли не гвардейским шагом, подтянуто и строго прошел мимо девушек.

— Славный-то какой! — раздался за его спиной насмешливый голос. Последовал нежный и долгий вздох. Кто-то мяукнул, взвизгнул, и разом «поляна» за спиной у Ступина разразилась хохотом.

Пообедав в столовой, он еще некоторое время бродил по городу, побывал в гостинице, где к его удивлению не оказалось ни одного свободного места, и уже далеко за полдень случайно заметил легкого типа, строение, которое вполне могло сойти за отхожее место, но, подойдя поближе, он с некоторой долей горечи вынужден был признать, что ошибся. «Тир» — оповестила его вывеска.

...Вздрогнув от угодившей в него картечины, медведь послушно завалился набок и рухнул за перегородку. Ступин положил ружье. Все было кончено: блеклое солнце, мерцая велосипедными спицами, скрылось за чахлым перелеском; кукушка спряталась в картонный терем; флегматичная утка, похожая на допотопный аэроплан, вяло распластала крылья, а лилипут-штангист, угрюмо звякнув проволочными суставами, сделал свой тысячный рывок.

— Еще! — осведомился инвалид и, поднимаясь со скамьи, скрипнул пристегнутым к бедру протезом. Его сутулая фигура разом заслонила все мишени.

— Спасибо,— отказался Ступин и, достав бумажник, стал выгребать из него мелочь. Инвалид насмешливо следил за ним из-под шляпы.

— Что вы там роетесь! С вас же ничего не причитается. Десять выстрелов и ни одного промаха.

— А верблюд!

— Это лось, — мягко поправил инвалид. — Но вы в него тоже попали. Можете быть уверены. С ним просто что-то стряслось. Вчера один парень кинул в него бутылкой.

— С чего это он так разошелся!

— Видать, перехватил лишнего. Поспорил тут с одним папашей, что положит в яблочко сто очков, а самого хоть выжимай. Понятно, какой из него стрелок. Проиграл пятерку и давай орать, что ружья у меня дерьмо. Ну ясно, чем это кончилось.

Инвалид невозмутимо поиграл бумажными рулонами и, вздохнув, бросил их в плоскую шкатулку.

— И часто у вас так бывает! — поинтересовался Ступин.

— А вы что, здесь проездом!

— Да, кажется, нет...

— Ну, тогда увидите все своими глазами.—Инвалид выпрямился и, снова скрипнув протезом, взглянул на часы. — Ого! Шестой час. На сегодня довольно. Думаю, что мы еще с вами увидимся. Заглянете ведь!

— Обязательно! — ответил Ступин и, попрощавшись, вышел из-под навеса. Перейдя через дорогу, он оглянулся. В тире уже никого не было. Немного в стороне, там, где судя по всему, был местный рынок, мелькала шляпа инвалида. Подождав, пока она исчезнет среди бабьих платков и плетеных корзин с зеленью, Ступин усмехнулся и поправил сбитую набок фуражку.

Возле заляпанного грязью щита, призывающего водителей не нарушать правил уличного движения, Ступин увидел парня в мокрых спортивных штанах и рваной вьетнамке. Зажав между колен спиннинг, парень с горечью рассматривал раскисшую пачку сигарет. На правой руке у него болталась связка окуней.

— Закурим! — предложил Ступин.

— Давай, если не жалко!— согласился парень и потянулся к папиросам. Его широкое лицо с толстыми губами заметно смягчилось. Ступин поставил чемодан на землю и кивнул на окуней.

— Где это таких натаскал!

— На море.

— А далеко оно отсюда!

— По той вон тропинке километра два или три. Кто говорит четыре, а по мне хоть и десять.

Парень прислонил спиннинг к щиту и подтянул штаны. Узнав, что Ступин служил в артиллерии, он задрал голову и проследил за летящим над тайгой вертолетом.

— Не зенитчик случайно!

— Наземник.

— Ясно. Батя мой тоже в орудийном расчете был. Снаряды подносил.

— Сам-то еще не призывался! — поинтересовался Ступин.

— Что ты! Два года отгулял в стройбате. Аэродромы строил. Жилось ничего... Только в первое время гоняли. Днем занимаешься, вечером — тоже. Получишь наряд вне очереди и мотаешься после отбоя. Тебе-то как, не приходилось!

— Бывало.

— Тогда все в порядке! — заключил парень и, подмигнув Ступину, взялся за спиннинг.— Ночевать-то есть где! Или ты здешний!

— Да вроде бы знакомых нет.

— А я-то тебе кто! — обиделся вдруг парень. — Пойдем со мной, если хочешь. В общежитии — да места не найти. У своих растерялся, что ли! Вечером сгоняем к девочкам. Хочешь, с одной познакомлю...

— Подумать надо, — замялся Ступин. Та залихватская беспечность, с которой парень уламывал пойти в общежитие и предлагал даже «сгонять к девочкам», сразу его отрезвила. «Не нарваться бы», — смекнул он и в свою очередь тоже проследил за вертолетом, который походил теперь чем-то на коршуна.

— Мда! — потупился новый знакомый. — Другой бы на твоем месте от радости умер, а ты еще раздумываешь! В дороге, что ли, налюбился! Или невеста у тебя есть!

— Была, — отозвался Ступин и, опасаясь, что разговор на эту тему может затянуться, поинтересовался, далеко ли от автостанции до общежития. Парень махнул рукой в сторону двухэтажных из стандартного бруса домов, толково объяснил, как найти нужный Ступину номер, и уж после этого спохватился:

— Постой! А ты со мной-то не пойдешь!

— Хочу прогуляться до моря.

— А-а-а! — одобрительно отозвался парень и вскинул на плечо спиннинг. — Так тебе точно негде ночевать!

— Точно.

Тропинка терялась в пологом распадке. На охотничью она не походила. Угадывались выбоины, торчали кое-где полусгнившие слеги, остатки хвороста сухо потрескивали под сапогами. По всему было видно, что это была старая дорога. Лесная сирень вплотную подступила к обочинам. Ступин еще утром обратил внимание на фиолетовые заросли и, расспросив у одной женщины, узнал, что это и есть иван-чай.

Стволы сосен, уходя ввысь, постепенно светлели, а у самых вершин становились почти оранжевыми.

В сухостое хлопотали дятлы. Из густого кустарника вынырнул полосатый зверек, вскочил на поваленное дерево и, взглянув на человека, юркнул под узловатый комель. «Бурундук»,— догадался Ступин.

Пройдя еще шагов двести, он увидел море и, не обращая внимания на кусты, направился к нему напрямик. Лес по всему водохранилищу был вырублен, однако местами виднелись полузатопленные сосны — немые свидетели того, что еще совсем недавно здесь тоже была тайга. Среди скользких могучих бревен багровыми и фиолетовыми струпьями крошилась и подплясывала на воде кора. Но так было возле берега. Дальше начиналась чистая полоса, и где-то на середине она казалась изумрудного цвета, потом переходила в сплошной ультрамарин, а у противоположного берега, который едва угадывался на фоне предвечерних облаков, вода сверкала узкой полосой, похожей на застывший след метеора.

Волоча чемодан по разомлевшим цветам, Ступин направился к трем соснам, росшим неподалеку от берега и, дойдя до них, растянулся в теплой траве. Где-то рядом посвистывали птицы, пахло смолой и разомлевшей хвоей. Ступин прикрыл веки, и незримые духи тишины разом обступили его со всех сторон. Они трепетали, звенели, раскачивались, стрекотали, и от этого

сами собой путались мысли, но прежде, чем это случилось, Ступин еще успел кое о чем подумать...

Прежде всего о начальнике ОК. Ничего тот не понял. Битых сорок минут допытывался, почему он, рядовой Ступин, не явился строить комбинат зимой, а хватился только летом. «Ведь вас же могли демобилизовать на полгода раньше...».

Так оно и было. Могли! Но не стоило...

Когда приехавший из Братска представитель объявил им, что желающие поехать на великие новостройки могут досрочно уйти в запас, многие взвыли от радости.

После отбоя Остап Кухно ткнул Ступина в бок и засопел у него над ухом. Вокруг шептались, вздыхали, маялись. Упоминалась Братская ГЭС. Старшина Милютин уже дважды заглядывал в дверь и грозился поднять всю роту на ноги. Однако уняться никто не мог. Дневальному посоветовали заткнуться, когда он попытался кого-то урезонить.

— Поедешь! — спросил Кухно. До армии он работал сантехником и теперь не сомневался, что его отправят в первую очередь.

— А ты!

— Поеду! Скорей бы только погоны скинуть. До Киева близко. Понял!

— Почему до Киева!

Кухно задергался, давясь от смеха:

— Думаешь, все собираются в Братск! Там и без нас хватает людишек. Просто ищут дешевую силу...

— Так ты хочешь рвануть!

— А почему бы и нет!

— Ну и вернут тебя снова в часть.

— Кто! Милиция! Я же рассчитаюсь. А с военкомом как-нибудь поладим; у бати язва, сестра в декрете, сам южанин, гони трояк. И ты не теряйся. Поступишь куда-нибудь. Времени много: подготовишься.

— Ладно! Спи! — посоветовал Ступин. Он укрылся с головой, но долго еще прислушивался к счастливым вздохам. Вспоминалась «Легенда об Ангаре», прочитанная как-то на досуге. Ряжи, перемычки, стальные тросы, парни с чуть ли не обугленными щеками; по Цельсию сорок, не то, что в Киеве. Вот так и выложить все лейтенанту. Стукач! А те, которые в робах! Они же не из чугуна! Пускай Кухно покатает лучше гаубицу, а краны не заржавеют и без него.

Сухая лиственница чернела среди окруживших ее берез. На ней сидел дятел и стучал. Хвост заносило в сторону. Ступин зевнул и прикрыл глаза. Тогда он так и не сходил к лейтенанту. А Остапа огрел по спине, когда тот за обедом подавился бараньей костью. Хотел добавить, но раздумал.

Проснулся он в сумерках. На востоке тесным небесным воинством сгрудились облака. Их мерцающие глыбы отражались в нагретой за день воде. От моря тянуло запахом свежей тины. Редкие всплески означали, что рыба, наевшись, балует. Ступин закурил и вспомнил парня со спиннингом: его глаза, от которых то и дело разбегались нагловатые морщины, интерес к чемодану (взглянул раза два) и крупные зубы. Возвращаться не хотелось. Ступин привык сходиться с людьми постепенно, доверялся не сразу, и случайные встречи могли его сблизить разве что с кротким застенчивым существом, но никак не с таким вот ухарем.

Небо темнело. Тускнели облака, похожие теперь на увядающие георгины. В стороне засияла первая звезда. Ступин взглянул на часы и убедился, что время позднее.

«Интересно, водится ли тут зверье крупнее собаки!» — подумал он и оглянулся на тайгу. Там среди сосен виднелись какие-то светлячки, но к фауне они, безусловно, не имели никакого отношения, поскольку витали довольно высоко. Комары оживились.

Ступин старательно их истреблял, но они не желали считаться с потерями.

Отшвырнув окурок, он решительно вскочил на ноги и принялся собирать хворост. Потом открыл чемодан, достал вязаный свитер и натянул его на себя. Одинокий костер робко засветился на берегу. Мягкие фосфоресцирующие блики заискрились у берега. Огромная луна показалась над горизонтом, и вскоре от нее накатилась сплошная светящаяся зыбь. Отвалившись к дереву, Ступин долго смотрел на нее.

Костер догорал. Низкий кустарник, под которым виднелись охапки хвороста, медленно терял свои очертания. Ступин очнулся. В просветах между стволами деревьев все еще теплилось небо. Внезапно где-то неподалеку послышались голоса. Ступин оглянулся. Тонкий луч света метнулся из-за сосен и тотчас погас. К костру приближались двое. Шли они осторожно, боясь оступиться в густой траве.

— Он! — останавливаясь, спросил первый.

Второй молча направился к огню и, подойдя совсем близко, привалился плечом к сосне.

— Сейчас мы его опознаем, — тяжело дыша, сказал он.

Кадык его дернулся, как затвор. Это был знакомый рыболов. Все те же спортивные штаны сползали ему на бедра. К икрам они уже не прилипали, потому что успели высохнуть, но теперь на них поблескивали крохотные серьги рыбьей чешуи. Из-за спины рыболова показался второй. Он был среднего роста. Даже под небрежно накинутым пиджаком угадывались тяжелые слитки мышц. Парень выглядел ненадежно, и мрачноватый взгляд из-под насупленных бровей ничего хорошего не обещал. Нащупав за чемоданом витиеватый обломок дерева, Ступин придвинул его к себе.

— Ну! — толкая плечом рыболова, спросил парень, и по его богатырской шее зловеще скользнул отблеск умирающего пламени.

— Тот самый, — не сводя со Ступина кошачьих глаз, подтвердил рыболов. — Сейчас мы его чем-нибудь треснем. — Парень непристойно ухмыльнулся. — Что бы нам такое найти! — забормотал он.— Может, где кирпич какой завалялся!..

«Злодеи» обменялись взглядами.

— Обормот! — снисходительно проговорил второй и, неожиданно улыбнувшись, с треском нахлобучил на «убийцу» фуражку. Бросив в траву какой-то предмет, он шагнул к костру.

Рыболов повалился в траву и, на четвереньках добравшись до Ступина, сел рядом с ним.

— Мы уже думали, что ты заблудился, — слабея от смеха, признался он. — Боря, говорю ему, сучий ты потрох, кончай изводиться над книгами...

— Ну, ладно! Хорош!—перебил его Боря и протянул Ступину руку.— Борис!

— Павел!

— А я, между прочим, Веня, — все еще переживая недавнюю сценку, всхлипнул рыболов, — по паспорту Вениамин.

— Сын собственных родителей,—напомнил ему Борис.

— И так далее,— согласился Вениамин. Он ладонью провел по шее и принялся хлопотать над костром.

Когда хворост разгорелся достаточно ярко, Ступин, наконец, разглядел тот самый предмет, который остался лежать под деревом. Это была обыкновенная фара

и к ней небольшой аккумулятор. Перехватив его взгляд, Борис усмехнулся и пояснил, что эту штуку Вениамин «подобрал» в лесу. Проходил мимо стоянки механизмов и наткнулся сначала на фару, а потом на аккумулятор. Надо же родиться таким счастливым.

Вениамин скромно потупился и тяжело вздохнул.

— Выпить бы, а! — размечтался он.

— Может, сходишь в гастроном!—предложил Борис.

— Зачем так далеко! — сказал Ступин и, придвинул к себе чемодан.

Порывшись в белье, он извлек из-под него бутылку и протянул Вениамину.

— А что это у тебя там за книга! — спросил Борис.

— Кибернетика.

— Что там еще за хреновина,— обеспокоился Вениамин.— Скажите лучше, из чего мы будем пить!

— Сейчас посмотрим, — сказал Ступин и достал со дна чемодана бокал.

— Неплохая книжонка,— возвращая Ступину книгу, заметил Борис.

— Имейте ж вы совесть!— взмолился Вениамин. — Здесь ведь вам не конференция. Сначала коньяк, а потом хоть о глистах говорите.

Первым выпил Ступин. За ним остальные.

— Ночь — не нарадуешься, — мечтательно изрек Вениамин и, снова наполнив бокал, протянул его Ступину.

— Я пас!— отозвался Борис. Он загнал в огонь откатившуюся от костра головню и сцепил на коленях руки.

У противоположного берега редкими светляками плескались в воде огни одиноких барж. Где-то в заливе, как только что въехавший квартирант, робко покашливал катер. Мягко переливались травы, и бледные ромашки преданно и нежно глядели на луну.

— А далеко отсюда плотина!— спросил Ступин.

— Если подняться на тот вон мыс,— пояснил Борис.

— Тещин язык! — вставил Вениамин и, блаженно охнув, опрокинул в себя остатки коньяка.

— ...Можно увидеть ее даже сейчас. Конечно, только огни.

— Обязательно побываю!— заявил Ступин. — Вы-то хоть успели посмотреть, как тут котлован заливали!

Вениамин пьяно прикрыл одно веко и, поиграв пустым бокалом, кивнул на Бориса.

— Ты лучше у него спроси. Ему за этот котлован чуть орден не дали. Пожалели.

— Так ты, выходит, сам эту ГЭС строил! — оживился Ступин и с уважением взглянул на Бориса.

— У нас на участке таких гидростроителей, как я, человек двадцать наберется,— усмехнулся Борис.

— А вы случайно с Жуковым не знакомы! — отчего-то воодушевляясь, спросил Ступин.

— Это уж не наш ли начальник участка!

— Так вы у него работаете!

— Да вроде бы так. А что! — насторожился Борис. Ступин неопределенно хмыкнул, потер свой квадратный подбородок и торжествующим голосом рассказал обо всем, что случилось с ним днем. Пораженный Вениамин пьяно всплеснул руками и тут же предложил соорудить плот, чтобы немедленно выйти в море. Ему хотелось показать огни легендарной плотины, но Борис, поймав за штаны мореплавателя, сказал, что это еще успеется. Поднявшись с земли, он потянулся и, подобрав фару, ткнул Вениамина под бок:

— Идем. Хоть пару часов подрыхнем.

ВТОРНИК

На столе еще оставалось два куска хлеба, кусок сыра, почти опустошенный пакет из-под сахара и немного колбасы.

Молча прикончив последний ломоть, Вениамин проворно выбрался из-за стола и потянулся к полотенцу. Его беспутные голубые глаза уставились на Ступина.

— Морской закон! — участливо сообщил он. — Кто последний, тот и убирает.

Ступин слегка подосадовал на свою необразованность и, окинув взглядом остатки трапезы, допил чай.

— А где у вас тряпка!

— На этажерке, — ответил Вениамин.

На этажерке оказались одни газеты. Ступин смолчал и, разодрав одну из них, придал ей надлежащую форму.

— Куда бы это все ссыпать! — в поисках ведра или таза, замешкался он над объедками.

— Окно вон есть,— разглядывая сломанный у фуражки козырек, невозмутимо подсказал Вениамин.

Ступин заглянул вниз. В палисаднике росли цветы и два неизвестной породы деревца.

— Неудобно как-то!— заколебался он.— Палисадник ведь.

— Ничего. Голуби живо все подберут.

— Бумагу же не станут они клевать!

— А что им сделается! Они вон даже стекло едят. — Поймав на себе недоверчивый взгляд Ступина, Вениамин рассмеялся и, уже держась за дверную ручку, пояснил: — Там под самым окном емкость стоит. На нее и ориентируйся.

Сфера ликвидации производственных травм, в которую Ступин проник через обитую войлоком дверь, в основном состояла из четырех стен, увешанных цветными плакатами. Они-то и являлись основной ударной силой, призванной воздействовать на психику трудящихся. В центре внимания находились жертвы несчастных случаев. Они натыкались на торчащие гвозди, заживо сгорали, прикасаясь к трансформаторам, падали с перекрытий, в ужасе разбегались от летящих на них сверху бетонных глыб и, только отдышавшись как следует, догадывались в чем дело. «Соблюдайте правила техники безопасности!» — оповещали их красные надписи.

Мельком ознакомившись с тем, в каких случаях не следует стоять под краном и находиться вблизи взрывоопасных зон, Ступин почтительно приблизился к столу и молча положил на него листок. Желтолицый мужчина с короткими бакенбардами оторвался от журнала женских мод, где в самом конце хорошенькие девушки позировали в купальных костюмах, и непонимающе уставился на фигуру, одетую в военную форму.

— Пришли на инструктаж! — все еще находясь под влиянием тонко обозначенных форм тела, спросил он и по лицу его скользнула тень сожаления. Контраст был слишком разителен. Ступин с нескрываемым сочувствием одернул на себе грубое подобие одежды, именуемое гимнастеркой, и подтвердил, что он действительно прибыл для собеседования.

— На строительстве когда-нибудь работали! — спросил желтолицый.

— Нет.

— Понятно. Дайте-ка сюда обходную! — Человек искоса взглянул на белокурую обладательницу голубого трико и, неприметно прикрыв ее локтем, внимательно принялся изучать обходной листок. Можно было подумать, что он впервые столкнулся с таким сложным документом. Проговорив, наконец, «ага» и «все ясно», он небрежно сместил журнал на край стола, поставил на него бутылку с клеем и, спросив Ступина, не служил ли тот случайно в морской авиации, еще раз повертел в руках обходную. Затем его лицо приняло озабоченное выражение. Он быстро порылся в бумагах, похло-

пал себя по нагрудным карманам, заглянул под стол и, неожиданно ожесточившись, хватил кулаком в обшитую сухой штукатуркой стену.

— Александр Сергеевич! У вас есть авторучка!

— А что! — глухо донеслось из-за перегородки.

— Расписаться нечем!

— Сейчас посмотрю!

— Черт! — с сердцем выругался желтолицый, — не могут обеспечить авторучками.

— Я вам могу дать свою, — сказал Ступин.

— А что ж вы молчите! — Желтолицый быстро подмахнул подпись, пригубил печать и от души ахнул ею в листок. — Ну вот и все. Более подробно вас проинструктируют на участке. — Он дружески улыбнулся Ступину, давая тем самым понять, что не во всех инстанциях сидят людоеды, которые готовы живьем обглодать человека, лишь бы он попал к ним в руки. Бутылка с клеем вновь переместилась на другой конец стола.

— До свиданья!— сказал Ступин и, уже прикрывая за собой дверь, услышал из-за перегородки слабеющий голос:

— Арон Степанович! Возьмите авторучку у Зои.

К двенадцати часам он попал на инструктаж к инспектору пожарных постов. В тесном помещении на двух скамьях сидели строители. Их было человек десять. Худощавый капитан подробно объяснил устройство кислотных огнетушителей. Потом он показывал, как надо с ними обращаться. Нельзя было тушить провода под напряжением, запрещалось обливать горящую одежду на людях. Взрывчатые смеси рекомендовалось накрывать войлочными матами, а рядом с горящим карбидом категорически запрещалось появляться с какими бы то ни было предметами, имеющими «влагоугрожающий характер».

Опросив трех человек, капитан еще раз рассказал, из чего состоит свинцовая мембрана и выразительно поднялся из-за стола. Строители по одному стали подходить к нему с листками.

В отделе кадров все также пахло клеем. Рядом с телефоном стоял китайский термос. Чаепитие, судя, по всему, состоялось недавно. Молча выдав Ступину направление, начальник ОК сухо пояснил, что на участок следует явиться сегодня же и, достав пузырек с неизвестной жидкостью, принялся обрабатывать указательный палец, на котором виднелось чернильное пятно.

— С Осиповой мы еще выясним! — сказал он, орудуя ваткой.

— Теперь уже поздно, — вздохнула девушка. — Живет себе и горя не знает. Ордер есть. Чего еще надо!

— А как в моральном смысле!

— Вы же знаете, в каком она виде является на работу.

— Мда! Клеопатра. Штаны! Эти модные предметики...

Ступин застегнул нагрудный карман и, выходя, чуть не опрокинул урну.

Жукова на участке не оказалось. Несколько будок-времянок одна за другой тянулись вдоль котлована. Выцветшие плакаты свисали с них до самой земли. На одном из них был изображен комсомолец в красивом финском свитере, черных шароварах и огромных резиновых сапогах с лихо вывороченными голенищами. Монтажная каска сияла на его голове. Огненные стрелы графиков горели на фоне индустриального пейзажа. Развернутая внизу подпись гласила:

Вновь страна нашу юность на подвиг зовет.
Выходи, комсомолец! Вперед, патриот!
Будь на фронте химических строек,
Как всегда, и отважен и стоек!

На другом плакате красовался обрюзгший бюрократ с огромным портфелем в руках. За его спиной пылали груды хвойных веток, а в клубах дыма рыдали бутылки со скрипидаром, банки с целебной мукой, лекарственные препараты и строительные плиты. В четверостишии говорилось:

Не ветер бушует над бором,
Не щепки и сучья горят,
А ценной продукции горы
Бесцельно на ветер летят.

Ознакомившись с наглядной агитацией, Ступин уселся возле чугунных насосов, похожих на гигантские раковины, и стал ждать.

Колонны разной высоты и обхвата тянулись бесконечными рядами вдоль траншей, каких-то неведомых и сложных механизмов, трубопроводов, баков причудливой формы. Неслышно двигались краны, как бы наводя порядок, осмысливая, что к чему. Неторопливо скрещивались стрелы, сотни коротких вспышек скрепляли подаваемые снизу панели. Ухали далекие взрывы.

Ступин различал теперь фигуры монтажников, следил за их несуетливыми движениями и робел, представив себя на высоте в роли хотя бы сварщика. Раньше казалось все проще. Но теперь ему начинало льстить, что он тоже будет причастен к этим растущим громадам, к транспортерам и разным подъемным устройствам, к молоткам, лопатам, к разумному нечто, которое со временем оживет.

Жуков пришел к концу смены. Не замечая Ступина, он ввалился в прорабскую, и сейчас же по его следам, словно из-под земли, стали появляться люди, решительно втираясь в узкие сенцы. Когда Ступин вошел в прорабскую, тут уже разбиралось дело о каком-то четвертом резервуаре, который надо было срочно расчищать. Жуков невозмутимо обмахивался платком, что-то говорил в телефонную трубку, кивал, соглашался и, увидев, наконец, Ступина, поманил его пальцем.

— Оформился? — спросил он и, не дожидаясь ответа, схватил за рукав жилистого парня с тяжелой нижней челюстью и большими руками:

— Горохов! Это твой. Скажи Татьяне, чтоб нашла ему что-нибудь из спецодежды. И давай мне коридор. Выгоняй кран к башням. Пускай его демонтируют.

— Карманы тоже надо бетонировать, — черным ногтем утюжа стол, проговорил парень.

— Родненький! — нежно поддержал его Жуков. — Кто же говорит, что не надо. Но мы же с тобой не волшебники.

— Пошли! — обращаясь к Ступину, сказал парень. По его насупленному виду можно было догадаться, что он не разделяет мнения начальника, однако должен с ним считаться, поскольку так уж устроен мир.

Они вышли на крыльцо и закурили. Бригадир помолчал, видимо, все еще обдумывая, как ему быть с карманами и только после этого поинтересовался, не знаком ли Ступин с плотницким делом! Долго выяснять не пришлось. Ступин умел собирать яблоки и немного рубить дрова. Радиотехнические познания, которые он получил в армии, имели здесь также сугубо условную ценность.

— К какому бы звену тебя прикрепить, — явно теряя интерес к разговору, задумчиво проговорил бригадир.

— К Борису Бугрину бы, — подсказал Ступин.

— А ты откуда его знаешь!

— Познакомились.

— Это ясно, что не разошлись. — Бригадир подозрительно взглянул на Ступина.

— С Пупковым пока поработаешь, — швырнув папиросу в траншею, сказал он и, круто развернувшись, направился к загорелой красивой девушке, которая только что сгрузила с машины обитые жестью ящики. Деловито хлопнув ее по спине, бригадир молча подхватил один из ящиков и вскинул себе на плечо. Подоспевший Ступин попытался сделать то же самое, но слегка переусердствовал. Хитрый ящик вырвался у него из рук и углом зарылся в опилках. Девушка отступила в сторону и залилась смехом.

— Горохов! — крикнула она. — Мужик-то твой надорвался!

Ступин побагровел от смущения. Из кладовой показался бригадир. Великодушно давая понять, что ему ничего не стоит самому управиться со всем этим имуществом, он, сдержанно крякнув, взялся за второй ящик.

— Что это в них такое! — спросил Ступин.

— Гвозди! — ответила девушка. — А ты думал, яблоки прислали!

Глаза веселой кладовщицы снова заискрились под платочком. Ступин шевельнул бровями. Надо было брать реванш. Ткнув носком сапога в ящик, он по-хозяйски склонился над ним и молодцевато вскинул на себя.

— Татьяна! — выходя на крыльцо, обратился бригадир к девушке. — Выдай этому товарищу инструмент и спецодежду.

— Молотки у меня есть, а топоры и ножовки кончились.

— Найдешь! — отмахнулся бригадир и попытался ущипнуть кладовщицу.

— Жалко, что у меня косичек нет. Правда! — отстраняясь, спросила она. — А то бы и за них подергал.

Бригадир сурово взглянул на пальцы, которыми можно было крошить кирпичи и, засопев, обошел непокладистую Татьяну. «Культурно она его склеила», — подумал Ступин.

— Так ты займись этим товарищем, — сказал бригадир и, делая вид, будто ничего такого не произошло, незаметно исчез за углом.

Лицо девушки обратилось к Ступину. Покусывая губы, она прошла мимо него. Притиснутый к косяку, он ощутил ее дыхание, слегка обомлел, когда взгляд его, хотя и не слишком пытливо, задержался в розовом вырезе кофточки, и быстро оправившись от столь сладкого потрясения, сурово подтянул свой армейский ремень. В кладовой было тесно. На широких стеллажах пылились какие-то диски, из-под рваной одежды выглядывали валенки, в углу бесформенной грудой лежал пахнущий цементом брезентовый полог, а рядом с ним валялись спутанные шланги от вибраторов.

— Как зовут-то! — спросила девушка. Она бросила Ступину черную куртку, которую он подхватил на лету, но посланные вслед за этим штаны едва не сбили с него фуражку.

— У тебя что, язык отсох!

Он взглянул на нее исподлобья и пояснил, что когда-то его звали Павлом.

— Иди распишись, Павел! Только скажи сначала фамилию.

Ступин протиснулся к столу, сурово отстегнул авторучку и принялся разглядывать фактуру.

— Инструмент заберешь или до утра оставить! — спросила Татьяна.

— Если можно, — заколебался Ступин.

За стеной кто-то разнузданно ухнул и, вскочив на крыльцо, затопал ногами. Когда с гвоздя сорвался светильник и упал в ящик с болтами, грохот прекратился: в кладовую вломился Вениамин. Он лихо отдал честь и через плечо осмотрел подошву.

— Устраиваешь землетрясение! — спросила Татьяна.

— А что, похоже! — обрадовался Вениамин.

— Почти как настоящее.

— Это я камаринского мужика изображал.

— Способный! — похвалила Татьяна. — Ты еще дрова-то не пробовал колоть головой!

Губы Вениамина запрыгали до самых ушей. Он подмигнул Ступину и, простирая руки, полез обниматься с Татьяной.

— Уйди! Да отстань же ты, ради бога! — крикнула она и оттолкнула Вениамина. Чувство, похожее на зависть, шевельнулось в груди у Ступина. Втянув живот, он расправил под ремнем складки гимнастерки и чисто механическим жестом застегнулся на все пуговицы.

— Выметайтесь! — потребовала Татьяна, — набьются сюда всем участком, хоть сторожа ставь.

Она взяла со стола замок и подтолкнула «камаринского мужика» к порогу.

Среди корпусов и огромных эстакад один за другим умолкали компрессоры. Кончалась первая смена. На стоянке, где с ревом разворачивались автофургоны, мелькали вьетнамки и береты, платочки, от которых пахло свежей известью, и тяжелые с двойными плечами куртки монтажников.

Из глубины фургонов слышался визг негодующих на тесноту девушек и неторопливый говор тех, кто успел захватить сидячие места. Водители развязно окликали смазливых каменщиц. Сидеть с кем попало им не хотелось, и поэтому они вели себя, как на смотринах.

— Ну-ка ты! Подбери лапти! — цепляясь за подножку, заорал Вениамин и, ругаясь, полез в душную пасть фургона.

— Почему так мало машин! — задыхаясь от напиравших на него парней, полюбопытствовал Ступин.

— Нашел у кого спрашивать! — ответил Вениамин и, пытаясь развернуться, локтем угодил в грудь уже немолодой женщине.

— Чего вертишься! — хрипло спросила она. —Пятаки-то свои вылупил...

Договорить она не успела: подоспевший сбоку великан рассерженно схватился за поручни и грудью обрушился на тех, кто болтался еще снаружи. Парни взвыли. Тяжело покачиваясь, автофургон тронулся с места и, как опившийся клещ, медленно пополз к дороге. Правая рука Ступина стискивала металлический стояк, в затылок жарко дышали монтажники, а в подбородок тыкался чей-то затылок. Он пытался поправить вылезшую из-под ремня гимнастерку, но это удалось ему сделать только в городе, когда освеженный ветром верзила покинул, наконец, подножку и дал возможность выбраться остальным.

— Знаешь, кто этот парень! — жарко прошептал Вениамин. — Бова! У нас на участке работает. Здоровый лоб! Верно! Ему бы лошадью родиться, а он, видать, не догадался. Теперь ходит мучается.

— Это почему же! — спросил Ступин.

— Не видишь, что ли, сколько в нем силы! За него никакая баба замуж не пойдет.

Вениамин замолчал и только возле общежития, неожиданно хихикнув, обернулся к Ступину.

— Помнишь, я вчера говорил тебе об одной манюне!

— С которой обещал познакомить!

— Ага!

— А что это ты вдруг ее вспомнил!

— Да так. Ты ведь с ней уже познакомился.

Вениамин, взлягнув ногами, перемахнул через низкий палисадник, и Ступин отчего-то пожалел, что он не зацепился за низкий штакетник и не зарылся носом в ботву.

Часов в шесть вечера в соседнем общежитии удалось поймать комендантшу и сравнительно легко договориться о новом местожительстве.

— Бог любит троицу, — рассматривая в зеркало свою физиономию, острил Вениамин. Он собирался навестить какого-то любителя рыбной ловли, но судя по тому, как нежно его руки повязывали галстук, а потом любовно удаляли с подбородка прыщ, Ступин догадался, к какому полу относится этот любитель.

Вершины коренастых сосен давно уже горели протяжным багрянцем, когда Борис вернулся с работы.

Неторопливо закатывая рукава вьетнамки, он поведал Ступину о некоем мастере Юбочкине, который подстерег его у третьего резервуара и попросил сколотить несколько вкладышей для одной нестандартной конструкции. Отказаться было никак нельзя, потому что на бетонном заводе кончался цемент, а грубый и невежественный диспетчер Гришин еще со вчерашнего вечера грозился написать на Юбочкина рапорт за его якобы скряжнический характер и неслыханное вымогательство.

Не совсем разобравшись в затяжном и, судя по всему, обычном конфликте, возникшем в результате столь сложных обстоятельств, Ступин поинтересовался, часто ли приходится работать в две смены и, получив утвердительный ответ, принялся исследовать репродукцию. Она висела над кроватью Бориса. На ней изображена была женщина с красивым, почти античным лицом, высокая и молодая. Она стояла среди цветов и спокойно, едва улыбаясь, смотрела прямо на Ступина, словно он-то и был ей нужен.

— Это чей портрет? — спросил Ступин.

— Не знаю, — вяло ответил Борис и, к чему-то принюхиваясь, стал заглядывать под кровать.

— Скотина! — сказал он наконец и, подойдя к шкафу, вытянул из-за него связку потускневших окуней.

— Вчерашние? — поинтересовался Ступин.

— А черт их знает! — выругался Борис и с негодованием уставился на плоские рыбьи головы. — Вонь-то какая, ты только понюхай! И ведь догадается же дурак вислоухий...

Еще раз оглядев связку окуней, Борис объявил, что кот по имени Империалист, живущий на нижнем этаже, возможно и слопает эти нечистоты, но после такого блюда ему дня три придется расплачиваться за свое неимоверное обжорство тяжким и бесславным недугом.

Твердо решив накормить Империалиста окунями, Борис сорвал с гвоздя полотенце и, прихватив чайник, отправился вниз. Обратно он вернулся с кипятком и краюхой хлеба.

— Садись! У нас тут где-то мятный горошек еще остался. Вениамин его раньше горстями употреблял, пока не объелся. Я уже потом догадался, что это он из гигиенических соображений освежал полость рта. Ему же надо за девочками ухаживать. Сам понимаешь, возраст.

Борис разломил хлеб пополам и стал разливать кипяток.

— Ну, а девочки-то как здесь, серьезные?

— Всякие есть.

— А такие, чтоб не очень?..

— В каком то есть смысле? — поинтересовался Борис.

Ступин попытался найти нужное слово, но обжегся кипятком.

— Не торопись, — посоветовал Борис. — Тише едешь — дальше будешь.

Он отхлебнул из кружки и, похрустев горошком, внимательно посмотрел на Ступина. — В общем, я понял, каких ты имеешь в виду: рядом ложись, а потом отвяжись. Удобно с такими. Правда?

— Не совсем, — уклончиво заметил Ступин.

— А по-моему, удобно! — усмехнулся Борис. — Ты же ведь мужчина, а девочки, сам понимаешь, теплые. Неужели устоишь?

— Я не в том смысле, — боясь потерять репутацию, нахмурился Ступин. Он уже сожалел о начатом разговоре и с некоторой неприязнью поглядывал на Бориса, которому так и нетерпелось узнать, в каком же еще смысле можно говорить о свободной любви.

— Тебе что, не приходилось?..

— Как сказать, — заскорбел Ступин и, в отчаянии махнув рукой, объявил, что женщины все одинаковы.

— Это верно! — странно дрогнувшим голосом поддержал Борис. — Все рожают, у всех есть дети. Айда грести их до кучи.

— Я же вовсе не в том смысле!

— Ну да! Я понимаю. За мать хоть в огонь и воду, а насчет остальных разрешите подумать.

— Всех не перелюбишь.

— А кто заставляет? Я просто о том, что многие вообще привыкли выше пояса не заглядывать. Ноги есть — и порядок. А ты видел, как эти девочки дороги строят? Хорошо еще летом. Зимой похуже. Как-то вижу, стоит над раствором одна дуреха и ревет. Я к ней, а она ничего не видит. Спрашиваю — молчит. Потом уже узнал: подонок один подвалил к ней в ночную смену, затащил в тепляк и взял ее силой. Утром (ясное дело) слухи. То и се. Довели до истерики. Вот и суди, при чем тут «все одинаковы».

Ступин откашлялся, кружку стиснул так, что онемели пальцы и глухо спросил:

— Сколько ему хоть за это подкинули?

— Нисколько. В ногах у нее валялся... Дали им квартиру, а через год пошли скандалы. Противно ей было жить с таким дерьмом. Он и смотался.

— А как же она?

— Ничего. В порядке.

— Здесь?

— Вроде бы так. Угощайся. Может о другом побеседуем?

— Ладно, — согласился Ступин, — только ты мне скажи, часто здесь такое бывает?

— Сам увидишь.

— Да ты не таись? Интересно все же знать, как живут остальные?

Борис пожал плечами.

— Кто как умеет. Ты на эту тему поговори с Вениамином. Он тебя живо натаскает по части обращения.

В наступившей паузе захрустел мятный горошек. Темнело. Хвоя на соснах поблекла, словно ее обуглило таким тихим и безвредным заревом.

— Слушай, Борис, а давно начали строить этот комбинат?

— Четвертый год трудимся.

— И что же он будет выпускать?

— А вот я тебе дам один конспект, из него ты все и узнаешь.

Борис поднялся, включил свет и, порывшись среди книг, достал голубую тетрадь, обложка которой была разрисована старинными замками и похожими на китаянок красавицами.

— Не обращай внимания! — поймав на себе испытующий взор Ступина, заметил Борис.— Это у нас тут романтик до тебя один жил. Память о себе оставил.

— А где он сейчас?

— Уехал в Севастополь. Полтора месяца промаялся

у нас в бригаде, а потом заскучал. Ну мы его и проводили.

Уже в двенадцатом часу, укладываясь спать, Ступин не вытерпел и спросил Бориса, нравится ли ему Север.

— Климат здесь резкий!—зевая ответил Борис. Он сочно хрустнул костями, отвернулся, и уже через минуту в комнате послышалось мирное посапывание, которое неминуемо грозило перерасти в храп. Ожидания Ступина полностью оправдались. До двух он не мог уснуть, а когда, наконец, задремал, явился Вениамин, который долго и радостно пил из чайника, гнусавым голосом напевал «дремлет солнце у ней на груди» и потом вздыхал, обнимая подушку.

СРЕДА

Под утро Ступину приснился ротный старшина Малютин, который, стоя над ним, требовал немедленно сдать ему обмундирование и в семнадцать ноль-ноль явиться на медицинское освидетельствование. Ступин долго и мучительно пытался объяснить, что от полигона до госпиталя не менее двенадцати километров и что вообще неприлично возвращаться в гарнизон без верхней одежды, но старшина, невзирая на столь веские доводы, принялся стягивать с него шаровары, и эта наглая выходка страдающего склерозом Малютина окончательно вывела из себя Ступина. Цепляясь за бруствер, он дернул ногой и, чуть не свалившись с кровати, обалдело уставился на чье-то смеющееся лицо.

— Привет! — сказал Борис.

— Ага! — ответил Ступин и проясненным оком исследовал комнату.

Быстро одевшись, он ринулся в умывальник, столкнулся в коридоре с Вениамином и, наскоро умывшись, с грохотом одолел ведущую на второй этаж лестницу. Борис нетерпеливо поглядывал на часы. По его мнению, всем троим давно уже следовало находиться в столовой. Вениамин, потирая ладони, заявил, что сегодня возьмет две порции любезных ему с детства почек, а на обед у них будет такое, что весь участок разревется от зависти. Заговорщически подмигнув глазом, Вениамин сглотнул слюну и пошарил рукой за шкафом. Ничего не обнаружив, он попытался втиснуться туда плечом. На лице его отразилось смятение.

— Ты чего там ищешь! — поинтересовался Борис.

— Рыбу.

— Можешь не искать. Коту я ее подарил.

— Ну да! — меняясь в лице, изумился Вениамин. Ему ни за что не хотелось верить, что над его окунями учинили такое неслыханное лихоимство.

— Я серьезно тебе говорю. Можешь спросить у Павла.

— Идиот! Я же три дня их на солнце вялил!

— А почему от них несло помоями! — спросил Борис.

— Не твоего ума дело! — озлился Вениамин и, безнадежно махнув рукой, направился к выходу.

— Да ты рыло-то не вороти. Выслушай сначала.

Ступина разбирал смех. Возле общежития под прикрытием старого штакетника слонялся вислобрюхий кот.

— Мерзавец! — погрозил ему Вениамин и в совершенном расстройстве чувств поплелся по дороге.

В бригаде было человек семьдесят. Сидя с Борисом возле столярной мастерской, Ступин разглядывал парней, которые собирались небольшими группами, угощались папиросами, о чем-то толковали, куражились возле буфета, требуя свежих булочек, зевали и мирно клевали носами, привалившись к теплым горбылям времянок.

Ступина окликнули. Он оглянулся и увидел Горохова.

— Зайди к мастеру! — попросил бригадир.

За столом сидел мужчина лет сорока с решительным лицом и маленькими красными руками. Это и был тот самый Юбочкин, который враждовал с диспетчером. Хмуро оглядев Ступина, мастер усадил его за стол и без всяких предисловий пояснил, что такое понижающий трансформатор. Потом он рассказал, как надо обращаться с отбойными молотками, с работающими вибраторами, с топором и ножовкой, а заодно и с гвоздями.

— А теперь запомни самое главное: боже тебя упаси подходить к электропиле. Без допуска и трогать ее не думай. На высоте всегда пользуйся монтажным поясом. Особенно при разборке опалубки. И вообще следи за своими поступками.

Юбочкин многозначительно посмотрел на Ступина, развернул перед ним зеленую книгу и, ткнув в нее маленьким пальцем, милостиво разрешил расписаться.

— Твой звеньевой!—подводя Ступина к загоревшему до черноты парню, сказал Горохов. Рядом стояли еще двое: один в наглухо застегнутом комбинезоне, армейской фуражке и сапогах, другой в резиновых тапочках и яркой безрукавке. Голубые глаза звеньевого смотрели холодно и безразлично. Избегая ступинского взгляда, он повернулся к бригадиру и заговорил о ломах.

Тот, что был обут в резиновые тапочки, протянул Ступину руку. — Толик, — отрекомендовался он. — А это Иван Грозный. Хороший семьянин и товарищ.

Ответить Иван ничего не успел, потому что Горохов махнул рукой и все повалили на объект. Только сейчас Ступин вспомнил, что он еще не получил инструмент.

— А он тебе не понадобится, — успокоил Толик. — Опалубку пойдем ломать.

Квадратная громада объекта еще раньше успела поразить воображение Ступина. Монолитные стены пестрели обрывками электродов. Ржавыми гирляндами они свисали отовсюду, а под ними лежали груды дерева, искромсанного топорами и пилами.

— Как у нас звеньевого-то звать!— поинтересовался Ступин.

— Власом, — ответил Толик.

Они уже миновали деревянную лестницу, прошли вдоль ограждения и теперь направлялись к двум башням, которые примыкали к северной части объекта. Гигантские соты глубиной до пяти метров двойными рядами тянулись вдоль коридоров, и назывались они фильтрами. Большинство их все еще было «забрано» в опалубку, которую как раз и предстояло разбирать в этот день.

У застыкованной колонны, художественно расписанной каким-то монтажником, Иван отвалил похожий на жаровню лист железа и из-под бетонного лотка достал три увесистых лома. В нахлобученной на лоб фуражке неслышно подоспел звеньевой. Он бросил возле колонны пару монтажных поясов и хмуро оглядел свой лом. Ступин молча рассматривал стены фильтров, обнесенные плотно пригнанными к ним щитами. Ему не очень верилось, что с теми ломами, которыми их снабдили, можно «раздеть» эти махины. Кроме того, его интересовало, каким образом они собирались выворачивать из бетона двухметровые коробки, не имея под ногами хорошей опоры. Размышлять пришлось недолго. Иван натянул на руки брезентовые рукавицы и тут же разрешил эту проблему. С замиранием сердца Ступин следил за тем, как, опираясь на лом, ступил он на узкий гребень стены и, шаркая голенищами сапог, побрел на другой конец. За ним двинулся Влас.

— Здесь же ведь положено работать с монтажными поясами! — не выдержал Ступин.

— А за что ты ими зацепишься! — спросил его Толик и, насвистывая, направился вслед за звеньевым.

Зацепиться и впрямь было не за что. Арматурные стержни, торчащие под ногами, ни для каких поясов не годились, а пристегиваться к колонне и вовсе не имело смысла. Только теперь Ступин подумал о назначении зеленой книги, в которой мастер так охотно разрешил ему увековечить свою роспись.

«Цирк», — подумал он и на всякий случай поискал глазами место, где можно было бы приземлиться, не рискуя слишком многим. Парни уже тюкали ломами, бередили верхние боковины щитов. Высекая искры, ломы отплясывали на монолите, и острые осколки галечника, отлетая, больно хлестали по лицу. С того края, где стоял Иван «Грозный», послышался глухой скрежет, и звеньевой крадущимся шагом поспешил к напарнику. Оба они дружно навалились на ломы. Извилистая трещина метнулась под их ногами, и верхний ряд щитов стал медленно отходить от стены. Теперь уже ломы увязали глубже и становились неплохой опорой для тела.

Ступин вспотел. Едкая пыль слепила глаза. Ему казалось, что с начала смены прошло никак не менее часа, но это было не так, и, когда наконец им удалось выворотить несколько коробок и расшатать остальные, когда с грохотом и треском весь верхний ряд обрушился вниз, Ступин уже выдохся настолько, что лом охотно выскальзывал у него из рук.

— Перекур, — объявил Влас.

Они присели у колонны и стали не спеша разминать папиросы. На соседних фильтрах тоже виднелись фигуры парней. Слышались возгласы, хруст неподатливого дерева, смех и ругань. Цементная пыль забивала ноздри, и от этого они становились сухими, как яичная скорлупа.

Ступин жадно наслаждался бездействием, следил за ладно сколоченными фигурами парней и незаметно массировал мышцы. У него предательски вздрагивали пальцы. Иван в своем наглухо застегнутом комбинезоне со скучающим видом разглядывал рваную рукавицу и выглядел так, словно только что проснулся.

— Сегодня играем с «Энергетиком», — мечтательно потягиваясь, сказал Толик.

— В семь часов! — спросил звеньевой.

— В шесть тридцать.

— А кто на воротах!

— Брюхин.

— Ему еще не вломили!

— За что!

— А ты, вроде, и не знаешь. Он же спутался с Нюркой Хохловой, а с ней еще Вовка Христос не развелся.

— Нас это не касается, — лениво отозвался Толик.

Влас послюнявил окурок, поднялся с плиты и с ловкостью большой обезьяны перемахнул через лотки.

— Вкатят вам завтра по штуке на каждого! — заверил он Толика и скрылся за высоким трансформатором.

Сильный грохот заставил Ступина вскочить на ноги. Над одним из фильтров взметнулось облако пыли. Даже невозмутимый ко всему Иван вытянул шею, и лицо его изменилось. Толик не выдержал. Поправив берет, он метнулся к проходу.

— Давай! — рявкнул Иван.

Они миновали пролет и оказались напротив отсека, откуда доносился скрежет. Ступин заглянул вниз и на дне фильтра увидел Бову. Налегая на лом, гигант вызволял из бетона нижние щиты, намертво прихваченные к стенке электродами. Два его напарника неторопливо складывали в кучу только что обрушенные верхние ряды. Четвертый был наверху и занимался тем, что аккуратно подводил настил к южной, еще забранной в опалубку стене фильтра. Дела у Бовы подвигались.

— А мы думали, вам здесь досталось! — крикнул Толик. Бова поднял голову.

— Нам еще жить не надоело!

— Всякое бывает!

— Дурак и пальцем зарежется, — ответил Бова и снова налег на лом.

— Культурно работает мужик, — отходя от фильтра, похвалил Толик.

— А ведь им с настилом куда удобней, — рассудительно заметил Ступин и принял безразличный вид. Он подозревал и не без оснований, что Толику не очень по душе его впечатлительность.

— С Бовой не пропадешь! — подтвердил Иван.

— Нам не по зубам их опыт, — оборвал его Толик и пояснил, что пока они будут сколачивать настил, пройдет полдня, а наряды закрывают, исходя из площади снятой опалубки.—Много ты за смену заработаешь!— спросил он у Ступина и, показав ему кукиш, сплюнул под ноги. — У Бовы — сила. Нам бы этих щитов хватило на целый день, а он лом задвинул — и порядок.

Ступину хотелось выразить свое несогласие с неоправданным, по его мнению, риском, которому они подвергают себя, но, боясь показаться трусом, смолчал.

Звеньевой уже был на месте. С помощью длинных, как каминные щипцы, ножниц он перекусывал проволочные скрутки.

— Где вы шлялись!— недовольно проворчал он.

— Обменивались опытом, — спокойно ответил Толик, и стал натягивать рукавицы. Иван взялся за лом.

До обеда они успели «раздеть» две стены. На дне фильтра в беспорядке громоздились разбитые щиты, куски монолита и доски. Цепляясь за ребра коробок, они еще несколько раз выбирались наружу и отдыхали.

Только Иван все так же методично взмахивал ломом, сопел и охал среди обломков. Толик смотрел на его упрямую спину и с серьезным видом утверждал, что поскольку в их звене появился великий труженик, Бова со всей его кликой очень скоро окажется на задворках истории. Ступин смотрел на серый комбинезон Ивана с въевшимся в него цементом и почти физически ощущал влажную шероховатость лопаток.

Когда снимали средний ряд, Ступина едва не накрыло. Последние два щита плотно вросли в бетон. Желая показать свое усердие, он бесстрашно взобрался на них всем телом стал раскачивать упрямые громадины на себя.

— Кончай! — тревожно заревел Толик, но скрежет отдираемых гвоздей и электродов уже опередил его голос. Ступин едва успел высвободить ногу из-под прижимной доски и метнуться в сторону. «Пронесло»,— растирая ушибленный локоть, подумал он и нечаянно встретился с голубыми глазами Власа. В наступившей тишине было слышно, как осыпаются со стены куски раствора. Первым пришел в себя Толик.

— Порядок, — криво усмехнулся он. — Ноги у тебя умные. А голову ты смени, пока не поздно.

— Он думает, что тут ему стадион, — хрипло задохнулся Влас и, мешая матершину с поучениями, принялся выхлопывать о колено фуражку. Ступин промолчал.

Незадолго до двенадцати они спустились на землю и направились к времянкам. Возле буфета галдели, пробирались к стойкам, передавали через голову колбасу и хлеб. Белели бутылки с кефиром. Хрустела яичная скорлупа. У небольшой цистерны умывались по пояс

— радостные, как боги, — плотники и арматурщики. Обойдя их, Ступин присел на лежащий поодаль брус и сбросил с себя куртку. Из примыкающей к буфету половины доносился хохот и стук костяшек: парни азартно резались в домино.

Из-за угла появился Борис, нагруженный булочками. За ним с тремя бутылками молока плелся Вениамин.

Они расстелили на земле газету и неторопливо разгрузились.

— Насыщайся! — мягко предложил Вениамин и протянул Ступину бутылку. Вторую он бережно отер рукавом и пальцем проткнул облатку.

— Что это Влас Пупков там о тебе рассказывает! — спросил Борис.

— Где!

— В буфете.

«Начинается», — мрачно разламывая булку, подумал Ступин и неохотно рассказал, что произошло с ним на разборке опалубки. Вениамин, не переставая запрокидывать голову и стрелять кадыком, сочувственно чавкал над его ухом.

— Ты знаешь, что могло бы случиться с тобой! — задумчиво проговорил Борис.

Ступин сделал большой глоток и вяло захрустел корочкой.

— Зря увлекаться не надо. В прошлом году два раза на венки собирали.

Борис вздохнул и как бы между прочим щелкнул Вениамина по адамову яблоку. Поперхнувшись от неожиданности, Вениамин выпучил глаза. На него навалилась икота. С расстроенным видом он оглядел бутылку и, выругавшись, отсел в сторону. Ступин крепился, но удержаться от смеха не смог. Чтобы не обидеть Вениамина, он завел разговор о Горохове, надеясь выведать, отчего это бригадир назначил его в звено Пупкова, хотя он явно дал понять, с кем бы ему хотелось работать.

— Парень он в общем неплохой, — понижая голос, объяснил Борис, — но мы с ним живем не очень. Был тут между нами небольшой разговор. Дал он для балок отметки, а я, понимаешь, засомневался. Глаз-то у меня наметанный. Сам четыре года бригадиром работал. Ну он и уперся.

— Собрались два умника! — угрюмо съязвил Вениамин, — один хорош, а другой еще лучше. — Он лягнул ногой пустую бутылку и, повернувшись спиной, развернул газету.

Соседняя с буфетом дверь распахнулась. Из нее на четвереньках выполз парень и прокричал петухом. Любители домино неистовствовали. Они стучали кулаками по столу и требовали, чтобы «козел» промычал коровой.

Неожиданно Ступин увидел Татьяну. Она направлялась в их сторону. В штанах, похожих на гусарские рейтузы, кладовщица лениво поигрывала бедрами. Глаза ее искрились, красивые губы усмехались, и десятки глаз неотступно следили за ней. Вениамин сладко закатил глаза. Татьяна, не обратив ни на кого внимания, остановилась напротив Ступина.

— Инструмент пойдешь получать! На склад ведь скоро уеду. Тогда до утра не жди...

— Валяй, — подтолкнул Борис. — Я тебе топор помогу наточить.

Ступин поднялся. Стараясь скрыть свое смущение, он послушно двинулся вслед за коварно улыбающейся Татьяной и под откровенными взглядами парней хмуро потупил голову. «Жеребятники, — озлился он. — Провожают, как на случку».

— Какие мы серьезные, — подавая молоток и ножовку, в нос промурлыкала Татьяна.

— А топор! — угрюмо спросил Ступин.

— Лезь за ним сам. Еле уберегла его. Вон на той полке!

Неуклюже уцепившись за крюк, Ступин попытался подтянуться, но ему не повезло. Стеллажи повело в сторону, на брезент плюхнулась тяжелая булава и вслед за ней посыпались гайки с болтами.

— В берлоге, что ли, родился! — крикнула Татьяна, подхватывая неудачника на руки. Ступин не сопротивлялся. Ему еще никогда не приходилось так приятно падать. Глупо улыбаясь, он принял топор и, спотыкаясь, выбрался за порог.

После обеденного перерыва Горохов отвел Власа в сторону. Они долго о чем-то совещались. Потом звеньевой повернулся к своей тройке и объявил, что с опалубкой кончено: Жуков приказал колотить щиты для бункерных выгородок. Из чугунной раковины Толик тут же извлек разноску с гвоздями и пару напильников. Обогнув объект с южной стороны, они вышли к завалам. Уродливые пирамиды дерева загромождали площадку. Стойки под леса, боковины и ребра от старых щитов, тысячи коротышей и досок, усеянных ржавыми гвоздями, грудами вздымались над землей.

— Иван! — позвал Влас. — Разбирайте со Ступиным завалы. Сороковка нужна. А мы с футболистом верстак будем делать.

— Короче пяти метров старайся не брать, — предупредил Толик Ступина.

— А что это за сороковка!

— Доска в четыре сантиметра. Дюймовка — два с половиной. Остальное спросишь у Ивана...

Растаскивать пирамиды оказалось не легче, чем рвать опалубку. Они оползали под ногами, грозно щетинились гвоздями, кое-где их приходилось разбивать топором, а потом спасаться бегством.

Сгибаясь под тяжестью, Ступин подтаскивал доски к наспех сколоченному верстаку и снова отправлялся на поиски. Пот катился по его щекам, капал с подбородка на грудь; ослепительно сияло солнце, и плечи ныли от ссадин. Иван наваливал на себя по две и даже по три доски сразу, но когда Ступин попробовал сделать то же самое, у него подкосились ноги.

— Листвяк! — проходя мимо, заметил Иван. Немного позже выяснилось, что это такое. Загадочно ухмыляясь, Влас подозвал его к верстаку и, вручив молоток, предложил вогнать пару гвоздей в только что принесенные плахи. Ступин взял звонкий, в мизинец толщиной гвоздь. Со стороны он уже пригляделся, как нужно сколачивать щиты и поэтому, ничуть не смущаясь, занял место звеньевого. После нескольких ударов гвоздь неожиданно скользнул по краю молотка и, вращаясь, отлетел в сторону. Второй гвоздь удалось вбить чуть ли ни на треть, но затем он согнулся и поэтому пришлось взять еще один.

— Вроде бы ветра нет, — уводя глаза в сторону, заметил Влас. — И чего их у тебя так раскачивает!

Толик безразлично разглядывал ножовку. Закованный в комбинезон Иван тихо ухмылялся за его спиной.

— Ты бери еще. Не стесняйся! — великодушничал Влас, и когда седьмой по счету гвоздь бесславно поник под молотком, так и не преодолев роковой толщины, Ступин сдался.

— Ну чего вы надрываетесь! — разглядывая всех исподлобья, спросил он. — И у вас они будут гнуться.

— Это как сказать, — загадочно сказал звеньевой и, выдернув топор из рассохшейся стойки, двумя взмахами вогнал гвоздь в доску. То же самое сделал Толик, но уже молотком.

— Ты погоди, еще не все, — остановил собравшегося было уходить Ступина Влас. — Помоги нам сначала перенести этот щит. Тяжело с ним таскаться! А!

То-то. Никогда не отбирай для больших щитов доски из лиственниц. Видишь, какой на них рисунок...

Только теперь Ступин догадался, почему Иван не замечал все те доски, которые он так старательно за ним подбирал.

— Что же вы мне раньше не сказали!

— А своей-то головы у тебя нет, что ли! — удивился Влас. Ступин с неприязнью взглянул на звеньевого.

— Слушай, Влас, а ты знаешь, что в Африке водятся дикие племена!

— Чего это ты их вдруг вспомнил!

— А то, что у них нет телевизоров.

— Когда-нибудь обзаведутся.

— Ну а если они начнут их изобретать!

— Дуракам закон не писан.

— Вот именно, — усмехнулся Ступин. — Делиться надо опытом, а не строить из себя специалиста.

Никогда с таким ожесточением он не стремился освежить свое тело водой, растянуться во весь рост на кровати и почувствовать себя стопроцентным праведником.

— Так ты не пойдешь с нами на танцы!

Голос Вениамина звучал уже под куполами древних соборов. Гудели органы, над грудами старого дерева парили ангелы с пилами, Влас, похожий на минотавра, бродил среди фильтров и головой забивал в них гвозди. «Дудки,— подумал Ступин. — Танцевать можно и на спине».

Вечером на первом этаже завели радиолу. Сначала она отстукала какую-то полечку, а потом залилась дьявольским смехом женщина. Ступин проснулся. Натянув на себя армейские штаны, он закурил и подошел к распахнутому настежь окну. То, что находилось по ту сторону раскаленных докрасна сосен, совсем не походило на солнце. Это был огромный пылающий диск, который ребята из монтажной бригады случайно закатили в тайгу и, прислонив к столетней лиственнице, ушли доламывать старую танцплощадку. В стороне, у одиноко маячившего столба был виден неуклюжий силуэт экскаватора. Он, словно исполинский ящер, застыл на краю котлована, а за его квадратным хребтом исступленно пылало небо. Прикрыв глаза, Ступин вдруг явственно ощутил знакомый запах, но, только отойдя от подоконника, заметил под своей подушкой яблоко. «Кому-то прислали посылку», — догадался он.

ЧЕТВЕРГ

Толик выглядел неважно. Он слегка приволакивал ногу, был бледен, на левой скуле у него вороньей лапкой красовался пластырь, но ему было весело, потому что «Энергетик» они разнесли в клочья, несмотря на встречный ветер в первом тайме, и солнце — во втором. Прославленные зональники вели себя халтурно: грубили, орали на судью и лупили строителей по ногам.

— Круглов от них ушел, а то бы они вам всыпали,— хладнокровно упорствовал Влас.

— А у нас Мизгирь выбыл.

— Держите меня. Нашел о ком говорить.

— Тебя и Жлоб не устраивал, — обиделся Толик.

— И Мыкин его не лучше.

— А хохол!

— Это какой! К бадье-то который примерз! Он же протезный!

— Да я тебе не о нем толкую.

— Какая разница! Пожалели вас, инвалидов, а вы и раскрякались.

Ступин продолжал разбирать завалы. Сегодня он подтаскивал доски один. Иван заготавливал ребра, доводил топором кромки щитов и укорачивал торцы. Разглядывая плахи и коротыши, расщепленные полутораметровыми ломами, Ступин обратил внимание на обилие оставшихся в них гвоздей. Каждая доска, (а их было несколько тысяч) в среднем содержала сорок—пятьдесят граммов металла. «Около двух тонн»—изумился Ступин и обвел глазами новое месторождение. Железу, которое в нем содержалось, не суждено было попасть в плавильные печи. Древесные отходы полагалось сжигать. В худшем случае их оставляли на попечение дождей и буранов, а гвозди так и оставались ржаветь в их недрах. Выбрав подходящую доску, Ступин взвалил ее на плечо и, спотыкаясь, побрел к верстаку. За час до обеда он окончательно выбился из сил.

— Долго ходишь, — поигрывая молотком, щурился Влас.

— Может поменяемся местами! — предложил Ступин.

— А у тебя какой разряд!

— Не имеет значения.

— Так! — вдумчиво произнес Влас и, не поворачивая головы, спросил. — Ты на чем стоишь! На земле. А мы здесь бурундуков гоняли. Весь этот склон своими руками вырубали, а потом фундаменты ставили. — У Власа дернулась щека. — Научись сначала дюймовку от бруса отличать. А не желаешь — катись из бригады.

— Ты всегда такой грозный! — едва сдерживаясь, спросил Ступин.

— Хочешь узнать!

Влас отбросил топор и, наливаясь истеричной бледностью, вышел из-за верстака. На левой щеке его задергался мускул. «Не поймать бы синяк», — бегло подумал Ступин и отставил правую ногу. Толик закурил. Догадливый Иван, подхватив шестиметровую доску, уныло втерся в центр столкновения и заставил Власа попятиться.

— Не мог обойти! — заорал звеньевой.

Иван непонимающе уставился на него. Во всей его фигуре, покорно застывшей на солнцепеке, было столько добродушного усердия, что все разом обмякли.

В обеденный перерыв Ступин отправился к Жукову. Начальник участка стоял на краю траншеи и задумчиво разглядывал соседние объекты. За его спиной вертел отвесом прораб.

— И когда они ее теперь зароют! — ласково допытывался Жуков.

— А кто их знает, — отвечал прораб.

— Перекрыли обе дороги, — сетовал снова Жуков.

— У нас всегда, как в Вавилоне,— охотно поддержал прораб.

— Будешь разбирать леса. Рвать опалубку и никаких. Иначе нас съедят...

— Как хочешь! В график нам все равно не уложиться. Сливки кончаются... Рвем ради плана. Закрываем резервуары. А как из них доски будем таскать, не знаю. Электроды остаются на верхних отметках...

Жуков резко повернулся к прорабу.

— Я не виноват, что с меня три шкуры дерут. Им там видней! — крикнул он и, заметив Ступина, осекся.

— Здравствуйте, Николай Федосеевич!

— Наше почтение. Что-нибудь случилось! — начальник участка добродушно поправил очки и уставился на Ступина.

— Не узнали!

— Бывает, — оживился Жуков. — Потерял ты, брат, воинскую выправку. Сапоги одни остались.

— Ну, я исчезаю, — сказал прораб.

— Узнай насчет трайлеров! — крикнул ему вслед Жуков и снова принялся рассматривать Ступина. — Не втянулся еще? Ерунда. Главное, ребята, сердцем не стареть..

— Да я в общем-то не жалуюсь. Только вот помогли бы мне в другое звено перевестись.

— А у кого ты работаешь?

Ступин смутился.

— Не помню по фамилии, но черный такой, с голубыми глазами.

— Влас Пупков! — подсказал Жуков. — Ну, знаю я его. Лучший плотник участка. У такого есть чему поучиться...

— Я не хочу с ним работать.

— Сойтись вам, что ли, трудно?

— Да что-то в этом роде.

Жуков тряхнул носовым платком и вытер вспотевший загривок. Затем он хитро подмигнул Ступину и, оглянувшись по сторонам, пытливо блеснул очками:

— Слушай, солдат. Ведь в тебе килограмм семьдесят. Сила-то какая! Чуешь? А столковаться с Пупковым не можешь. Из робких, что ли?

— Не драться же мне с ним, — едва скрывая досаду, возразил Ступин.

— Правильно, — вяло поддержал Жуков. — За это под суд отдают. — Он неожиданно снова заинтересовался траншеей и, когда Ступин, сухо простившись, повернулся, чтобы уйти, мягко посоветовал: — Будет обижать, так ты приходи. Народ здесь всякий подобрался. В бутылку загонят.

Начальник направился к себе в будку. У Ступина тоскливо сжались кулаки.

В самом дальнем углу площадки ему удалось обнаружить штабель полуторадюймовой доски. Это было большим счастьем, потому что в завалах уже нечего было выбирать.

— Ты где их выкапываешь? — внимательно приглядываясь к плахам, спросил вдруг Влас.

— Не все ли равно, — ответил Ступин.

— Да ты не сердись. На нервной работе всегда так бывает. — Глаза звеньевого потеплели. Он сам изъявил желание сходить на то место, где был обнаружен тайник и, осмотрев старые щиты, из-под которого выглядывали доски, предложил их больше не трогать.

— На сегодня хватит и тех, а эти еще пригодятся. Айда колотить щиты!

Он привел Ступина к верстаку и принялся объяснять, с каким промежутком нужно раскладывать ребра, как загибать гвозди и поджимать топором зазоры. Нехитрое на вид дело таило в себе десятки секретов, и, глядя, как Влас свободно справляется с деревом, Ступин постепенно проникался уважением к его жилистым, крепким рукам.

К концу смены возле завалов появились трайлеры. Раздетые по пояс парни веселым десантом сыпанули с них на землю и бросились растаскивать пирамиды. Остатки лесов и опалубки полетели в прицепы. Долговязый водитель с трубкой в зубах, хлопнув дверцей кабины, спрыгнул на дорогу и стал озираться по сторонам.

Заметив его, Влас сорвал с головы фуражку и помахал ею над головой. Водитель ограничился слабым кивком и, подойдя к машине, лениво облокотился на крыло. Влас бегло взглянул на часы.

— Без десяти, — обратился он к Толику. — Вы с Иваном можете идти, а мы, — голубые глаза звеньевого остановились на Ступине, — управимся тут вдвоем.

— Дело ваше, — утомленно сказал Толик, и, собрав инструмент, осторожно лягнул Ивана, который пятился вдоль щита, срубая топором кромку. — Кончай работу. Доиться скоро перестанешь. Сдохнешь в своем комбинезоне.

Иван собрался что-то ответить, но как всегда не успел. Когда они скрылись за угловой башней, Влас торопливо направился к водителю и долго с ним о чем-то толковал. Вернувшись к верстаку, он уселся на щит, и, предложив Ступину закурить, неожиданно похвалил его.

— А у тебя неплохо получается. Если дальше так пойдет, через месяц третий разряд получишь.

Голос звеньевого звучал вкрадчиво и мягко. «Что это с ним случилось?» — подумал Ступин. ,

— ...ты только не будь таким замкнутым, — предложил Влас. — Хороший работяга, он все для тебя сделает. И ты к нему прислушивайся. Верно я говорю?

— Да что-то в этом духе, — уклончиво ответил Ступин.

— Чудак ты, Паша! Не веришь мне, что ли? — Влас грустно поплевал на окурок и соскочил с верстака. — Поедем-ка лучше ко мне. А? — предложил он внезапно. — Посидим за столом. Выпьем. У мамани свежие огурцы уже оклемались. Посмотришь мой новый дом. Своими руками ставил. Чего ж ты молчишь? Или некогда?

Ступин поколебался, но подумав, что это его ни к чему не обязывает, согласился.

— Ну вот, и делов-то, — обрадовался Влас. — Можешь даже заночевать у меня. Место найдется, а пока давай договоримся. Я сейчас смотаюсь с тем вон корешом домой, сбегаю в одно место, он за тобой прикатит. — Звеньевой кивнул в сторону прицепа, возле которого все еще с трубкой в зубах стоял долговязый водитель, и снова взмахнул фуражкой.

— Это сколько же мне сидеть?

— Двадцать туда, пятнадцать обратно. Как раз мы с маманей управимся. И тебе здесь найдется дело. — Влас поманил Ступина пальцем и повел для чего-то к завалам.

— Ты уж не дровами ли запасаешься, — оглянувшись на трайлер, спросил Ступин.

— Этим дерьмом-то? — удивился Влас и отшвырнул ногой позеленевший от бетона кусок щепы. Обогнув две кучи, они остановились у самой стены. Подле нее Ступин заметил аккуратно сложенную стопку брусьев. «Штук пятнадцать», — невольно прикинул он.

— Баню собираюсь строить, — признался Влас. — Пару ванн раздобыл. Не хуже коммунальных квартир будет. По-быстрому стаскаем этот брус к дороге, а ты его с корешем в трайлер подкинешь. И штабелек тот самый прихватите. Доска-то везде нужна... — Он поскреб у себя за воротом и мечтательно вздохнул.

— Слушай, Влас. Сколько тебе лет? — поинтересовался Ступин.

— Двадцать восемь, а что?

— И ты еще ни разу не попался?

— Постой! — насторожился Влас. — Ты за кого меня принимаешь? Я же из БУ это выбрал: доска, бывшая в употреблении. Допер? Чем ей так пропадать, так лучше мы ее с тобой умыкнем.

— Что-то ты темнишь, — усмехнулся Ступин.

Влас обиженно засопел носом.

— Я плотник. С шестнадцати лет тружусь. А желаешь искать сволочей, так смотри выше. Не видел, какие дворцы отгрохали нашим начальникам. Я сам их строил. В землянке жил с матерью, а этим брюхатым жлобам террасы утеплял фибролитом. Им можно, а мне нельзя. Да если я вор, то кто же остальные?— У Власа нервно передернулось лицо.

— Ну и гад же ты все-таки! — сказал с восхищением Ступин. — Какое же это БУ! — Он ткнул сапогом в звенящий, цвета янтарного камня брус. — Думал, на простачка нарвался. В гости пригласил...

— Дурак, — вскипел Влас. — Тебя же здесь ни одна собака не знает...

Ступин сжал кулаки.

— Считаю до трех, — подступая к звеньевому, тихо сказал он. — Раз! Два...

На дороге засигналил трайлер. Влас вздрогнул и вытянул шею.

— Три! — задыхаясь, выкрикнул он и всем корпусом обрушился на Ступина.

Сухие обломки еще долго потрескивали под его подошвами. «Убегает», — пытаясь приподняться, подумал Ступин. Груженые трайлеры, видимо, успели уже развернуться. Рев моторов становился ровнее и сделался вскоре глуше.

— Один-ноль! — трезвея от нокаута, пробормотал Ступин и внимательно исследовал нижнюю часть лица. Зубы оказались целыми. Челюсть ломило не очень. Только рукав был мокр, и, засучив его, Ступин увидел кровь.

Посидев еще с минуту, он выбрался из хрустящих под ногами завалов и побрел на участок.

Рядом с кладовой стоял автофургон. На крыльце, раздвинув ноги, сидел старик с ружьем.

— Дед, — обратился к нему Ступин. — Ты бы с той стороны у дороги посидел. Воры там будут сегодня.

— Христос с ними, — жмурясь, сказал старик. — Там не моя планида.

— А чья?

— Та ничья ж. Я хворобы свои охраняю. — Дед обвел рукой кладовые, и зрачки его заискрились, как у младенца.

На пороге показалась Татьяна. В руках у нее стальной клешней полязгивал замок.

— Эй! — окликнула она Ступина. — Чего это за руку держишься? — Ее полные губы дрогнули. Она сошла по ступенькам вниз и, увидев кровь, сурово сдвинула брови. — Чем это тебя угораздило?

— Гвоздем оцарапался.

— Господи! Да у тебя же полный рукав. Идем, перевязку хоть сделаю.

Она завела его в кладовую и быстро вскрыла аптечку. Резко пахнуло йодом.

Ступин слегка дернулся от боли, но, засовестившись, откашлялся. Прохладные пальцы Татьяны быстро и ловко стянули ему рану, а затем аккуратно подвернули рукав.

— Работничек! — бросая остаток бинта в коробку, со вздохом сказала она. — Что будешь делать-то? В здравпункт от столбняка пойдешь спасаться или поедешь в город?

— В город.

— Ну тогда лезь в эту будку. Сопровождать будешь Жукова.

— Ты тоже едешь?

— Не ночевать же мне здесь.

Через полчаса они были в городе. Выбравшись из машины, Ступин нерешительно взглянул на Татьяну. Ему хотелось спросить, далеко ли она живет от автостоянки, но, опасаясь показаться излишне навязчивым, он сурово потупил голову.

— Идем, — улыбаясь, сказала она.

— А тебе в ту же сторону? — промычал он.

— Ага, — жалобно подтвердила Татьяна. — Ты с девушками-то не стесняешься рядом ходить?

— Не видел я их, что ли! — обиделся Ступин.

Они вышли к сосновой роще, за которой виднелись двухэтажные дома. Возле одного из подъездов Татьяна остановилась.

— Не сильно болит? — спросила она.

— Нет.

— Рукав бы тебе застирать. В крови весь! Зайдем, поухаживаю. Я ведь раньше медсестрой работала.

У Ступина дрогнули губы. Он вспомнил, как смотрели на Татьяну парни, представил ее вдвоем с Вениамином и от волнения, к которому примешивалось ревнивое чувство, у него пересохло во рту.

— В сапогах я, — холодея от того, что она может передумать и спокойно скрыться в подъезде, пробормотал он. — Грязь вон и прочее...

— Помоешься, — сказала Татьяна.

— Ну, если ты не против, то извини.

Он послушно отправился следом за ней, беспокойно озираясь на двери. Ни одна из них не отворилась: обошлось без разных физиономий, вздохов за спиной, ленивых почесываний и собачьих взвизгов. Обывательщины Ступин не терпел. Тем более, что впервые в жизни его пригласила к себе девушка. Правда, нечто похожее однажды уже случилось, но то было до армии, причем с двоюродной сестрой, которая заставила его нести арбуз и соленые грузди, а потом битый час расспрашивала о матери.

Татьяна щелкнула ключом, пропустила гостя вперед и, не давая одуматься, швырнула ему под ноги войлочные туфли. Затем он был препровожден в туалет, где бойко стрельнули медные краны. Спустя немного времени Ступин, озираясь, сидел на диване под сенью огромного фикуса.

Перед ним на столе румянились яблоки, возле хрустальной вазы лежали сигареты. Бигуди, альбом и рижские духи были убраны тотчас же, а их место заняло блюдо с орехами. В трех шагах поблескивал сервант. Была этажерка с двумя голубыми кувшинчиками, отрывной календарь, крохотный репродуктор; в углу сверкала никелированная кровать с цветным покрывалом и взбитыми наспех подушками.

Только осмотревшись как следует, Ступин обнаружил, во что он одет: женская пижама — с округлыми карманами и веселой стайкой пуговиц. Это его немного смутило. Он прислушался к грохоту поленьев и робко потянулся к блюду с орехами. Все было просто, без всяких ужимок.

Ступин покосился на яблоки и вспомнил о Вениамине. На худой конец его бы можно было спустить с лестницы. Но если ей нравится иметь в резерве десяток-другой таких вот молодчиков, то лучше решить это несколько иначе: например, попрощаться, сказать спасибо, хлопнуть по мягкому месту или, сурово сдвинув брови, отстранить от себя.

Перебрав все варианты, Ступин так ни на одном и не остановился. Было приятно; немного больно за Татьяну, которая, ни о чем не подозревая, успела затопить чистенькую печь и возилась теперь с курткой. Приходило ли ей в голову, что с яблоками вышло неловко: гость уже вчера съел одно из этих явно никудышних свидетельств обмана. Могла ли она думать, что столкнется с таким слюнтяем, который не знает, как ему быть.

Он взял сигареты, повертел их в руках и снова швырнул на стол. В кухне упало что-то тяжелое. На плите трещало, бурлило и хлюпало. Голубые кувшинчики перемигивались, а репродуктор тихо вещал.

Отчего-то припомнился разговор, подслушанный в отделе кадров. «Клеопатра с предметиками».

— Ты еще не скучаешь?

Веселое лицо Татьяны отразилось в зеркале. Захотелось броситься, стиснуть ладонями ее щеки и спросить...

— Тебе нравятся яблоки?

Она бедром замела глянцевитые листья фикуса и, перегнувшись, легко дотянулась до вазы.

От ужина он не отказался. Она старательно подкладывала ему котлеты, придвигала варенье, спрашивала, любит ли он крепкий чай, и в конце концов он снова оказался на диване, потому что куртка все еще сохла.

Задремал он неожиданно, а открыв глаза, долго не

мог понять в чем дело. Комната была погружена в полумрак. Свет падал только из прихожей, в распахнутые настежь окна тянулись редкие гроздья звезд, а рядом с диваном стояла улыбающаяся Татьяна и держала в руках одеяло.

— Под головой у тебя уже есть, а этим укройся, — сказала она.

— Это как же я так уснул! — ошеломленно спросил Ступин.

— Очень просто.

— А как там рукав!

— Не смотрела.

Татьяна скрылась за дверью, щелкнула выключателем, потом неслышно скользнула в комнату и стала раздеваться. Ступин молча следил за ней. Не замечая его взгляда, она неторопливо стянула с себя платье, осталась в одной короткой рубашке, и ее полные ноги явственно обрисовались в темноте. У Ступина закатилось сердце. Теперь должно было произойти то самое, о чем он догадывался еще с вечера. Сомнения больше не мучали. Из всех желаний, которыми когда-то обрастал его рассудок, сейчас возобладало одно...

— Спокойной ночи! — сказала Татьяна, и он не уловил в ее голосе призывного трепета. Забравшись под одеяло, она сладко по-бабьи зевнула и отвернулась к стене. Наступила тишина. Ступин жадно прислушивался к ее дыханию. Оно становилось все ровнее, и тогда в нем все взбунтовалось. Ему захотелось, чтоб его окликнули, обвили руками, заставили задохнуться от счастья и горечи, но Татьяна спокойно спала в большой никелированной кровати, а он еще долго боролся с собой, не зная, на что решиться.

ПЯТНИЦА

— Проснулся! — лениво расчесывая волосы, с усмешкой спросила Татьяна. Все в той же короткой рубашке она сидела на постели, ничуть не стыдясь своих голых ног.

— Долго же ты вчера вздыхал. Ко мне, что ли, хотелось!

— А ты разве не спала!

— Тебя дожидалась.

— Неудобно мне было.

— Ой! — расхохоталась Татьяна. — Святой угодник объявился. Думала, умру и не увижу!...

Ступин отбросил одеяло и, вскочив с дивана, направился к ней.

— Хватился! — прикрывая колени, сказала она.— Иди лучше умойся. Не нужен ты мне сегодня, да и вчера я тебя не за этим пригласила. Ну, чего ты стоишь! Одевайся!

— Ты со всеми так обращаешься! — натягивая брюки, спросил он.

— А тебя это очень волнует!

— Конечно.

— Тогда отвернись!

Ступин обиделся. Теперь он не сомневался, что его вчерашняя сдержанность роковым образом повлияла на их отношения.

Татьяна умылась, накрыла на стол, и, глядя на нее, Ступин еще больше расстроился.

— Откуда у тебя эти яблоки!—поинтересовался он после завтрака.

— Из России прислали. А ты думал, хахали преподнесли!

— Ничего не думал.

— Не притворяйся. Я ведь вижу, о чем ты думаешь.

Он исподлобья взглянул на нее и, ничего не сказав, закурил.

Парни уже расходились по своим местам, когда он появился на участке.

— Опаздываешь, — хмуро заметил Горохов.

— На промбазу меня завезли,—объяснил Ступин.— Еле выбрался.

— Долго же ты там сидел. — Бригадир многозначительно взглянул на него и поворочал нижней челюстью.

— Пупков на тебя жалуется. Говорит, что ты ленив.

— Так и сказал!

— Свидетели были. Не стану же я тебе врать.

— Сволочь он! — не сдержался Ступин.

— Ну, в этом вы сами потом разберетесь, а сейчас я отведу тебя на новое место. Пупков от тебя отказался. Будешь работать в другом звене.

Они поднялись на объект, где слышался скрежет выдираемых из бетона щитов, низкий вой электропил и веселая перекличка ломов. Дойдя до крайних фильтров, которые уже полностью были очищены от опалубки, Горохов остановился.

— Бугрин, — сердито позвал он, и, заглянув в один из фильтров, откуда короткими очередями отстреливался отбойный молоток, бросил на дно кусок застывшего раствора. Грохот прекратился. Над квадратным провалом отсека появилась голова Бориса, а из соседнего фильтра вылез Вениамин.

— Нашелся ваш друг! С промбазы только что вернулся.— Горохов с усмешкой взглянул на Ступина.— Забирайте его к себе. Пускай с молотком ознакомится. — Он задрал голову, проследил за медленно скользящей стрелой крана и отправился дальше.

—Ты, что, серьезно только с промбазы! — спросил Вениамин.

— Не в ту автоколонну сегодня попал.

— Так ты из города, значит, ехал!

Вениамин понимающе хихикнул. Глаза его сделались масляными, а углы большого рта поползли к ушам.

— Все ясно,— сказал он.— Произошло короткое замыкание. Стало темно, и человек заблудился.

— А что было дальше! — полюбопытствовал Борис.

— Не все сразу!— спохватился Вениамин и предложил создать следственную комиссию в составе двух человек. — Предупреждаю, гражданин! — сухо добавил он,— за ложные показания вас привлекут.

— Это как же понимать!—сконфузился «подсудимый».

— В прямом и обратном смысле,— не сморгнув глазом, пояснил Вениамин.

— Вношу предложение! — сказал Борис, — прения прекратить, судью на мыло.

— Он же еще не дал показаний!

— И не даст.

— А может, скажет, у кого он ночевал! — просительным тоном попытался выведать Вениамин.

«Как же,— подумал Ступин, — так я тебе все и выложу. Сам, небось, на том месте слюни пускал».

— По могилам! — скомандовал Борис.

— Есть! — неохотно исчезая в своем фильтре, ответил Вениамин и уже где-то за бетонной перегородкой пробормотал: «Какая это сволочь завернула так штуцер!».

— А теперь смотри,— спустившись вниз по лестнице, неторопливо заговорил Борис. — На дно каждого фильтра будут укладывать дренажные трубы. А это, — он пяткой ткнул в нижнее основание стены, где сияла раковина, — сальниковые отверстия. Их еще, правда, нет, но нужно пробить. Понимаешь!

— Понимаю,— ответил Ступин.

— А я нет! — Борис раскрутил перехваченный проволокой шланг, соединенный с отбойным молотком, и выругался сквозь зубы.— Какой-то проектант недокрутил здесь циркулем. С похмелья, видать, маялся или сосисок переел...

— Вот псина! — изумился Ступин.

— Думаешь, так это просто. Чертежи-то пришли в дирекцию, а там тоже губошлепов хватает. Помыкались ребята и нам передали. Здесь, конечно, заметили...

Борис заставил Ступина приподнять шланг и отвести его в сторону.

— Ну, и дальше!

— Не торопись. Бери пример с Жукова. Если бы он с каждым таким отверстием носился в дирекцию, объекта здесь и в помине бы не было.

— Почему!

— А ты подумай. Неисправные чертежи куда поступают! В группу рабочего проектирования. Пока там с ними мотаются, фронта работы нет. А у Жукова календарный график. От него размаха требуют. Да наплевать ему на эти сальниковые отверстия! Была бы стена, а разворотить ее можно в любое время.

— Чего ж в газету никто не напишет! — заговорил Ступин.

— Белинский умер, — пояснил Борис и, обрушив молоток в раковину, выпустил длинную очередь.—Держи! Нажимай как следует на рукоять, и все будет в порядке. Вот здесь очерчен круг, за него не вылазь. Я буду бить с той стороны.

Он вручил Ступину молоток и отправился в свой отсек. Грохот раздался одновременно с двух сторон. Ступин всем телом навалился на рукоять молотка, и тяжкая дрожь потрясла его тело. Гулкое эхо тысячью клавишей заплясало в руках и в желудке, покатилось по артериям. Монолит сопротивлялся. Его приходилось крошить чуть ли не в порошок. Острые пики пытались пробиться сквозь толщу цемента и гравия, но это случилось не скоро. Долго еще содрогались широкие плечи Ступина, прежде чем сквозь арматурные прутья показался просвет величиной с трехкопеечную монету. Зарычав от радости, он дал самую чудовищную очередь и бессильно прислонился к стене. Куски бетона продолжали валиться к его ногам. Это пробивался Борис. Брешь постепенно увеличивалась. Когда она стала достаточно просторной и сквозь решетчатые стержни им ничего не стоило обменяться взглядами, они окончательно выдохлись.

— Давай поиграем в узников! — предложил Борис. Он лег животом на бетонный пол и руками ухватился за скрещенные стебли арматуры.

— А я у вас буду надзирателем,— появляясь на стене, предложил Вениамин.

— Без сопливых обойдемся,— отмахнулся Борис и протянул Ступину папиросы.

—«Прибой»! — спросил Ступин.

— «Байкал».

— А у меня есть «Север».

— А у меня «Беломор»! — пытаясь обольстить двух патриотов, вмешался Вениамин.

— Заткнись! — снова обрезал Борис.—И не плюй мне на пол. Только такие, как ты могут курить батумский «Беломор».

— Тбилисский, — обиделся Вениамин.

— Какая разница! Ты бы лучше сходил за пиками. У меня уже совсем наконечники обкрошились.

— Кто тебе их даст!

— У Татьяны есть.

— Не пойду я к ней.

— С лестницы, что ли, спустила! — догадался Борис.

Вениамин сплюнул вниз, но теперь уже в отсек, где находился Ступин, и сообщил, что у Татьяны объявился любовник:

— Не здешний, говорят. С промбазы. А может, из недавних какой подкатился.

— Бывает, — посочувствовал Борис.

— У нее же проходной двор. Она, как триумфальная арка, всех пропускает...

— Ты ему не верь.

— Это почему же!

— А потому что ты вечно врешь.

Ступин чувствовал, что Вениамин неотступно следит за ним. Медвежьи его веки плутовато щурились, веснушки нагло сияли на щеках, и когда он все же ушел за пиками, взгляд его еще долго висел над Ступиным.

— Ну как там насчет жанра-то! Не решил еще! — внимательно разглядывая столбик пепла, спросил Борис.

— Какого! — удивился Ступин.

— Газетного. Вон их сколько отверстий! Написал бы о них в редакцию...

— А вы-то куда смотрите!

— В корень.

— Оно и видно, — усмехнулся Ступин.

— Не веришь! Тогда спроси у любого, сколько здесь бывает корреспондентов. Думаешь, они об этом не знают!

— Что же они, сволочи, думают! — проникаясь негодованием, заговорил Ступин.

— Плохо следишь за газетами. Думают. Возьми хоть вчерашний номер «Известий» — та же история. А что мы с тобой имеем! Ну опишет он там ржавую задвижку, которую спихнули в траншею, намылят пятаки мастерам и прорабам, а там глядишь, пришла директива: по случаю такой-то матери изменить схему подземных коммуникаций. И начинается новый фильм. Трубы уже в земле, до них чуть ли не пять метров, а их надо переносить. Вот что бы ты стал делать на месте начальника!

— Выкапывать! — не задумываясь, ответил Ступин.

— Ишь ты какой быстрый. А экономист пощелкал на арифмометре и сказал, что дешевле закупить новые трубы.

— А те, что в земле!

— На них же надо затрачивать уйму денег: перегонять экскаваторы, выбрасывать грунт, краном разбирать лотки, а потом — теплоизоляция, стыковка. Все снимать, ломать, выворачивать... да что там!— Борис отмахнулся рукой.

— Значит трубы так и остаются в земле!

— Они остались, — мягко поправил Борис.

Ступин непонимающе уставился на него:

— Так это было на самом деле!

— Конечно!

— Но ведь трубы из металла! — возмутился Ступин.

— Ну и что! Снаряды и танки тоже не из дерева.

— При чем здесь танки!

— А при чем здесь мы!

— Хо-хо! А сколько же было труб!

— В переводе на русский язык тонн двести.

— И никого не посадили! — изумился Ступин. Борис рассмеялся.

— Зря выходит, газеты стараются! — снова очнулся Ступин.

— Почему зря! Ты же иногда читаешь: «Меры приняты». Гражданин такой-то за халатное отношение к делу отстранен от должности или наказан по партийной линии. О Жукове тоже писали: завалил, понимаешь, проезжую часть дороги, ни пройти корреспонденту, ни проехать. Пришлось конструкции поднимать на кровлю, потому как площадку для складирования не предусмотрели в сметах. На участке висят лозунги: «Рабочий! Каждый сэкономленный гвоздь снижает себестоимость строящихся объектов!» Читаешь—а под ногами у тебя куча ржавых болтов.

— Ну уж для них-то можно найти ящик,— возразил Ступин.

— Правильно! Давай-ка еще постучим.

Борис смял окурок и быстро поднялся на ноги.

...Нежно-фиолетовые горы походили на груды спелой черешни. Они казались очень далекими и почти нереальными. Лишь у самых оснований появлялись едва различимые паутинки стволов, но по мере того, как взгляд все ниже уходил от горизонта, очертания тайги становились грубее и отчетливей. Привалившись к колонне, Ступин неторопливо разглядывал лесопорт с его замысловатыми эстакадами, корпуса цехов и груды железобетонных плит, среди которых возвышались замершие краны. Почему-то вспоминалась голубая тетрадь Бориса. Цифры, отдельные фразы, как-то: «уникальный комплекс», «из серии крупнейших в мире». Говорилось о дрожжах, кордной целлюлозе и тарном картоне, «который позволит сэкономить миллионы кубометров деловой древесины, расходуемой на выделку громоздкой тары».

«Надо будет написать своим, — решил Ступин, и от мысли, что он трудится не на какой-нибудь заштатной стройке, а крупнейшей в мире, стало покойно.—Иметь — так миллионы, любить — так королеву, трудиться — так только в таких вот краях. Техника есть, от одних компрессоров можно оглохнуть. Не хватает порядка? А ты наводи».

Обеденный перерыв подходил к концу. На дне фильтра копался с молотком Борис. Ступин все мудрствовал, потом задремал, но услышав чей-то веселый свист, поднял голову и увидел Власа. Звеньевой вразвалку шел вдоль ограждения. Когда он поравнялся с колонной, Ступин деловито вытянул перед собой ногу, и ничего не подозревавший Влас во всю длину распластался в проходе.

— Ах ты гад! — прохрипел он, пытаясь подняться. Его густые с волнистым начесом волосы разметало по всему лицу.

— Чего ты ругаешься? — с наигранным добродушием проговорил Ступин. — Обычное дело. Сегодня я, а завтра ты...

Зрачки звеньевого сузились. Шея набухла. Трясущимися руками он закатал штанину и оглядел извилистую ссадину. Ступин повернулся к нему спиной. Это окончательно вывело Власа из себя. Его тоскующие пальцы заметались среди арматурных выпусков и под крестовиной ограждения нащупали неровную коросту застывшего раствора. Объятый сладким ознобом, он метнулся к Ступину, но незаметно выскользнувший из фильтра Борис вовремя сгреб его за плечи. Борьба продолжалась недолго.

— Пусти! — истерично забился Влас.

— Иди, — разрешил Борис и взвесил на ладони обломок раствора. — А ничего. Верно?

— ... еще разберемся! — непослушными губами бормотал Влас, и, прихрамывая, пятился к угловому повороту, из-за которого вдруг появился мастер.

— Ты что, Пупков, задний ход отрабатываешь? — посторонившись, сурово спросил он. Незнакомая девушка выглянула из-за его плеча. Заметив ее, Влас нахлобучил фуражку и, ни слова не говоря, ринулся к лестнице. По пути он успел наткнуться на Горохова и отмахнуться от окликнувшего его Ивана.

Костистая фигура Юбочкина заслонила проход.

— Вы что тут, в паровозы с ним играли? — обратился он к Борису. Тот невозмутимо пожал плечами и высказал предположение, что Пупков, видимо, перегрелся на солнце. Обросшая щетиной челюсть бригадира криво поползла в сторону. Девушка догадливо прищурилась. Платье одуванчиком парило вокруг ее талии. Только мастер слегка нахмурился и с неудовольствием покосился на кусок раствора, который Борис незаметно откинул в сторону.

— Привели вам хронометражиста, — представляя девушку, сказал он.

— Зачем? — поинтересовался Борис.

— Мы же не учитывали гвозди. Выбивать их надо из фильтров,— пояснил Горохов.

— Я еще зимой говорил об этом,—согласился Борис.

— Всего не упомнишь, — нахмурился бригадир.

— Электроды тоже были не в натяжку...

— Сцепились феодалы! — ухмыльнулся Юбочкин и, внезапно обратившись к Ступину, спросил: — А у тебя что это с рукой?

— Ободрал!

— В медпункте был?

— Был! — соврал Ступин.

— В каком?

— А там! — неопределенно махнув рукой, пояснил Ступин.

— Там растворный узел. — Мастер мельком взглянул на успевшую сбиться повязку и вздохнул. — Мда! А давай-ка мы тебя на гвозди поставим, а? Горохов! Снабди его зубилами!

Бригадир понимающе кивнул головой и поманил Ступина в сторону. Свирепо откашлявшись, он покосился на белый одуванчик, нетерпеливо перебирающий стройными ножками, и сипло задышал в ухо:

— Из ОТК. Ты давай культурно. Понял? Не торопись. Количество гвоздей на один квадратный метр мы уже прикинули. Дело за тобой. Денька два с ней помаешься, а потом можешь снова идти к Борису. Маша!— крикнул он,— дык што, с того края начнем!

По деревянной лестнице Ступин опустился в крайний отсек и внимательно осмотрелся. Гвоздей было достаточно. Их острия тускло мерцали в полумраке. Распирая опалубку, бетон намертво прихватывал их шляпки и теперь оставалось только одно: вырубать этот шиповник зубилами.

В порхающем платье девушка стояла над ним и сжимала в руке хронометр.

— Вы не скажете, как вас зовут? — звонко крикнула она. Кокетливое эхо заюлило среди каменных громад. «Начинается», — подумал Ступин и отрекомендовался по всей форме.

— Ой! Да с вами весело! — обрадовалась девушка и присела над ним.

— Еще как! — подтвердил Ступин и, уводя свой взор в сторону, посоветовал: — Вы бы сели поудобнее, а то вас снизу продует.

Одуванчик встрепенулся, ноги мгновенно исчезли за бетонной выгородкой и ледяной голос оповестил Ступина, что время перерыва истекло.

Зубила оказались мягкими. Горохов умудрился нарубить их из арматурных стержней, и гвозди не очень-то поддавались этим самоделкам. Через полчаса от них остались жалкие черенки с множеством сверкающих заусениц. Ступин швырнул их в угол и молча вылез наверх.

— Куда же вы? — встрепенулась девушка. — Рабочее место нельзя покидать!

— Не зубами же мне гвозди выкусывать, — огрызнулся он и отправился к Борису. Тот нашарил в обломках пики от отбойных молотков с плоскими остриями.

— Держи! Двух тебе хватит.

— Гуд бай, — повеселел Ступин и вернулся в свой отсек. «Сидит, как святая Магдалина», — мимоходом отметил он. Две спелых виноградины неотступно следили за его движениями. Над ними развивался светлый локон, а еще выше сияло знойное небо, и в него опрокидывались балки. Обезглавленные гвозди мелодично звенели под ногами. Сбивая один из них, Ступин промахнулся и угодил молотком в большой палец левой руки.

— Больно? — спросила девушка и встревоженно вскочила на ноги.

— Вас сегодня продует, — снова предупредил Ступин.

— Какой же вы хам! — вспыхнула льняная Магдалина и поспешно погасила складки парашютика.

— Спасибо, — сдержанно поблагодарил он. Ответа не последовало. Слышался только шелест блокнота и невинное пошмыгивание носом. «Сколько же ей лет! — прикинул мысленно Ступин и неожиданно поймал себя на том, что сравнивает этот щуплый, как он про себя успел окрестить, «одуванчик» с Татьяной. «Лягушонок,— посматривая изредка наверх, хмыкал он про себя, — и когда она успела вырастить такой рот». Страшного, конечно, ничего нет, но помаду слизывать могла бы и пореже. Татьяна, безусловно, привлекательней, зато здесь — непорочность. И с этой как-то проще, а с той только держись. Марго в шароварах! Мужики слюни распускают, на коленях ползают, перебить всех паразитов, чтоб не лазили, куда не следует. Ступин свирепо взмахнул молотком и, чуть не взвыв от боли, повалился вместе с лестницей на смежную стену. «Ух! Стерва!»— посасывая ушибленную косточку, злобно чертыхнулся он.

Квадратные метры постепенно лишались своей железной щетины. Где-то наверху они аккуратно перемножались между собой и сверялись с хронометром.

— А почему вы, собственно, не отдыхаете! — уже в конце смены спросила Маша.

— Вы же меня не предупреждали.

— А почему я вас должна предупреждать!

— А почему бы, собственно, и нет!

— Сказка про белого бычка, — холодно обрезала девушка и, придерживая платье, осторожно поднялась с кирпичиков.

Женщина, как первобытный дух, томилась среди непроходимых лесов. В мангровых рощах кричали обезьяны, таинственные призраки блуждали среди покинутых людьми храмов, а волчьи логова светились глазами Маугли, постигшего мудрость великой Као. Когда голос женщины достиг апогея, и сосны за окном совсем уж было приготовились обрасти лианами, Борис лег грудью на подоконник и заорал что есть мочи:

— Алька! Заведи лучше «Мамбу»! Бедлам! — сгребая конспекты со стола, проворчал он и бросился на кровать. Ступин молча прислушивался к мучительно рыдающим октавам и следил за крадущимися сумерками.

— Знаешь, о чем я думал! — повздыхав, сказал Борис.

— О чем!

— О нашем с тобой разговоре.

— Мучаешься!

— Да, как тебе сказать. Размышляю. У меня ведь критический склад ума. Сам понимаешь, какое это несчастье в мои-то незрелые годы. Венюнчик — тот хоть донжуанствует по вечерам, а я больше интегрируюсь в горизонтальном положении, да еще вот в чертежах копаюсь.

— Литературно ты говоришь, — поощрительно заметил Ступин.

— Со слезой!

— Да нет! Я серьезно тебе говорю.

— Ну раз серьезно, поехали дальше. На ящиках остановились, да!

Ступин согласно кивнул головой.

— ...значит, гибнет металл. Болты не подбирают, гвозди не берегут. Правильно! А сказать тебе, почему!

— Потому что всем наплевать! — сказал Ступин.

— Ты думаешь!

— Тут и думать нечего. Воспитывать надо!

— Кого! — насмешливо спросил Борис.

— Нас.

— Чего ради. Мы же с тобой все понимаем.

— Остальным надо вбить, как следует...

— И остальные понимают.

— Какого ж черта!... — озлился Ступин. Он с недоверием покосился на лицо Бориса, и оно ему не понравилось. «Разыгрывает»,—мелькнула запоздалая мысль.

— Слушай, Павел. Ты заметил, сколько плит из железобетона валяется вокруг комбината. Их ведь давно списали. И еще будут списывать сотнями. А в каждой большой плите килограмм восемьдесят арматуры. Теперь скажи мне, разве не смешно тому же плотнику подбирать на дороге гвоздик и трястись над каждой доской!

— Одно другому не мешает! — упрямо заявил Ступин и добавил. — А этих, кто списал, метлой надо гнать!

— Хорошо, — продолжая развивать свою мысль, усмехнулся Борис.

— Возьмем другой пример. Заставили бульдозериста засыпать траншею, а возле нее обрезки труб, задвижки с прокладками. Там, глядишь, рельсы кто-то свалил. Где хозяин! Сам бог не знает. А смену-то надо отрабатывать. Не бегать же по будкам, расспрашивать, кто, мол, ребята, такую вот штуку на бруствере оставил. Ну, и начинает парень грести все до кучи.

Ступин поднялся и молча прошелся по комнате.

— Не понимаю! — нахмурился он. — Ведь все же видят...

— И никто не сходит к начальнику,—подсказал Борис.

— Писать надо! Морды бить! Обратиться куда следует.

— Куда! — приподнялся Борис.

— Разве некуда!

— Наивный ты человек. Да ведь мы с тобой здесь хозяева. К кому ж нам еще обращаться!

Ступин рассвирепел. Он с шумом придвинул к себе стул и уставился на Бориса.

— Знаешь, ты кто!

— Нет! — ласково отозвался Борис.

— Тогда черт с тобой! — Ступин махнул рукой и достал папиросы. Борис поднялся с постели и, высунувшись в окно, громко крикнул:

— Алька! Кончай хворать! Давай хоть «Шотландскую застольную»!

— Разбили «застольную», — снова промычал невидимый в темноте Алька и на двенадцатый заход поставил все те же перуанские гимны.

— А ГЭС вы так же строили! — угрюмо поинтересовался Ступин.

— Нет.

— Вот и расскажи.

Борис напился воды, закурил и снова прилег на кровать:

— Ну слушай, если интересно. На ГЭС я приехал — уши да насморк. Варфоломей как увидел меня в бригаде, чуть от жалости мундштук свой не скушал. Семнадцать мне тогда стукнуло. И умел я только штанишки застегивать да в тарелку глядеть. Варфоломей — сейчас он на пенсии, а тогда инструктором работал, — определил меня в плотники. Намаялся со мной, бедняга. Я до этого дров-то не мог нарубить, а бригадир вроде Пупкова попался: заставил меня бойницы в опалубке выпиливать. «Хоть пальцем, а сделай». И края, чтоб на собачью спину не походили. В общем, без зачесов. Тут Варфоломей и подвернулся. Взял ножовку, спросил у бригадира, где его шестая жена, и показал, как надо работать. Хороший был человек. Рубили мы ряжи, отсыпали перемычки. Потом перешли в котлован. Но это я так, для истории.

— А как с энтузиазмом! — перебил Ступин.

— Был.

— И сейчас есть!

— Как тебе сказать. Тогда в котлован рвались, как в последний автобус. Со всего Союза приезжали. А

сейчас рабочих хватает. Ты вот спросишь, в чем дело, а я еще и сам до конца не разобрался. Когда ГЭС строили, думали: ну, осилим такую махину, и сразу вокруг все изменится. Бассейны откроются, пляжи оборудуют, наедут артисты со всех городов и начнется культурный расцвет. А потом перевели сюда. Опять палатки, метели — и снова запрягайся на восемь лет.

— Устали! — спросил Ступин.

— Не железные. С работы придешь — и в бильярд некуда сходить поиграть. Средств не полагается. Но дело не в этом.

— А в чем!

— Да в том, что романтики научились кое в чем разбираться.

Борис помолчал и рассказал Ступину о Бове, который в позапрошлом году был бригадиром комплексной бригады. На всех конференциях Бову величали не иначе, как «запевалой смелых начинаний», ставили в пример остальным, вручали ему переходящее знамя и фотографировали на фоне кирпичной стены, где висела Доска показателей. Бову даже ввели в состав контрольной комиссии по использованию дефицитных материалов. Расти бы и дальше Бове, но оторвался он от местного руководства и был изобличен в «аморальном отсутствии существующих норм снабжения». В акте так и указывалось. А случилось это при следующих обстоятельствах: наслышавшись о новых методах строительства, Бова собрал бригаду и предложил перейти на хозрасчет. Несогласных с его мнением он очень культурно попросил покинуть бригаду и не мешать остальным. Дезертиров не оказалось. Тогда Бова сходил к начальнику участка и вдвоем они отправились в отдел труда и зарплаты. Начальник ОТЗ товарищ Громилов отнесся к идее с весьма заметным колебанием, но, скрепя сердце, дал согласие, хотя и предупредил, что ничего из этого не выйдет, поскольку «строительный облик масс еще не охвачен сплошным сознанием».

Бова в душе и сам побаивался хозрасчета (дрожать над каждым кирпичом, за свой счет переделывать брак—к такому привыкнешь не сразу), а парни живо смекнули, что старым нахрапом тут не возьмешь.

Бригаду перевели в город на строительство детского сада.

Но вот почин облетел все инстанции. Когда стало известно, что бригада выполнила месячный план на двести пятнадцать процентов при отличном качестве, Бову навестил корреспондент областной газеты, затем приехал инструктор горкома, а позднее—очень известный лектор (член экономического общества).

Конец наступил неожиданно. Бригаде не дали кирпич. Два дня парни сидели на мусоре и вспоминали анекдоты. Бова слонялся возле диспетчерской и звонил в отдел снабжения. Ему объясняли, что такое перебой и вешали трубку. Тогда-то один водитель и сообщил Бове, что в седьмом микрорайоне этого кирпича завались. Только чей он, пока неизвестно. Дома уже заселили, а кирпич с похмелья, видать, какой-то дурак выписал. Бова не стал искать этого «дурака», вызвал машину и к вечеру перевез весь кирпич на объект. Работа возобновилась. А через неделю разразился скандал: Бову обвинили в хищении. Начальник ОТЗ товарищ Громилов написал обстоятельную докладную, где указывал на несвоевременность подобных экспериментов и даже вред их в условиях, когда масштабы строительства и обилие субподрядных организаций снижают «общую оценку централизации усилий»...

— Не оправдал себя метод, — сердито швырнув окурок в окно, проворчал Борис. —Аморальный поступок — будь здоров. Нет, брат, пока в управлении сидят такие дубы, нам дальше аккордно-премиальной оплаты труда не прыгнуть.

— А это что такое! — спросил Ступин.

— Самый современный метод. Положим, кончается четвертый квартал, а у начальника строительства начинает побаливать печень. Он говорит: «Позвать мово любимого». Любимый приходит к нему и все понимает: надо поиграть на рояле — выписать аккордные наряды и распределить по бригадам. Потом собирают нас и объясняют, что перекрытие такое-то желательно закончить к следующему четвергу. Успеем — получим хорошие деньги, и, конечно, премиальные.

— Чем же это плохо!

— Слушай дальше. Заработать никогда не мешает. Поэтому и дуют ребятишки вовсю. Тут уж некогда думать об экономии. Главное—выиграть время.

— Ну, допустим выиграли!

— В том-то и дело, что проиграли. Смотришь потом на бетон, а он весь в раковинах. Лечить его надо: заново ставить леса, вручную таскать раствор, а как это называется! Удорожание. Брак! Зато в отчетах указано: уложили столько-то кубических метров... Вот почему становится смешно, когда тот же Громилов начинает говорить о бережливости, а корреспонденты ходят вокруг ржавой трубы, которую не отправили на переплавку.

— Все равно они делают правильно! Бороться надо!

— А может лучше сначала подумать! — сказал Борис.— Как бороться-то думаешь! Через стенную печать, или заразить всех личным примером!

Ступин ничего не ответил и отвернулся к окну. Има Сумак в четырнадцатый раз пела о джунглях и от голоса ее зябко коченели сосны.

Ступин вышел за дверь. В конце коридора на подоконнике сидел рыжий парень, голый по пояс, и, судорожно сжимая гриф гитары, безнадежно глядел в растрепанный самоучитель. У крыльца стоял мотоцикл. На ступеньках кто-то щелкал семечки и тяжело вздыхал.

Через весь город, осторожно огибая чудовищные бакены домов, брели зеленые исполины. Бреднем, вытканным из хвои, они загребали звезды, и в бесконечной их сети бились скользкие хвосты созвездий. Белые платья женщин проплывали среди стволов. Пьянящий полумрак обступил Ступина. Он состоял из ночных запахов, светящихся окон, шагов, вздохов и сухо потрескивающих под ногами шишек. Низкий штакетник, вихляясь, тянулся вдоль рощи. Местами его бережно поддерживали кусты, а там, где он распускался аркой и разбитая тропинка бойко выбегала на дорогу, томилась обугленная лиственница. Из-за нее-то и послышался знакомый Татьянин смех. От неожиданности Ступин вздрогнул и затаил дыханье. Вскоре он увидел Вениамина, который, небрежно похлестывая веточкой, стоял на краю дороги.

— Ну чего ты смеешься! — допытывался Вениамин.

— А тебе приятней, когда люди плачут! — не унималась Татьяна. — Подумаешь, какой феодал. Еще в загс приглашает...

— Что я хуже других, по-твоему. Вывеска у меня не по циркулю, да!

— Все у тебя по циркулю. Аж вот по такому!— Полной рукой Татьяна очертила в воздухе круг.

— Доведешь ты меня, — нервно поигрывая веточкой, сказал Вениамин.

— А что будет!

— Потом увидишь.

Татьяна остановилась перед ним.

— Опять начнешь про меня распускать разные истории. Да? Расскажешь всем, какая я доступная. Ну, зачем ты все это делаешь!

— Целее будешь, — пояснил Вениамин.

— Господи! Какой ты дурак. Все равно я за тебя не пойду. И не стереги ты меня по ночам, не ломись в мои двери.

Свалившаяся сверху шишка задела Ступина по щеке. Он спохватился и, осторожно выбравшись на тропинку, отправился к подслеповато выглядывающим из-за сосен домам, где все еще ревела перегревшаяся радиола.

— Люблю же я тебя! — преследовал его истерический шепот Вениамина, — сойдемся, а там будет видно...

Ночью Ступину приснилась широкая площадь. По ней сновали озабоченные люди—в плащах, рубашках, чистых костюмах. Некоторые в сапогах и монтажных куртках. Все хмуро переглядывались, косились на подтянутого человека с большими ушами, который жевал бутерброды и термосом указывал, куда становиться.

Среди прочих Ступин заметил Жукова и грузного старика в мохнатых унтах. «Начальник стройки», — шепнула Татьяна и потерлась головой о плечо Ступина. Он хотел спросил, зачем это все строятся в одну шеренгу, но тут появился Малютин.

—А ну подтянуться! — простуженным голосом буркнул он — и разом все напряглись, застыли.

Старшина шел, вглядываясь в лица. Неожиданно развернувшись, он нагнулся и поднял с земли ржавый болт.

— Чей! — спросил он. Линейный персонал потупился.

— Я спрашиваю, чей болт! — повысил голос Малютин.

Все молчали.

— Разрешите мне! — попытался вмешаться Ступин, но Татьяна прильнула к нему, приложила к губам палец и повела в кладовую, где плакал Вениамин.

— Значит, нет хозяина! — вытирая слезы, прошептал тот и нахлобучил на себя светильник.

СУББОТА

Знаменитых пирамид на площадке уже не было. Груды изуродованных досок виднелись только у стены, а рядом с верстаком аккуратными углами желтели ровные кипы щитов. Шагах в десяти от них прохаживался Жуков и, поблескивая очками, глядел на дорогу. Ему нужна была машина, но вместо нее появился Ступин. На этот раз начальник участка узнал его сразу и от нечего делать вступил в разговор.

— Как дела! — поздоровавшись, осведомился он.

— Пока ничего.

— Это самое главное,— внушительно сказал Жуков.—Вчера я тебе выписал аванс. Сегодня получишь. И где этот ихний джип! Уже без пятнадцати восемь...

— Николай Федосеевич! — скромно покашливая, перебил его Ступин.— А куда, интересно, увозят негодные доски, отходы и прочее!

— Как куда! В лесок, мишкам на берлоги. — Жуков хитро подмигнул своим увеличенным глазом и сильной пятерней поскреб грудь.

— Что хотел-то! Домишко что ли построить!

— Гвоздей в этих отходах много,— укоризненно сказал Ступин.

— Да ну!

— Вы не смейтесь! Тонны полторы ведь отсюда увезли. А если взять по всем стройкам страны!

— Ого, — встрепенулся Жуков. — Государственный размах! Беречь надо металл, верно ты толкуешь. Только вот некому гвозди-то у нас дергать.

— Найти человека,— посоветовал Ступин.

— Из сумасшедшего дома, что ли! Какой рабочий согласится всю свою жизнь дергать гвозди! Может, тебя приставить к этому делу! Будешь три с полтиной выколачивать за смену.

— А если привести сюда пионеров!

— Чудило! —загрохотал Жуков. — Да отвечать-то кто за них будет! Я! Какой-нибудь пацан сядет на гвоздик, а с меня три шкуры...

— Ну, неженками им тоже нечего расти... — упрямо проговорил Ступин, но начальник уже не слушал. По дороге бодро катил долгожданный джип, выщелкивая из-под себя кусочки гравия.

Маша-хронометражист уже сидела возле фильтра и, слюнявя пальчик, старательно заглаживала не поладивший с арматурой туфель. Увидев Ступина, она зарделась и, спохватившись, взглянула на часы. Вместо вчерашнего «одуванчика» на ней красовались спортивные брючки с «молниями» у щиколоток. Крапинки вокруг носа были старательно припудрены, брови слегка подкрашены, а припухлые детские губы собраны в бантик. Право, она была ничего, и Ступин, который нарочито громко проволок мимо нее свои армейские бахилы, не без удовольствия взглянул на льняную Магдалину. Определенно в ней угадывалась святость. Правда, для этого не хватало черепа. Но зато под Машиной худенькой ручкой лежал хронометр, с точностью до секунды вымеряющий время выбивания гвоздей на одном квадратном метре.

— Ну, как! Прохронометрируем!— спросил Ступин.

— Еще рано!— колокольчиком откликнулась Маша.

— Тогда закурим.— Он решительно воткнул в рот папиросу и рассеянным взглядом скользнул вдоль колонн.

— Ваш участок похож на Кносский дворец, — боязливо взглянув в его сторону, заговорила Маша.—Столько всяких лабиринтов. А почему вы не здороваетесь!

— Извиняюсь! — спохватился Ступин.— Ходил тут в одно место искать свой старый молоток, а самый главный минотавр испортил мне настроение.

— Надо было его убить,— хихикнула Маша.

— Из лабиринтов потом не выберешься,— пояснил Ступин.

— А вы, оказывается, образованный.

— Как же. «Гнев, о богиня, воспой, Ахиллеса, Пелеева сына»...

— Ой! Да с вами весело! — снова восхитилась Маша и, спросив еще, сколько Ступин окончил классов и почему с аттестатом зрелости решил поупражняться на гвоздях, милостиво предложила спуститься в отсек. Натягивая руковицы, он уничтожающим взглядом окинул зеленоватые стены. Мятежный блеск вражеских копий воспалил его воображение. Рыцарь облачался в доспехи. Под его турнирными шагами путалось тысячелетнее эхо. Из-под каменного балдахина, сидя на кирпичах, следила за ним прекрасная дама с хронометром в руках. Герольды распахивали ворота замка.

Маша прилежно шелестела блокнотом. Она, как ящерица, заглядывала в отсек и удовлетворенно кивала головой. Никаких отклонений от заданного режима не было. Зубила не перегревались, гвозди падали как с правой, так и с левой стороны, а ревматическая лестница (Ступин уже не мог обходиться без нее) послушно напрягала свой позвоночник.

Раза два возле Маши появлялся Горохов, потом заглянул Вениамин.

— Иду сегодня на море. Окунишек надо погонять! — сообщил он. Нижняя губа прославленного совратителя была рассечена, под кадыком виднелся кровоподтек.

— Не отвлекайте товарища от работы, — строго заметила Маша.

— Слушаюсь! — сказал Вениамин и удалился к Борису.

— А теперь можно передохнуть,— хитро рассмеялась девушка. Переставив лестницу, Ступин вылез из фильтра и присел на свободный кирпич.

— Сегодня до двух работаем, — мечтательно сказал он.

— Суббота! — вздохнула Маша.

— Можно кое-куда сходить.

— Например, за окунями, — подсказала она.

— Хотя бы и так.

— А культурные развлечения вас не интересуют?

— Здесь же всего один очаг, — вежливо напомнил Ступин.

— Два, — поправила Маша.

— Вы имеете в виду танцплощадку?

— Хотя бы и так, — ступинским тоном заметила Маша и чуть не уронила хронометр.

— Пхе! — небрежно усмехнулся Ступин, — ее осталось только доломать.

— Это вам только кажется. Там всего трех половиц не хватает. Я и в прошлом году их не видела. Что тут такого? Зато меньше стали драться и никого еще не зарезали.

— Ой! Да с вами весело! — сползая с кирпича, едва проговорил Ступин. От смеха у него заложило нос.

— Вы, как мальчик, повторяете чужие слова! — обиделась Маша, но губы ее тоже предательски подрагивали.

— Ладно уж,— бессильно отмахнулся Ступин. — Чего уж! — промычал он в рыжий платок. — Было бы кого пригласить...

— Девушек много...

— Это верно. Вы сами-то еще не под конвоем ходите?— Она непонимающе взглянула на него.

— Я в смысле того, что у вас там кто-нибудь есть, — поправился он.

— Никого у меня нет. И какое вам дело до этого?

— Так мы с вами похронометрируем сегодня?

— А вы всегда так приглашаете?

Глаза ее серьезно остановились на Ступине.

— Ах, синьора!— спохватился он.— Я просто не знаю, как это делается.

Ровно в два они попрощались. На объекте уже никого не было. Где-то внизу давали аванс, и парней словно вымело. Валялись брошенные ломы, дымились бойки с раствором, на проволочной скрутке развевалась чья-то безрукавка, а со ступенек лестниц сиротливыми ошметками свисали рваные рукавицы. Нырнув под ограждение, Ступин прямо со второй площадки ухнул вниз, разметал груду прошлогодних отходов и, спасаясь от хлынувшей из-под подошв пыли, командорской рысью направился к времянкам. Огибая буфет, он едва не налетел на Татьяну, которая перебирала свежие топорища, и, оробев, остановился:

— Живой? — не проявляя особой радости, спросила она. — Пыль за тобой столбом, как за самосвалом.

— В ногах не будет путаться, — воинственно пробормотал он.

— Герой! — хмуро усмехнулась она. — Вот обеспечат тебя квартирой на девятом километре и будешь в ней лежать, пока все гости не соберутся.

— Я сто лет проживу!

— Ну, дай бог. — Она вскинула на него глаза. Удивительным светом горели они, таким всемогущим, что он снова почувствовал ту проклятую расслабленность, от которой так тщетно пытался избавиться все эти дни.

— Вечером-то приходи!

Рукавом куртки Ступин судорожно обмахнул лицо и, чувствуя себя последним человеком, согласно кивнул головой. «Похронометрируем», — хладнокровно размышлял он, направляясь к прорабской. Необлетевший одуванчик скромно выглядывал из-под скамьи. Его голова целомудренно белела среди заржавевших патрубков и стружек. Пальцы Ступина мимоходом выхватили его из зеленой обители, и веселые парашютики разом хлынули по сторонам.

Из распахнутой двери один за другим выходили парни. Хрусткие пятерки, небрежно сунутые в нагрудные карманы, заставляли их трогательно всматриваться в горизонт. Намечался целый ряд мероприятий, хмелели от предчувствий головы, магазины нетерпеливо выглядывали из-за таежных кордонов, дожидаясь грозных магелланов.

У газетного стенда о чем-то совещались Пупков и Горохов. Рядом с ними топтались Борис, Вениамин, Толик-футболист и молчаливый Иван по прозвищу Грозный. Заметив Ступина, бригадир поманил его пальцем.

— С тобой тут комсорг хотел поговорить.—Он поискал кого-то глазами и окликнул парня невысокого роста с энергичным лицом и огромными глазами. — Эй, Макс! Вот наш новый товарищ!

— Вижу, — сказал Макс.

— Только ты не уводи его! — предупредил Горохов и испытующе взглянул на Ступина. — Часика на два останешься с ребятами! Закладные коробки поможешь сделать. Звеньевой не против...—он хмуро покосился на Бориса и бронзовым, в ссадинах и пятнах кулаком потер тяжелый подбородок.

— Если на два, то можно, — согласился Ступин.

Вениамин вздохнул. Его беспокоил спиннинг, который давно уже томился без дела, дожидаясь своего хозяина.

— Так ты что ж, дорогой, на учет не становишься? — отведя Ступина в сторону, спросил Макс.

— Я ведь не комсомолец.

Комсорг присел на скамью, локтем смел со стола бумагу с оставленными кем-то объедками. Куртка распахнулась. Над черными сосками величественно парил орел, сжимающий в лапах якорь.

— А ты не заливаешь? — подозрительно прищурился Макс.

— Ну, вот еще! — обиделся Ступин.

— Ты не волнуйся,— успокоил его комсорг.— Находятся, знаешь, духи... Сам-то почему не вступаешь?

— Не знаю, — сознался Ступин.

— А ты спроси себя! — внушительно сказал Макс.

— О чем?

— Ну, как о чем. Достоин ты этого звания, или, может, душок в тебе бродит... Да что ты, ребенок? Другие в твоем возрасте давно уже партийный билет имеют.

— Совесть надо иметь! — нахмурился Ступин.

— И незыблемость... у, небритая рожа! — показывая кулак какому-то парню, отвлекся Макс и, поворачиваясь к Ступину, пояснил: — видел ты эту образину? Второй месяц взносы не собирает. Так сколько ты классов-то кончил?

— Десять.

— Совсем хорошо. Вот тебе устав. Будешь вникать.

— Я уже читал его.

— Тогда пиши заявление. Рассмотрим. А как только проявишь себя, утвердим в комитете.

— Поговорить бы хотелось, — начал Ступин, но Макс хлопнул его по плечу, подмигнул своим страшным глазом и, сказав, что это еще успеется, ринулся к бригадиру:

— Горохов! — крикнул он. — Кому ты заказывал стенды?

Голос его затерялся.

— Кто здесь Ступин? — спросил кассир.
— Я.
— Документ имеется?
— Какой?
— Подтверждающий вашу личность.
— Нет.
— Ищите трех свидетелей и получайте деньги.
Кассир высморкался в платок и склеротическими пальцами отсчитал десять трехрублевых бумажек. Затем достал два новеньких червонца и, не глядя, протянул авторучку.

Закладные коробки решили делать прямо на кровле. Горохов объяснил, что оттуда их проще всего перебросить потом к фильтрам и, кроме того, все верхнее перекрытие было усеяно досками. Их, правда, завалили щитами, но звено Власа Пупкова с помощью крана должно было переправить их в самый конец коридора, где могли развернуться трайлеры.

По металлической лестнице Ступин вслед за Борисом поднялся наверх. Кровля, состоящая из огромных квадратных плит, с массивными боковинами, глухо загудела под ногами. Бетон уже успел кое-где выкрошиться, рваные пробоины зияли, как пустые глазницы. Многие проемы еще оставались открытыми, и Ступин осторожно обходил их стороной. Влас с безмятежным видом шагал по узким седловинам балок.

— Ни одного ограждения, — процедил Борис. Он бросил инструмент возле двух аккуратно скрепленных гвоздями щитов и выругался.— Бетонные лотки, и те догадались поднять на кровлю. Строители называются.
— Что ей сделается? — хмыкнул Вениамин.
— Цельность нарушается. Вот что.
— Теперь уже нарушилась.
— А ты-то чему радуешься? — озлился Борис.
— Хохотальник свой развиваю, — вяло пояснил Вениамин.

В соседнем коридоре разворачивался башенный кран. Тень от стрелы мягко скользнула по лицам, и через минуту прикрепленные к тросу крюки загремели среди деревянных коробок.

— Майна!— ревел Иван и усердно «стропалил» руками. Спотыкаясь, он метался среди кусков бруса, перевернутых носилок и бетонных лотков. Толик с Власом крались за железным пауком, осторожно перехватывая волочащиеся по завалам лапы.

Стянув с себя безрукавку, Борис разгладил эскиз и принялся его рассматривать.
— Ищите сороковку на восемнадцать, — приказал он . — Я заготавливаю шаблоны.
— Вот такую? — показал Вениамин и повертел перед Ступиным кусок широкой доски. — Возьми. Приложишь — и сразу станет ясно, такая или нет.

Ступин не стал отказываться и, прихватив коротыш, отправился на поиски. Вскоре ему удалось наткнуться на две сорокамиллиметровки, и он торжественно приволок их к месту заклания.
— Ну, как тебе наш Макс? — спросил Борис.
— Пока никак.
— Отличный парень. Мы с ним вместе в котловане работали.
— А что это он так мечется?
— Неосвобожденный секретарь. Заочно учится, со всеми наравне работает, да еще общественными делами, как видишь, занимается. У нас ведь навалят — язык высунешь.
— Распределять надо, — назидательно сказал Ступин.
— Тебя бы главным советчиком сделать, — усмехнулся Борис.

За грудой бетонных лотков Толик из-за чего-то сцепился с Власом.
— В чем там дело? — встревожился Ступин.
— Оставь их,— посоветовал Борис,— разберутся без нас.

Разглядывая трещины на плитах, Ступин снова побрел среди ребристых холмов опалубки, обогнул высокий в два человеческих роста штабель, сложенный из щитов, и за ним обнаружил с десяток стоек, из-под которых выглядывали нужные доски. Совсем близко послышался сердитый голос Толика.
— Ну и как ты их будешь разворачивать? Разрубить лучше надвое...
— Обойдется, — упорствовал Влас.

«Что там у них такое? — подумал Ступин и, перебравшись через стойки, выглянул из-за штабеля. Восемь щитов, намертво схваченных прижимными досками, чудовищным трапом разметались среди обломков. Пупков, отжав топором боковину, пропускал под нее крюк. Стальная бахрома узлов с хрустом дробила дерево. Молча сплюнув, Толик взялся за другой трос. «Ага! Все сразу!»—догадался Ступин и, осторожно скатив верхнюю стойку, покосился назад. В нескольких шагах плита обрывалась. Дальше начинался открытый проем. Он осторожно сдвинул еще одну стойку, и, зайдя с другой стороны, принялся вытягивать доски. Ступин не видел, как дрогнула стрела и грозно завибрировал трос. Треск и скрежет вставших на дыбы коробок также не привлек его внимание, но глухой удар, от которого дрогнул штабель, заставил его похолодеть.

— Уходи!— нечеловеческим голосом закричал Влас. Отбежав в сторону, он только теперь заметил Ступина, и все его лицо с побелевшими ноздрями выражало безмерный животный ужас.

Верхняя половина штабеля медленно заваливалась на Ступина. Это были зимние щиты с отсыревшими двойными днищами. Набитые мокрыми опилками, они могли смести с перекрытия все, что находилось на краю проема, и у Ступина перехватило дыхание. За какую-то долю секунды он мысленно представил себе, как нелепо кувыркается его тело, увлеченное вниз лавиной щитов и, уже видя себя распростертым среди обломков, ничком бросился к подножью штабеля. Бетонные плиты дрогнули от обвала. Коробки с грохотом рушились вниз, раскалывались о гребни фильтров и дробились на части. Оглушенный, полузасыпанный опилками Ступин лежал, не смея шевельнуться, и даже когда наступило затишье, он инстинктивно продолжал вжиматься в теплые, пахнущие плесенью доски. Его спасло то, что угол третьего снизу щита оказался слегка выдвинутым вперед.

Ступин не совсем отчетливо помнил, как его извлекли из-под оставшихся щитов и посадили возле трапа. На какое-то время им овладело состояние полнейшего безразличия. Он очень обстоятельно исследовал рукав гимнастерки, затем выгреб из-за голенища горсть опилок и только после этого на лице его появилась растерянность, а сбоку на шее неудержимо забился какой-то живчик. Все молча смотрели на него. Влас, пособачьи всхлипывая, сморкаясь, суетился перед ним и пытался объяснить, каким таким образом эта проклятая секция пропеллером пошла вбок.

Борис не спеша стал закуривать. Пальцы его долго пытались выманить из коробка спичку. Влас не успокаивался. Размазывая по лицу счастливые слезы, он продолжал сокрушаться, заискивающе заглядывал Толику в лицо.

Вениамин успокаивал крановщицу, которая долго не могла докричаться и теперь сигналила, что есть мочи.
— Уроды! — догадавшись, что все живы, сердито пристыдила она «строителей» и вылезла на площадку.
— Хоть ты-то заткнись, — пробормотал Толик.
Понемногу все приходили в себя.

— Держи! — предложил Борис и протянул Ступину папиросу.
— Я же говорил за тот вон торец,— не унимался Влас.
Иван отирался возле щитов. Для полной ясности ему даже пришлось лечь животом на край проема и заглянуть вниз. Насладившись зрелищем, он на четвереньках отполз в сторону, исследовал какую-то трещину и сообщил, что фильтры придется очищать заново.
— Просто гений,— восхищенно сказал Вениамин.
Ступин затянулся и, не вполне еще владея собой, стал переобуваться. Погрустневший Влас зачем-то принялся рассказывать о том, как однажды его и еще пятерых бетонщиков сняло бадьей с обрыва, но видя, что его никто не слушает, мрачно взялся за крюк. Толик молча отжал ему доску.
— На сегодня хватит!— сказал Борис и оглядел всех.— Пока это гладбище не уберут, делать здесь нечего. Айда вниз!
— Идите, а мы останемся, —насупился Толик.
— Без ограждений хотите работать! Валяйте. В ящик давно никто не играл.
— Убирать все равно кому-то придется, — возразил Толик.
— Правильно. Дуракам закон не писан. А я в понедельник составлю акт, и пускай наш генштаб выкручивается.
Влас тоже поддержал Бориса. Ему явно не хотелось беседовать с инспектором по технике безопасности, который, чего доброго, поднял бы вопрос о дисквалификации.
— Прячь инструмент!— заорал Вениамин. Толик махнул рукой и молча бросил топор в разноску.
Ступин поднялся с трапа. Ноги слегка покалывало. Где-то в паху ящерицей шмыгала боль. Бухая сапогами, Иван побежал сообщить крановщице, что они уходят, и едва не растянулся среди обломков дерева. Остальные спустились вниз.
— Как себя чувствуешь! — спросил Борис.
— Нормально, — ответил Ступин.
— Может, не будем ждать попутки! Пешком, а!
— Зайдем в магазин, — оживился Вениамин. — Возьмем «Столичной».
— Наздрызгаемся!— в тон ему подсластил Борис.
— И пойдем на море.
Они свернули к обочине и по тропинке мимо леса направились в город.
Часа через полтора приодетый Вениамин покашливал над стаканами, вспарывал жесть охотничьим ножом и украдкой облизывал пальцы. В распахнутое настежь окно доносились голоса парней, которые уже успели хватить с аванса и теперь проветривались в палисаднике. Борис покончил с колбасой и принялся крушить хлеб. Котлеты, прихваченные в летнем павильоне, лежали вповалку с огурцами. Шпроты смирно покоились в масле, и тусклый блеск их побуждал Вениамина к необдуманным поступкам: сначала он рассыпал соль, а потом чуть не вывихнул палец, пытаясь поймать выскользнувшую из рук банку.
— Мечешься, как поросенок в мешке! — сказал Борис.
— О!— изумился Вениамин.— А ты-то кто!
— Сейчас узнаешь...
— Псих! — обиделся Вениамин, но, завладев бутылкой, приободрился.— Эх! Подружки наши горькие! Все как в сказке, даже некогда ребятам закурить,— разливая по стаканам, запричитал он.
Ступин, кое-как заштопав гимнастерку, присоединился к общему столу. Из окна, где жил флегматичный Алька, неожиданно грянул марш из «Фауста».
— За что будем пить! — спросил Борис.
— Давай за наших родителей,—предложил Вениамин.
— Принято единогласно.
— Тогда поехали!
Прикрывая веки, и, покорно содрогаясь, все трое осушили стаканы, а затем, блуждая вилками, усердно принялись за еду. Повеселевший Вениамин стал подробно описывать, как у него потемнело в глазах, когда он увидел торчащие из-под щитов ноги, но Борис перевел разговор на другую тему и, снова разлив по стаканам, заговорил о ставропольском крае, где жила его мать. Немного погодя разговор перекинулся на заочные вузы. Заскучавший Вениамин рассеянно взялся за «подружку» номер два, но был остановлен. Тогда он целиком погрузился в созерцание спиннинга, и, когда разговор за столом перекинулся с вузов на техникумы, бесповоротно решил отправиться на море. Из-под кровати был выдвинут ящичек. Его содержимое состояло из мелкой дроби, цветных поплавков, переметов с крючками, ниток и проволоки. Отдельно лежала большая, из чистой латуни блесна.
В комнату заглянула пожилая женщина и поманила Бориса пальцем. Когда он вышел, Вениамин, быстро надкусив леску, подмигнул Ступину:
— А ты умеешь нравиться девочкам.
— Никогда не учился.
— Хе-хе! Заливай. Татьяна сразу тебя засекла. Ты только действуй. Бери покруче. Я ведь видел, как она тебя разглядывала. Девка не промах. Своего не упустит.
— А ты-то откуда знаешь! — попытался выведать Ступин. Ему начинала надоедать та непонятная развязность, с которой Вениамин уламывал его сойтись с Татьяной.
— Хочешь, скажу! Пока нет Бориса. Ее сюда из Москвы направили. Короче, выслали, как тунеядку. Вместе с проститутками. Девятнадцать штук их было. Приехали перевоспитываться. Сам посуди, чего ей терять...
Дверь отворилась, и вошел Борис.
— Все еще копаешься! — спросил он.
— Сейчас уйду! — засуетился Вениамин и уже за спиной Бориса приложил палец к губам, давал понять, что говорить на эту тему ни с кем пока не следует.
После его ухода в комнату забрел Бова. Он подсел к Ступину, нежно притянул к себе и, ласково приговаривая «гуляем мужики, гуляем», долго не выпускал из медвежьих объятий. Борис распечатал бутылку, и ополоснув стакан, угостил богатыря. Бова кротко вздохнул, выпил, скрипнул зубами и, еще раз потрепав Ступина по плечу, вышел.
— Обход совершает,— сказал Борис.— Приглядывает гостей. Вечером опять своих соберет.
— Зачем!
— Поговорить о жизни.
Ступин задумался. Было досадно, что разговор с Вениамином так некстати прервался на самом интересном месте. Похрустев огурцом, он допил свой стакан и заставил себя снова обратиться к недавнему спору.
— Слушай, Борис! А если вам с Бовой организовать пару бригад и доказать этим гадам, как надо работать!
— Каким гадам!
— Ну тем, что в управлении сидят.
— А там не одни только гады. Есть и умные.
— Ты их знаешь!
— Конечно.
— Вот и действуйте вместе!
— Ты, как наши бодрячки из комитета. Давай им почин! Подписывай обязательства! Внедрили. Смотришь — Федот да не тот.
— Например!
— Ну хотя бы та же борьба за качество. Чего меня агитировать! Я ведь получаю деньги за хорошую работу.
В Америке об этом и заикаться не думают. Брак—переделай: расходы твои. Не можешь — уходи. Тебя учи-

ли строить, а не дурака валять. И за экономию там походов не устраивают. Отпускают, сколько полагается по документации. Вот так. А мы с тобой живем на перерасходах. Государство у нас богатое. Сразу все не выгребешь...

— Интересно, — понурился Ступин.

Борис, вздохнув, отвалился к стене.

— Такие махины, которые мы сейчас строим, одним энтузиазмом не возьмешь.

— А чем!

— Научным подходом.

— Кто это тебя так просветил!

— Неважно.

— Тайна, да!

— Ага! Она самая. Не выдам, хоть убей. — Борис грозно скрестил на груди руки, но, не выдержав, рассмеялся.

— Так ты несерьезно!

— Чудак ты, Павел. Давай-ка лучше наведем порядок, да сходим на танцы. Костюм есть. Ботинки достанем. Ну их к черту эти разговоры.

Ступину пришлось уступить. Натягивая носки, он снова вспомнил о Татьяне, и, поразмыслив, пришел к выводу, что заявляться к ней на взводе не следует. Не терпелось, правда, выяснить, с какой целью она его пригласила, но лучше это сделать позже или отложить до следующего раза, а пока «похронометрировать» с Машей. Оглядев себя в зеркало, Ступин остался доволен своей внешностью. Вениамин был прав: теперь он вполне мог надеяться на успех. Сильно возмужал, раздался в плечах. Немного суров, но, если уж на то пошло, мужчине и положено быть суровым.

— Не можешь наглядеться! — посочувствовал Борис. Он осторожно притерся к Ступину и стал зачесывать волосы.

— Три года в штатском не ходил, — признался тот.

— Ничего. Привыкнешь. Где ночь-то провел!

Ступин замялся. Борис хлопнул его по плечу и, сказав, что все понимает, сдернул с гвоздя галстук. По его виду можно было догадаться, что ему давно понятны такие вещи, но имел ли он в виду Татьяну, Ступин так и не уяснил.

К вечеру многих тянуло поразмять ноги на местных ассамблеях, и маленькая танцплощадка, затерянная в самом центре соснового парка, едва вмещала всех желающих. Ступин с любопытством разглядывал и небольшую арку с надписью «добро пожаловать», и силуэты танцующих, намалеванные на щитах, и огромный усилитель, прикрепленный прямо к стволу лиственницы. Возле кассы толпились парни. Иногда подходили девушки — в основном некрасивые, потому что для красивых брали билеты другие. Кто-то свистел. Пьяный человек в соломенной шляпе уговаривал всех разойтись по-хорошему. За небольшим, в форме сфероида эстрадным козырьком монтажники заводили крупный разговор с «продажными ребятами» из местной дружины.

Купив билеты, Ступин с Борисом протиснулись между контролером и очень серьезным старичком, который продавал лотерейные билеты в стеклянной, похожей на калейдоскоп, штуке. Народ прибывал. Становилось тесно. Куда-то исчез Борис, и Ступин долго вертел головой, пока вплотную не столкнулся с Машей.

— Весело! Правда! — спросила она.

— Еще как! — охотно поддержал он, и волна неизвестно откуда нахлынувшей нежности охватила его. Необычайно романтическими показались и вершины далеких сосен, и плечистые фигуры девушек, и сумерки, и улыбки, и Машины невинные глаза, и отчего-то захотелось с каким-нибудь хамом подраться, только культурно, без грубостей, не теряя достоинства, и уж, конечно, чтоб публика могла оценить...

— А почему от вас пахнет вином! — спросила Маша.

— Суббота, — мягко пояснил Ступин.

— А вы ее всегда так планируете!

— Ну, что вы! — испугался он. — Есть же и другие запросы.

— Какие! — испытующе спросила она.

Ступин на мгновенье задумался, мучительно вспоминая, какие запросы могли бы с лучшей стороны охарактеризовать его, как вполне сложившегося юношу, но Маша внезапно охнула и, незаметно увлекая Ступина к одной из скамеек, шепотом сообщила, что у нее сломался каблук.

— Так я и знала! — вздохнула она. — Не могут заделать эти щели.

— Может, еще можно поправить!

Маша грустно посмотрела на покосившийся каблук и вздохнула:

— Как же вы его поправите!

— Поищем камень и прибьем.

— С вами не пропадешь. Вы, наверное, и штопать без иглы умеете.

— А что же теперь делать!

— Идите приглашайте девушку и танцуйте.

— А вы!

— А я, как я. Удовлетворю свои запросы в следующий раз. — Вспомнив о Татьяне, Ступин без особого энтузиазма подумал о приглашении и, немного поколебавшись, решительно взглянул на Машу.

— Хотите, я вас провожу!

— А вы не очень пьяный!

— Ну вот еще! — обиделся Ступин.

Они пробились к выходу и медленно направились к дороге, где изредка шныряли фары автомобилей. Оставшаяся позади танцплощадка исходила шорохом и горячим дыханием. Издалека музыка уже сливалась в сплошной рев, и становилась тише и красивей. На потемневшем небе зажигались знакомые очертания созвездий. Ступин счастливыми глазами блуждал по стволам, искоса посматривал на Машу и, вспомнив вдруг о перекрытии, с неприязнью подумал о Власе.

Когда они проходили мимо заставленного лесами клуба, пахнущего известью и красками, Ступин в избытке чувств попытался взять Машу под локоть.

— Ой! — отстраняясь, сказала она. — Лучше без этого.

— А без этого нельзя, — игриво возразил он. Теперь ему захотелось взять не под локоть, а за талию, или привлечь Машу к себе, прикоснуться губами к шее и, обнявшись, идти, неизвестно, куда, бездумно прислушиваясь к хрусту шишек.

— Вам нравятся стихи! — жалобно спросила Маша. Она с беспокойством прислушивалась к счастливому сопенью Ступина.

— Смотря какие, — рассеянно ответил он, — если Пушкин или Есенин, то пожалуйста...

— А я не люблю поэзии.

— Это вы напрасно! — встрепенулся Ступин и с таким жаром принялся защищать поэтов, словно до этого дня он только ими и занимался.

— Я и Рембо читала и Верлена и даже о лесбийской школе мне папа рассказывал, и все равно никогда не холодела от восторга. Вот Твардовский мне немного нравится, — глубокомысленно стала перечислять Маша.

Пробормотав что-то нечленораздельное, Ступин умолк. О Рембо он слышал впервые и о Верлене тоже. Ватерлоо — другое дело, но речь шла не о славных событиях прошлого. Разговор явно угасал, а Ступину до зарезу нужно было найти предлог и заставить Машу хотя бы ненадолго присесть, чтобы сердце, которое стучало теперь до неприличия громко, могло познать ответную близость и немного успокоиться.

— Был еще такой поэт Бальмонт! — сообщил он наконец.

— Символист, — усмехнулась Маша и, внезапно остановившись, плаксиво сообщила, что в туфлях больше идти не может.

— Ну, тогда давайте я вас понесу! — с готовностью вызвался Ступин. Он сделал вид, что готов подхватить ее на руки, но Маша проворно юркнула за сосну.

— Если вы будете так себя вести, лучше возвращайтесь обратно.

— А вот буду! — ловя ее за руку, сюсюкнул Ступин. — А вот буду! — радостно и грозно заявил он. Ему удалось подтянуть Машу к себе, но в следующую минуту случилось такое, отчего Ступин внезапно протрезвел. — Вы это серьезно! — задыхающимся голосом спросила Маша, когда лицо ее оказалось совсем близко от него. Хрупкие плечи вздрагивали. Глаза казались неестественно большими, и в них что-то поблескивало. Пальцы Ступина разжались. Маша еще некоторое мгновенье стояла перед ним, затем повернулась и, прихрамывая, направилась к дороге. Что-то похожее на детский плач донеслось до него с тропинки, и это было очень серьезно. Движимый раскаянием, он прямо через кусты бросился туда, где легким одуванчиком парило белое платье, но был остановлен:

— Не ходите за мной! Лучше проспитесь сначала!

— Я же нечаянно! — угрюмо попытался объяснить Ступин и, чувствуя, как брезгливое чувство к себе все больше охватывает его, в изнеможении прислонился к дереву. Маша уже вышла к обочине дороги, сняла туфли и босиком направилась к поселку.

Ступин попытался внушить себе, что ничего особенного не произошло и принялся даже насвистывать «Турецкий марш», но потом спохватился и загоревал. Где-то мимо старепьких домишек и наспех сложенных поленниц брела смешная большеротая девчонка: обманутая, маленькая, страшно начитанная и до глубины души оскорбленная этим грязным негодяем, которому взбрело в голову обслюнявить ее прямо в кустах.

Ступин крякнул и, немного поразмыслив, пришел к выводу, что надо следить за собой в оба. Тут же дав себе слово изменить свой характер к лучшему, он облегченно вздохнул и не без грусти прислушался к музыке. Хотелось вернуться к танцующим парам. Неприятный осадок понемногу улетучивался, но отныне ему предстояло вести себя более сдержанно. «Его искали, но не нашли», — неизвестно по какому поводу подумал Ступин. Он, все больше проникался симпатией к своей будущей жизни, видел себя отвергающим стаканы с предлагаемой ему водкой, и подтянутый, спокойный, углубленно изучал чертежи. Размышляя таким образом, он незаметно выпутался из кустов, миновал парк и, уже подходя к общежитию, поймал себя на мысли о Татьяне. «Вы это серьезно!» тихо прошелестело у него за спиной. Он оглянулся. Никого не было. Только черный кот по прозвищу Империалист развратной походкой перебежал дорогу и молча углубился в пахнущий кошками сумрак.

В этот вечер Ступину так и не удалось приступить к очищению своей души. Попавшийся ему навстречу Бова стащил его с лестницы и, обнимая за плечи, повел к себе. У Кеши Спиридонова был день рождения. Бова уважал Кешу. Никто не имел права отказываться от компании и никому еще не взбрело в голову обидеть такого хорошего парня, как славный монтажник Кеша Спиридонов.

— Гуляй, мужики! — вталкивая Ступина в комнату, рявкнул Бова. Он коротко пояснил, что нашел еще одного «танкиста». Десяток раскрасневшихся физиономий разом уставились на Ступина. Безмолвие длилось недолго. Время ценили, а нераспечатанных бутылок было еще достаточно. Парни потеснились и, не производя дознания, предложили «танкисту» стакан водки. На столе горой лежали сардельки. Из консервных банок торчали ручки ножей и вилок.

— Штрафной! — провозгласил именинник.

Ослушаться Ступин не посмел. Когда он выпил, худощавый парень, сидевший на кровати, исполнил на гитаре песню «Куда ты дура, прячешь веник», после чего стаканы наполнились вновь, и все потянулись к сарделькам. Именинник расчувствовался. Он произнес речь о строителях, закричал, что нигде не встречал таких могучих ребят, как здесь, на великой славянской стройке, и решительно потребовал распахнуть шкаф, где стояло шампанское.

Бова, заслонивший две трети подоконника, снисходительно поглядывал на бывших «танкистов» и «десантников».

— Гуляем, мужики! Гуляем! — отечески похлопывая по чьей-нибудь спине, повторял он время от времени.

Парень с тонким восточным лицом, которого называли Магометом, закричал, что в шестом общежитии поселилась большая красивая девушка. Он, Магомет, видел одного генацвали, и тот добивался любви, но девушка «крэпко» пожала ему руку и разрешила жить дальше.

— Совэршенно бешиный темперамент, — горячился свидетель.

— Надо проверить, — взволнованно проговорил Бова и о чем-то пошептался с гитаристом.

— Магомет! — спросил гитарист. — А кто этот джигит!

— Зачем ты об этом спрашиваешь! Неужели не видишь, какой я усталый...

От дружного хохота зароптали на столе бутылки. Ступину опять стало необыкновенно хорошо. Только разговоры о женщинах казались ему неуместными. Хотелось затронуть большую тему; но на него никто не обращал внимания. Магомета подробно расспрашивали о большой и красивой девушке, а гитарист пощипывал струны. Терпение Ступина лопнуло. Придвинувшись к имениннику, он горячо заговорил о работе. По его мнению давно уже настала пора ликвидировать на стройке рутину и косность. Кеша кивал головой и разминал над камбалой папиросу. Горькие упреки Ступина повергли его в унынье. Упреков было много и к ним стали прислушиваться.

— Бороться надо, — голосом старого подпольщика огласил Ступин. Он видел, что интерес к нему возрастает.

— А у тебя какой разряд! — спросил гитарист. Он прислонил гитару к стене и поправил на висках волосы. Сердцем почуяв провокатора, Ступин вскипел. Он стукнул кулаком по столу, шатаясь, поднялся со скамьи и истерично заговорил о сволочах и вредителях. В их число попали и желтолицый инспектор, и начальник участка Жуков, и Влас Пупков, и разные прихлебатели из ОТЗ, и даже сам начальник строительства. Кеша Спиридонов на правах именинника потребовал выпить за далеких земляков, но кто-то попросил Ступина объяснить, почему Жукова он считает сволочью. Путаясь в словах и чувствуя, что настал решающий момент, Ступин приступил к рассказу о гвоздях, однако его перебил белоголовый монтажник:

— А мы, выходит, все обманутые. Гадов развели под носом.

— Бороться надо! — напомнил Ступин, но тут вмешался Магомет.

— Некогда бороться! Работы много! — пожаловался он.

—Плохие мы! Да! — тоскливо обводя глазами общество, не унимался монтажник. Гитарист неожиданно бросился к Ступину и вцепился в рукав.

— Он же Христос! Жизнь пришел нам наладить!

— В окно его! — рявкнул вдруг парень с бледным, будто высеченным из камня лицом, и не успевший опомниться Ступин в мгновение ока оказался поднятым в воздух. Его не раскачивали. Бова посторонился, дружелюбно подмигнул глазом — и тело Ступина, описав плавную дугу, рухнуло в кусты смородины.

Пустая бутылка вылетела следом за ним и мелодично звякнула о штакетник. Именины продолжались.

Подложив руки под голову, Ступин уставился на звезды и впал в прострацию. В соседних окнах мелькали чьи-то головы, парни, запустившие его в космос, нестройно, но решительно грянули песню Пахмутовой о молодых ребятах с ЛПК, а переливчато-хрустальный ковш Большой Медведицы чисто и внятно сиял над тайгой. Там, среди светил и всяческих корпускул свирепствовали огненные смерчи, неведомые силы разъединяли галактики, и Ступину чудилось, что и сам он тоже ввергнут в этот чудовищный водоворот, однако запах смородины неумолимо возвращал его к действительности. Стараясь сохранить последовательность, он пытался восстановить в памяти все эти дни и с горечью убеждался, что поступили с ним незаслуженно грубо, хотя и без рукоприкладства. «Бороться надо», — пытаясь удержать в поле зрения танцующие звезды, расслабленно подумал Ступин, и неожиданно на память ему пришли стихи, заученные им когда-то наизусть:

Заметил недостатки — про себя не тай.
Недостатки товарища — недостатки твои...

В общем-то он так и поступал. Недаром одна девушка еще в девятом классе, когда он нравоучительно заметил ей, что она стала держаться на вечерах как светская дама и смеяться почему-то в нос, сравнила его с индюком и заметила, что если ему и дальше вздумается подмечать ее несовершенства, им лучше не встречаться. «А ведь все начинается с малого», — ревниво подумал Ступин, и щемящая жалость к себе стеснила его грудь. Его, такого честного и неподкупного, выбросили из окна. Лениво и плавно звезды снижались над головой.

— О-хо-хо-хо-хо! Уснуть бы! — долгий утробный зевок, сопровождаемый различными движениями губ и языка, поколебал установившуюся, было, тишину.

Наполовину высунувшись из окна, Бова пытался разглядеть Ступина.

— Ну, как ты там! Эй! Прости, брат, гуляем. Колбасы хочешь! А!

— Подушку бы, — не разобравшись, промычал Ступин.

— Казак! — умилился Бова. — Родная кровь. Слышь, почечуйник. Хошь, грю, жрать!

— Хочет, — подтвердил Гоша.

Дальнейшее Ступин помнил неважно. ...Сначала он мстительно и долго разъяснял окружившим его парням, что никакой он не танкист; его просто с кем-нибудь спутали. И во-вторых, он желает сродниться с природой.

Парни, переговариваясь, ныряли под кусты, разбредались; потрескивал штакетник; неясные фигуры притыкались к соснам; и облегченные вздохи заглушались нетвердой поступью ног.

Бестолково толкаясь, они долго водружали его на себя, распределяли ноги и руки, бодались, икали и цыкали на окурки. Ступин не сопротивлялся. Тело его вольно распласталось на живом катафалке из плеч и, когда процессия двинулась вокруг общежития, он разрешил себе умереть. Кто-то по-дурному всхлипнул у него под лопаткой. Именинник трясся от смеха. Гитарист, перебирая струны, гнусаво запел о молодом краснофлотце с разбитой в бою головой и скороговоркой предупредил, что впереди штакетник. «Не уронили бы, сволочи» — уныло подумал Ступин. Однако парни, чутко перебирая ногами, миновали препятствие, и, пошатываясь, обогнули угол. Скорбные звуки траурной песни огласили дорогу.

— Батьку хороним! — вспомнив последние кадры из «Щорса», потерянным голосом молвил Бова и приказал поворачивать к подъезду. Прислонив Ступина к перилам, парни передохнули.

— А он смирный, — зевая, проговорил белоголовый монтажник.

— Только тяжелый, — заметил другой.

— Революционер! — одобрил Бова. — Из непьющих. Сознательно принес себя в жертву...

— Говорили же, не прыгай, там холодно! — перебил его гитарист.

— У нас не второй этаж! — почему-то обиделся Магомет... — Пускай прыгает! Зачем запрещать!

— А кто с тобой спорит! — удивился Бова.

В руках у именинника появились папиросы.

— Закуривай! — толкнул он Ступина локтем.

Превозмогая обморок, Ступин отвел его руку в сторону, поднялся, и, пытаясь сохранить равновесие, побрел к лестнице. Он долго поднимался наверх. Комната оказалась незапертой. Ничего не замечая вокруг, он сделал несколько шагов от порога и замертво рухнул в кровать.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Ступин проснулся в девятом часу. Где-то внизу хлопали двери. В коридоре смеялись. По радио передавали отрывок из «Хаджи Мурата». Ступин вспомнил вчерашний вечер: снова увидел наваленные грудой сардельки, обставленные стаканами, — и ему стало не по себе. Все, что случилось ночью, казалось нелепым и муторным; хотелось жевать белье, кататься и бить себя в грудь кулаками. Не открывая глаз, он представил себе завтрашний день на участке, парней, роняющих от смеха разноски, и Власа Пункова, презрительно сплевывающего ему под ноги. Уж теперь-то найдется, о чем побеседовать. Ребятишки попадают в фильтры, слушая о том, как прошли именины у Кеши Спиридонова. «Уеду! — подумал Ступин, — пускай тут живут, как знают». Он — не дядя Вася, над которым когда-то потешалась вся окраина. Царство ему небесное, старому человеку. Пропойцей был дядя Вася и, напиваясь, обязательно брался за метлу. Пьяный и величественный, выходил он на улицу и принимался ругать всех подряд.

— Снимай белье! — орал он, размахивая метлой, и неумолимый, как смерчь, в клубах пыли двигался вдоль домов, пинками тяжелых ботинок загоняя в подворотни опавшие яблоки. Его уговаривали, жаловались в жилищно-коммунальный отдел, но дядя Вася (в прошлом санитар) любил свое дело. Только очнувшись на следующее утро, он горько раскаивался в своих поступках и, вымаливая прощение у соседей, недоумевал, чего это его так тянет к метле, когда он выпьет с кумом по маленькой.

Стиснув челюсти, Ступин резко сорвал с себя одеяло. Борис сидел за столом и задумчиво разглядывал в зеркало свое лицо. На его подбородке висела хлопьями мыльная пена. В правой руке поблескивало лезвие бритвы. Вениамин спал, добродетельно обвив руками подушку. В углу за кроватью стоял спининг, а на гвозде висела пятнистая щука.

Отыскивая штаны, Ступин внезапно вспомнил, что за-

валился в постель по форме номер один, то есть не снимая даже ботинок. «Помаялись ребята», — автоматически отметил он и поискал глазами белую рубашку. Ее не было.

— Бриться будешь? — спросил Борис.

— Не до этого, — сказал Ступин.

— Тяжело?

— Хуже некуда.

— Это бывает. Иной раз и жить не хочется. Думаешь, умереть бы лет на восемь, да здоровье не позволяет. Опохмелишься, может?

— Не танкер, — отозвался Ступин. — Хватит вчерашнего.— Из-под покрывала показалась опутанная волосами голова Вениамина.

— Привет! —зевая, сказал он. — Видел во сне батю. Врезал он мне по шее, а за что, не сказал...

— Кончать надо! — каркнул Ступин.

— Правильно, — похвалил Вениамин. — Медведь тоже зарекался не реветь на баб. И козел с горя умер в капусте: всю съел, а доиться не научился.

— Смеетесь? — обиделся Ступин, и, подтянув к себе стоптанный сапог, вяло помыкнул его ногой.

Вениамин ухмыльнулся, поднялся на четвереньки и, закатив глаза, театрально вытянул руку.

— Смей-ся! Па-яц! над разбитой! лю! бовь! ю! — заорал он и, рухнув на подушку, потряс комнату опереточным хохотом.

— У! Дурак необразованный! — сказал Борис. — Одевайся. Будем щуку жарить... А ты не обращай внимания, — обратился он к Ступину. — Сейчас поедим и махнем на море. Утопим этого урода, пусть сторожит своих окуней. Им давно там штатной единицы не хватает....

— Пожитки надо складывать,— брякнув сапогом о половицу, решительно прервал его Ступин.

Лицо Бориса стало задумчивым.

— Мда, — вздохнул он. — Не везет нам с тобой, Венюша. Бегут от нас романтики...

— Когда провожать-то будем? — спросил Вениамин и, как бы между прочим, сообщил, что лично ему однажды умудрились вызолотить уши, а что касается Бовы, то в прошлом году его пришлось чуть ли не краном вылавливать из отхожего места, куда его с перепугу загнал охранник, для порядка выстреливший поверх головы.

Ступин ничего не ответил. Умывшись, он облачился в свою гимнастерку и отправился бродить по городу.

День обещал быть жарким. В редком сухостое постукивали дятлы, а под соснами осыпались заросли иван-чая, покрываясь легким, привязчивым пухом.

Какой-то мужик, навалясь животом на подоконник, неотступно, чуть ли не с вызовом наблюдал за приближением Ступина. В руках он держал половник и, отхлебывая, смотрел на дорогу. Когда Ступин почти поравнялся с окном, любопытный мужик поперхнулся.

— Слышь-ка, парень, — сдавленно просипел он. — Там солененьких огурчиков не продают? Нет. Ну ладно. Успеется.

У контейнеров с отбросами Ступин увидел стаю воробьев. «Если четное число — уеду!» — задумал он и принялся считать прыгающие комочки. Но воробьи оказались смышлеными. Почуяв недоброе, они разом загалдели и кинулись наутек. Тогда Ступин решил отыграться на заборе, похожем на выбитую челюсть. Торчащих дощечек оказалось ровно двенадцать, но была и тринадцатая, которая едва держалась на нижнем гвоздике и лежала боком на камне. Так и не решив, считать ли ее за тринадцатую, Ступин махнул рукой и пошел дальше. Глаза его слегка ломило от света. Когда это прошло, он заметил, что встречные глядят на него с какой-то особой прохладцей, а иногда и с иронией. Даже молодой автоинспектор, лихо вскочивший в коляску мотоцикла возле отделения милиции, глянул в его сторону значительно, словно упрекая за плохое поведение.

На всякий случай одернув гимнастерку, Ступин свернул за угол и часа два бесцельно бродил среди серых домов старого микрорайона. Потом он заглянул в парк, где расстался вечером с Машей, вернулся назад, в палаточном павильоне выпил кофе и, съев четыре котлеты, обрел настроение.

У небольшого ларька громила, чем-то похожий на Бову, опохмелялся квасом. По тому, как он приглядывался к прохожим и косился на магазин, нетрудно было догадаться, что ему хотелось сброситься «по рваному», но стоящих мужиков пока не подвертывалось. Мимо проходили семейные люди, молодожены и непьющие физкультурники, которые направлялись к морю, чтобы отдохнуть и поразмяться. «Тоже, видать, выпил», — подумал Ступин, но в это время из магазина вышла нарядная женщина с двумя посасывающими конфеты близнецами, и «громила», торопливо подхватив их на руки, улыбаясь направился к лесу. Ступин проводил его взглядом и закурил. С психологией явно не клеилось. Глядя себе под ноги, он потащился к автостанции и, проходя мимо ларька, где торговали газетами, внезапно столкнулся с Татьяной. Поворачивать было поздно. Безмятежно усмехаясь, Татьяна стояла под навесом. В сладком отуплении он окинул взглядом легкое платье с широким вырезом на груди и, не зная, как вести себя дальше, спросил, куда это ее понесло.

— Женихов пошла ловить,— застыдилась Татьяна.

— Ну-ну, — промычал Ступин. — Погода хорошая.

Он боялся, что она спросит его, почему он не пришел к ней вчера, но судя по всему, ей не очень-то хотелось беседовать на эту тему, из чего Ступин тут же сделал вывод, что Татьяна без него не скучала.

— Может прогуляемся? — предложил он.

— Идем, — легко согласилась она.

Они пересекли дорогу и сразу оказались в лесу. Случайно коснувшись ее плеча, Ступин снова, как тогда на квартире, почувствовал, что у него закатилось сердце, и, чтобы не повторить грустной истории с Машей, он с яростью перемахнул через поваленное дерево и подождал, пока Татьяна его не нагонит.

— Я думала, ты мне руку подашь,— сказала она.

— Предупреждать надо, — вразумил он ее.

Татьяна передернула плечами и ушла далеко вперед. «С вами только свяжись», — пиная сучья, загоревал Ступин и кулаком погрозил бурундуку.

— Ух! Ты! Давно не ловили.

Бурундук юркнул в дупло и, высунув наружу свою мордочку, умными глазами посмотрел на человека.

— Хочешь, я тебе одну падь покажу! — не оборачиваясь, предложила Татьяна.

— Далеко? — унимая расходившуюся грудь, спросил он.

— Не очень.

— А что там растет?

— Блины.

— А еще что?

— Пельмени.

Ступин вырвал с корнем какой-то диковинный цветок и обломил комель.

— Напился я вчера, —честно признался он.

— Вкусно было?

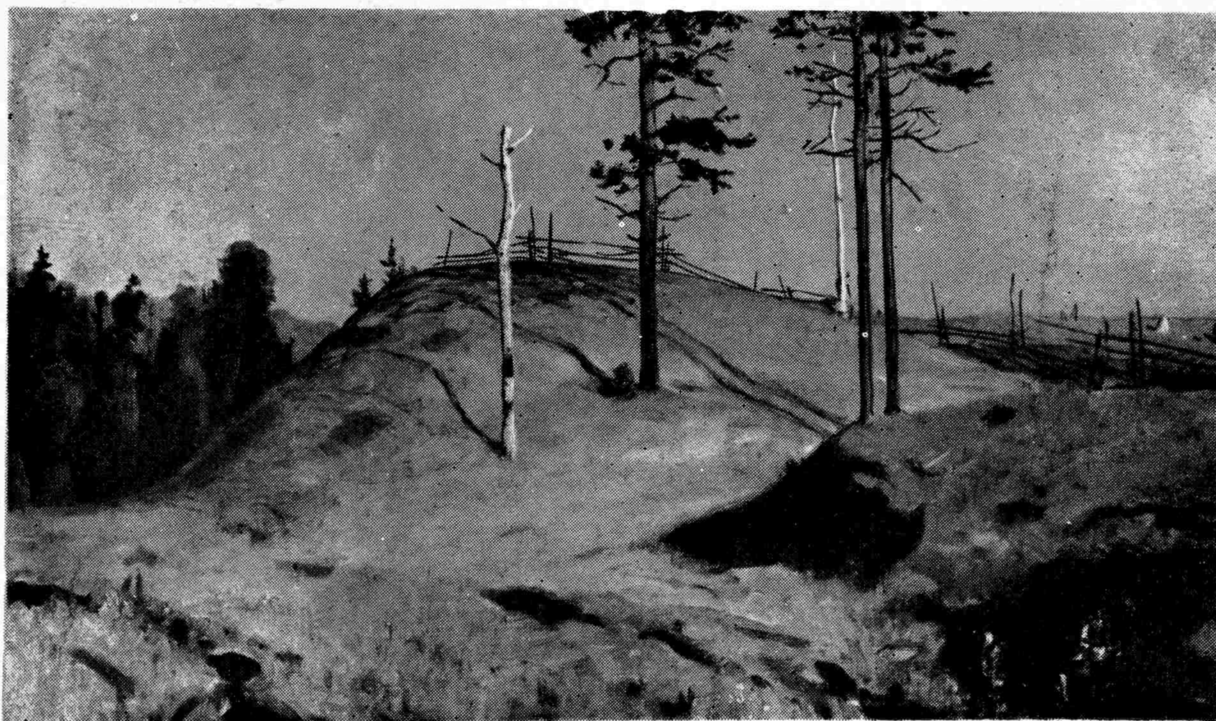
— Ага!

Татьяна помолчала. Пятнистая бабочка опустилась возле муравейника, но тут же вспорхнула вновь. На небольшой поляне виднелась старая поленница дров, а еще дальше чернело заброшенное зимовье. Мхи, похожие на бороды, свисали с растрескавшихся кромок дранья.

В. А. Серов. Портрет Вари Ланиной. 1895 г.

С. Ф. Щедрин. Малая гавань в Сорренто. Вид через грот. 1826 г.

В. Д. Поленов. Пейзаж с холмом. 1898 г.

К. П. Брюллов. Вирсавия. (Эскиз-этюд к одноименной картине). 1832 г.

И. И. Левитан. Серый день. Проселочная дорога. 1895 г.

И. И. Левитан. Березовая роща. Ранняя зелень. 1898 г.

А. Г. Венецианов. Гадание на картах. 1840-е годы.

Ф. А. Васильев. Приближение грозы. 1871 г.

И. И. Шишкин. После бури. Мери-Хови. 1890 г.

П. А. Федотов. Портрет мальчика.

Джошуа Рейнольдс. Девочка с собачкой. («Робинетта»). Около 1786 г.

Давид Тенирс младший. Игра в шары.

— Побывать бы здесь зимой,—размечтался Ступин.
— Здесь и летом неплохо, — заметила Татьяна.
— Конечно, — согласился Ступин, и немного подумав, спросил:
— Ты на лыжах-то ходишь?
— А ты хочешь меня пригласить?
— Если можно, — серьезно заметил Ступин.
— Только не в субботу, — усмехнулась Татьяна.
— Почему?
— Ты же будешь занят.
Татьяна прикусила веточку и отвернулась.
— Я не собираюсь закладывать каждую неделю, — догадавшись, в чем дело, смирно пояснил он.
— Кто же говорит, что ты собираешься? — с наигранным удивлением спросила она.
— Ты!
— Я?
— Ты!
— Прости, пожалуйста, сорвалось с языка. Хочешь, найду для тебя рыжик?
«Ищи хоть для семи мужиков», — задетый за живое, подумал он, но тут же устыдился этой мысли. Грустные и чистые глаза Татьяны смотрели на него из-под шляпы. Если до этого он был уверен, что Татьяна имеет на него не очень опасные виды, то теперь заподозрил другое. С первым все было ясно: он ходит к ней в гости и однажды они расстаются, но это «другое» не походило на первое. Оно было связано с нечто серьезным, а поскольку имелись основания подозревать Татьяну в кое-каких излишествах, она не имела права смотреть на него такими глазами. Маша — другое дело. Но она была большеротой и угловатой девчонкой. От нее еще пахло булочками. Ступин запутался. Утром ему хотелось уехать, еще раньше — настроить коллектив на серьезный лад, теперь он ломал голову над тем, была ли Татьяна замужем и если нет, почему ей дали квартиру. Обалдело тыкаясь в кусты, Ступин крался за Татьяной, жевал какой-то лепесток, и мысли его походили на бакалейный отдел, где разом продавались все товары, начиная с лапши и кончая цейлонским чаем.
Рыжик они нашли. Правда, его тут же пришлось выбросить, потому что в нем успели поселиться черви, но Татьяна уверяла, что после дождя грибов еще будет много и, конечно, повылазят рыжики.
Вскоре они вышли к пади и стали спускаться по высохшему руслу реки вниз. Место, действительно, было красивое. Влажное дно покрывала густая трава. Растения, напоминающие папоротник, окружали небольшой ельник. Кое-где виднелись каменные россыпи, и узловатые корни деревьев походили на мохнатые чудовища. Когда-то здесь бродили длинношерстные носороги и трубили мамонты, но Ступин об этом не знал и только с удивлением разглядывал большие валуны, успевшие покрыться зеленой слизью.
— Нравится? — спросила Татьяна.
— Ничего, — рассудил Ступин.
Укоризненно взглянув на него, Татьяна пошла дальше. На их пути все чаще стали попадаться березы. Падь становилась шире, и вскоре показалось море. Под двумя почти сросшимися соснами, которые примыкали к поляне осыпающихся ромашек, они остановились.
— Посидим? — предложила Татьяна, и не дожидаясь согласия, присела возле сосны. Ступин с удовольствием растянулся рядом. Скосив глаза, он увидел ее профиль, и вспомнил один из пушкинских рисунков, который ему так хотелось запечатлеть в свое время на обложке книги, но выяснилось, что это ему не под силу. Вероятно, профиль княгини Воронцовой можно было сделать только гусиным пером, а не старой авторучкой. Ступин еще раз посмотрел на Татьяну и, ему стало жаль, что он не побывал у нее в гостях. Возможно, и не пришлось бы возвращаться в общежитие. Ступин представил себе вечер с Татьяной и снова принялся размышлять, почему она ни с кем не живет. Вариантов было много. Могло обернуться и так, что она до сих пор состоит с кем-нибудь в браке, но тогда чем объяснить их недавний разговор с Вениамином? Изнемогая от умственных потуг, Ступин украдкой поглядывал на розовеющие из-под платья колени и расстраивался.
— Ты не боишься со мной гулять? — не выдержал он наконец.
— А почему я должна бояться?
— Ну, как почему? Тебе же неизвестно, кто я такой?
— Ребенок ты еще, — усмехнулась она.
Ему хотелось спросить, как она очутилась у книжного ларька, но после такого ответа пропало всякое желание выяснять этот вопрос.
— Знаешь что? Расскажи что-нибудь веселое, — тихо попросила Татьяна.
— Про любовь? — деловито спросил он и придвинулся к ней.
— Много ты в ней понимаешь?..
— А чего в ней понимать? Это же не геометрия, — Ступин подтянулся совсем близко к Татьяне, но она от него отодвинулась. Раздосадованный, он тяжело вздохнул и уставился на парусную яхту, скользящую вдоль берега.
— Отстроить бы здесь санаторий, — помолчав, сказала Татьяна.
— Собак завести, — подсказал Ступин.
— Зачем?
— А пускай лают. У нас под Киевом ужас их сколько. Ночью уснуть не дадут. Чуть где груша оборвется с ветки — и начинается концерт...
— Так ты из Киева?
— Ага.
— Красиво, говорят, в нем.
— Ничего городишко, — похвалил Ступин и, незаметно оживляясь, принялся описывать Киево-Печерскую лавру, пещеры с останками святых отцов, рассказывал о Крещатике и о Бабьем яре. Татьяна слушала не перебивая. Ступин увлекся. Пришлось рассказать и о допризывном периоде, когда ему стукнуло семнадцать лет, и о том, как его провожали в армию и даже о старшине Малютине — старом вояке, не знающем жалости к молодому составу.
— А почему ты не заехал домой? — спросила Татьяна.
— Определяться поехал. Знаешь, сколько такие дружки, как я, съедают за три года хлеба. Отрабатывать надо.
Совестливо вздохнув, Ступин оперся на локоть и свободной рукой обнял Татьяну за талию. На этот раз она не отстранилась. Осмелев, он положил ей на колено голову. Стало неудобно. Пришлось перевернуться на спину и незаметно выкатить из-под себя валежину. Глядя в небо, он снова подумал, о том, что завтра на участке станут известны подробности ночных событий и до Татьяны тоже дойдут слухи о знакомом ей человеке, которого «катапультировали» из окна. «Не могли уж полегче», — подосадовал Ступин. Тени заметно передвинулись. Теперь его сапоги освещало солнце, и голенища тускло посвечивали среди примятой травы.
— Ты еще не устал? — спросила Татьяна.
— Нет,— откликнулся он и принялся разглядывать плывущее над ним облако. Когда его заслонили ветви, стало казаться, что сосна медленно валится в сторону.
— Почему ты живешь одна? — проследив за облаком, спросил он.
— С кем же я должна жить? — полюбопытствовала она.
— Мало ли, с кем можно... Такие, как ты, всегда нарасхват.

— Да!

— И говорить тут нечего.

Татьянины колени напряглись. Голова его съехала набок, и, еще не понимая, что случилось, он услышал ее резкий, насмешливо-грубый голос:

— А ну! Вытряхивайся!

Она оттолкнула его от себя, вскочила на ноги и стала расправлять платье.

— Ну, чего ты! — переворачиваясь на грудь, угрюмо спросил он.

— Ничего! Много думаешь, да мало кому веришь.

Она передернула плечами и, не оглядываясь, пошла прочь.

Ступин ошеломленно разглядывал муравья, плутавшего среди исполинских травинок. На том месте, где только что сидела Татьяна, медленно расправлялись прямые стебли. Они напрягались, резко вздрагивали и беспомощно-полусогнутые упорно пытались восстановить прежнее положение. Когда Татьяна скрылась из глаз, он поднялся, привычным движением смел к пояснице складки гимнастерки и крупным шагом направился в город.

Инвалид с пристегнутым к бедру протезом сразу же узнал Ступина. Под навесом тира переминались парни и жались к барьеру мальчишки, завистливо взирающие на ружья. В глубине виднелись знакомые силуэты раскрашенных мишеней: утка флегматично выглядывала из жестяной осоки, лилипут-штангист томился в неудобной позе чемпиона, готового сделать очередной рывок, а солнце скучало за горизонтом, ожидая удачного выстрела.

— Будете стрелять? — вежливо спросил инвалид.

Ступин кивнул головой. Получив десять свинцовых картечин, он зарядил ружье и, выставив локоть, прицелился. Парни с добродушным недоверием следили за его приготовлениями. Они уже успели отстреляться и единодушно пришли к мнению, что ружья никуда не годятся.

Ступин плавно спустил курок. Потревоженная кукушка бойко юркнула в терем, затем взошло солнце, но после третьего выстрела ни одна мишень не шелохнулась. Инвалид кротко успехнулся:

— Наверное, выпили?

— Немного, — сознался Ступин.

— Обычная история. Из пистолета лучше и не пробовать. А на работу уже оформились?

— Со вторника.

— Тогда все в порядке. Валяйте дальше.

Ступин уперся коленом в перегородку и затаил дыханье. Туловище лося едва подрагивало в прицеле.

— Смотри! — сказал один из парней. — Танька Осипова идет. — Он плечом подтолкнул другого и тяжелым кулаком уперся в бедро. Отводя колено, поиграл носком полуботинка.

— Давно я ее не видел, — ухмыльнулся второй и, щурясь, глубоко затянулся сигаретой. Ружье в руках Ступина дрогнуло. Он повернул голову и замер. Через дорогу с охапкой цветов брела Татьяна. По всему было видно, что она не торопилась: шла, покачиваясь, чуть задумчиво.

— Помнишь, как ее Генрих уделал. Еле потом выкрутился. Мы с ним вдвоем ее уламывали, — заговорил снова первый парень.

— Девчонка была.

— Ага. Он-то не знал. Думал, так обойдется. Пришлось зарегистрироваться.

— Легко отделался.

Выстрел щелкнул насмешливо-сухо. Брови инвалида вскинулись. Он с изумлением глядел в пустой угол, где ровным счетом ничего не было, если не считать свежей пробоины.

— Я же говорил, что ружья не пристреляны, — все еще подпирая кулаком свой торс, ободрился первый парень.

Ступин молча положил ружье, достал полтинник и сунул в шкатулку.

Татьяна скрылась. Хотелось броситься за ней, объясниться, покаяться, стиснуть ей руки. Потом найти этого Генриха, проломить Вениамину череп. А тем, что в отделе кадров! Теперь-то он знает, о ком говорили. Осипова. Девочка. Марго в шароварах...

Ступин прошел автостанцию, не заметил, как свернул в тайгу и очнулся только у поваленного дерева.

Его уже не мучили вчерашние переживания. Они уменьшились, как зрачки Татьяны, когда она сидела лицом к свету и угощала яблоками. А он думал о ней бестолково и грязно. И другие считают ее чуть ли не шлюхой. Он почти застонал, представив, как она живет среди липких взглядов, шлепков, намеков, сплетен, которые распускают о ней все, кому не лень. И никуда не уезжает и ничего не боится.

А его испугал завтрашний день.

— Слюнтяй! — сказал он почти с наслаждением и еще трижды повторил это слово, и только потом огляделся. Место было незнакомое. «Ничего. Обживемся, — подумал он, — а там еще будет видно»...

1965 — 1967 гг.

Юрий ЛЕВИТАНСКИЙ

ИЗ КНИГИ «КИНЕМАТОГРАФ»

ВСТУПЛЕНИЕ В КНИГУ

Это город. Еще рано. Полусумрак, полусвет.
А потом на крышах солнце, а на стенах еще нет.
А потом в стене внезапно загорается окно.
Возникает звук рояля. Начинается кино.

И очнулся, и качнулся, завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога, что ты делаешь со мной!
Этот луч, прямой и резкий, эта света полоса
заставляет меня плакать и смеяться два часа,
быть участником событий, пить, любить, идти на дно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Кем написан был сценарий! Что за странный фантазер,
этот равно гениальный и безумный режиссер!
Как свободно он монтирует различные куски
ликованья и отчаянья, веселья и тоски!
Он актеру не прощает плохо сыгранную роль,
будь то комик или трагик, будь то шут или король.
О, как трудно, как прекрасно действующим быть лицом
в этой драме, где всего-то меж началом и концом
два часа, а то и меньше, лишь мгновение одно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Я не сразу замечаю, как проигрываешь ты
от нехватки ярких красок, от невольной немоты.
Ты кричишь еще беззвучно. Ты берешь меня сперва
выразительностью жестов, заменяющих слова.
И спешат твои актеры, и бегут они, бегут —
по щекам их белым-белым слезы черные текут.
Я слезам их черным верю, плачу с ними заодно...
Жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!
Ты накапливаешь опыт и в теченье этих лет,
хоть и медленно, а все же обретаешь звук и цвет.
Звук твой резок в эти годы, слишком грубы голоса.
Слишком красные восходы. Слишком синие глаза.
Слишком черное от крови на руке твоей пятно...
Жизнь моя, начальный возраст, детство нашего кино!
А потом придут оттенки, а потом полутона —
то уменье, та свобода, что лишь зрелости дана.
А потом и эта зрелость тоже станет в некий час
детством, первыми шагами тех, что будут после нас
жить, участвовать в событьях, пить, любить, идти на дно...
Жизнь моя, мое цветное, панорамное кино!
Я люблю твой свет и сумрак — старый зритель, я готов
занимать любое место в тесноте твоих рядов.
Но в великой этой драме я со всеми наравне
тоже, в сущности, играю роль, доставшуюся мне.
Даже если где-то с краю перед камерой стою,
даже тем, что не играю, я играю роль свою.
И участвуя в сюжете, я смотрю со стороны,
как текут мои мгновенья, мои годы, мои сны,
как сплетается с другими эта тоненькая нить,
где уже мне, к сожалению, ничего не изменить,
потому что в этой драме, будь ты шут или король,
дважды роли не играют, только раз играют роль.
И над собственною ролью плачу я и хохочу.
То, что вижу, с тем, что видел, я в одно сложить хочу.
То, что видел, с тем, что знаю, помоги связать в одно,
жизнь моя, кинематограф, черно-белое кино!

Начало сценария

Вот начало фильма.
Дождь идет.
Человек по улице идет.
На руке — прозрачный дождевик.
Только он его не надевает.
Словно дождь его не задевает.
Он идет сквозь дождь не торопясь,
А навстречу женщина идет.
Никогда не видели друг друга.
Вот его глаза.
Ее глаза.
Вот они увидели друг друга.
Быстрая внезапная гроза.
Дождь стучит,
но мы не слышим звука.
Лишь во весь экран — одни глаза,
два бездонных,
два бессонных круга,
как живая карта полушарий
этой неустроенной планеты,
и сквозь них,
сквозь дождь,
неторопливо,
человек по улице идет,
и навстречу женщина идет,
и они увидели друг друга.

Сон об уходящем поезде

Один и тот же сон
мне повторяться стал.
Мне снится, будто я
от поезда отстал.
Один, в пути, зимой,
на станцию ушел,
а скорый поезд мой
пошел, пошел, пошел.
И я хочу бежать
за ним и не могу,
и чувствую сквозь сон
что все-таки бегу,
и в замкнутом кругу
сплетающихся трасс
вращение земли
перемещает нас —
вращение полей,
вращение вдали
берез и тополей,
столбов и проводов,
разъездов и мостов,
попутных поездов
и встречных поездов.
Но в том еще беда,
и, видно, неспроста,
что не годятся мне
другие поезда.
Мне нужен только тот,
что мною был обжит.
Там мой настольный свет
от скорости дрожит.

Там речь гудит, как печь,
а рубят — так сплеча.
Там речь гудит, как печь,
красна и горяча.
Мне нужен только он,
азарт его и пыл.
Я знаю тот вагон.
Я номер не забыл.
Он снегом занесен.
Он в угле и в дыму.
И я приговорен
пожизненно к нему.
Мне нужен этот снег.
Мне сладок этот дым,
встающий высоко
над всем пережитым.
И я хочу за ним
бежать и не могу,
и все-таки сквозь сон
мучительно бегу,
и в замкнутом кругу
сплетающихся трасс
вращение земли,
перемещает нас.

Сон о дороге

И еще такой я видел сон...
Люди,
их несметное количество,
все, кто жил на свете до меня —
двести поколений человечества —
грозное молчание храня,
по дороге
шли
мимо меня.
люди эти, малы и велики,
выходя из тьмы своих веков,
на себе несли своих богов
темные таинственные лики,
свои стяги и свои вериги,
груз венков своих, своих оков,
книги своих пастырей и книги
вольнодумцев и еретиков,
мудрые орудия познанья
и для целей всяческих других,
чаши для куренья фимиама —
словом, все,
с чем шла когда-то драма
их страстей
и верований их.
Как ее разрозненные звенья,
времена смешав и поколенья,
шли передо мною Брут и Цезарь
и Марат с Шарлотою Кордэ,
армии афинян и троянцев,
якобинцев и преторианцев,
Азия бок о бок и Европа,
вперемешку Рим и Карфаген...
И почтенный киник из Синопа,
седовласый старец Диоген,
выступив на миг из полумрака,
поднял свой фонарик над собою
и сказал мне строго:
— Для чего!
И подобно греческому хору,
тысячи людей одновременно
выдохнули разом:
— Для чего!
Кто-то рявкнул басом:
— Ты ответишь!
И шепнули рядом:
— Ты все скажешь!
— Ты нам головой своей ответишь,
если ты не скажешь —
для чего!..
Я хотел ответить, я пытался,
я кричал, но звук терялся где-то,
как всегда во сне бывает это,
вымолвить не мог я ничего.
А меж тем, поток уже кончался,
край его вдали обозначался,
и венчая шествие, качался
одинокий факел позади,
И тогда над темною дорогой,
где шаги едва уже звучали,
преисполнен гнева и печали,
трубный глас раздался:
— Проходи!
И тогда пошел я вслед за ними,
как в конце военного парада
с площади уходят музыканты,
завершая шествие его.
А потом дорога опустела
лишь трава тревожно шелестела
и звезда полночная блестела,
грустно вопрошая:
— Для чего!

Как показать осень

(Заметки на полях)

Еще не осень — так, едва-едва.
Ни опыта еще, ни мастерства
Она еще разучивает гаммы.
Не вставлены еще вторые рамы,
и тополя бульвара за окном
еще монументальны, как скульптура.
Еще упруга их мускулатура,
но день-другой, и все пойдет на спад.
Проявится осенняя натура,
и сразу, предваряя листопад,
листва зашелестит, как партитура,
и дождь забарабанит невпопад
по клавишам, и вся клавиатура
пойдет плясать под музыку дождя.
Но стихнет, и немного погодя,
наклонностей опасных не скрывая,
бегом-бегом по линии трамвая
помчится лист опавший, отрывая
тройное сальто, словно акробат.
И надпись «Осторожно, листопад!»,
неясную тревогу вызывая,
раскачиваться будет, как набат,
гудящий без умолку на пожаре.
И тут мы впрямь увидим на бульваре

столбы огня. Там будут листья жечь.
А листья будут падать, будут падать,
и ровный звук, томящийся в листве,
напомнит о прямом своем родстве
с известною шопеновской сонатой.
И тем не мене, листья будут жечь.
Но дождик уже реже будет течь,
и листья будут медленней кружиться,
пока бульвар и вовсе обнажится,
и мы увидим явственно вполне
фонарь у театрального подъезда
на противоположной стороне.
И разглядим афишу на стене.
И угадаем профиль на афише.
И покрупнее выделим слова,
где речь идет о нынешнем концерте
фортепианной музыки, и в центре
стоит — Шопен, соната № 2.
И словно бы сквозь сон, едва-едва
послышатся начальные аккорды
шопеновского траурного марша
и станут отдаляться, повторяясь
вдали, как позывные декабря.
И матовая лампа фонаря
затеплится, сиянием несмелым,
чуть осветив афишу на стене.
Но тут уже повалит белым-белым.
Повалит густо-густо белым-белым.
Но это уже — в полной тишине.

Как показать зиму

Но вот зима,
и чтобы ясно было,
что происходит действие зимой,
я покажу, как женщина купила
на рынке елку
и несет домой.
И вздрагивает елочкино тело
у женщины над худеньким
плечом...
Но женщина тут, впрочем,
не при чем.
Тут речь о елке.
В ней-то все и дело.
Итак,
я покажу затем балкон,
где мы увидим елочку стоящей
как бы в преддверье
жизни предстоящей,
всю в ожиданьи близких перемен.
Затем
я покажу ее в один
из вечеров рождественской
недели,
всю в блеске мишуры и канители,
как бы в полете всю,
и при свечах.
И наконец,
я покажу вам двор,
где елочка лежит возле забора,—
между ветвей, припорошенных
снегом,
оборванный трепещет лоскуток...
Забор и двор,
и елка на снегу
точней, чем календарь, нам
обозначат,
что минул год,
что следующий начат.
Что под нелепой разной кутерьмой
ах, боже мой, как время
пролетело.
Что день хоть и длинней,
да холодней.
Что женщина...
Но речь тут не о ней.
Тут речь о елке.
В ней-то все и дело.
Она лежит в снегу осиротело.
Между ветвей, припорошенных
снегом,
оборванный трепещет лоскуток.

Как показать весну

Я так хочу изобразить весну.
Окно открою и воды плесну
на мутное стекло, на подоконник.
А впрочем, все подробности потом.
Я покажу сначала некий дом
и множество закрытых еще окон.
Потом из них я выберу одно
И покажу
одно это окно,
но крупно,
так что вата между рам,
показанная тоже крупным планом,
подобна будет снегу и горам,
что мутно проступают за туманом.
Но тут я на стекло плесну воды,
и женщина взойдет на подоконник
и станет мокрой тряпкой мыть
стекло,
и станет проступать за ним сама
и вся в нем,
как на снимке,
проявляться.
И станут в мокрой раме появляться
ее косынка
и ее лицо,
крутая грудь,
округлое бедро.
колени,
икры,
наконец, ведро
у голых ног засеребрится.
Но тут уж время рамам
отвориться,
и стекла на мгновенье отразят
деревья, облака и дом напротив,
где тоже моет женщина окно.
И тут мы вдруг увидим не одно,
а сотни раскрывающихся окон
и женских лиц,
и оголенных рук,
вершащих на стекле прощальный
круг.
И мы увидим город чистых стекол.
Светлейший, он высоких ждет
гостей.
Он ждет прибытья гостьи
Высочайшей.
Он напряженно жаждет новостей,
благих вестей
и пиршественной влаги.
А тополя черны еще и наги,
но веточки, в кувшин водружены,
стоят в окне, как маленькие флаги
той дружеской Высокой Стороны.
И все это — как замерший перрон,
где караул построился для встречи,
и трубы уже вскинуты на плечи,
и вот сейчас,
вот-вот уже,
вот-вот.

Т. КОРЖАНОВСКИЙ

ПЯТЕРО НА БОРТУ ПО СВОЕЙ ВОЛЕ

ДЕКРЕТ № 1 ПО ЭКСПЕДИЦИИ ИРКУТСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА ЖУРНАЛИСТОВ СССР И РЕДАКЦИИ ГАЗЕТЫ «ИЗВЕСТИЯ»

(Из бортжурнала экспедиции Осетрово—Тикси)

§ 1. Принять у корабельных дел мастера Андреева А. М. плавучее по реке Лене сооружение. Согласно ГОСТу морского и речного регистра определить его карбасом и наречь «Микешкиным».

§ 2. Вся власть на «Микешкине» безраздельно и на все времена до Тикси (включительно) принадлежит начальнику экспедиции.

§ 3. Заместителями начальника экспедиции назначаю: Арнольда Андреева — по корабельной и судоходной части, а также по навигационному делу;

Эдуарда Зоммера — по двигателям «Микешкина», а также по всем его узлам, кои крутятся и вертятся. Ему же крутиться и вертеться с ними вместе;

Теофиля Коржановского — по хозяйственному обеспечению, а также по руководству всеми интендантскими службами. Возложить на него все обязанности по размещенному на карбасе кафе «У Микешкина» — придать ему первым заместителем по этой части Евгения Евтушенко, и наделить обоих правом привлекать в любое время к любой работе каждого из заместителей начальника экспедции, а также и начальника;

Евгения Евтушенко — по боцманской части, столярному делу и такелажной науке, а также первым заместителем руководства плавучего кафе «У Микешкина». Ему же с высоты 185 см отдавать концы и якоря с правом привлекать к этому делу любого заместителя начальника экспедиции, а также и самого начальника.

§ 4. Отменить распоряжение заместителя начальника экспедиции может только сам начальник экспедиции.

§ 5. Вахты у руля и по палубе несут все члены экипажа.

§ 6. Весь имеющийся на борту запас спирта, а также прочего горючего — смазочного материала этого типа, принадлежащий организациям или частным владельцам, полностью обобществляется — переходит в собственность экспедиции и выдается только и исключительно по распоряжению начальника экспедиции.

Начальник экспедиции «Микешкин»
Л. Шинкарев. 30 VI. 67 г.

Кто мы?

Интересные идеи часто рождаются одновременно у нескольких людей и, если судьба сводит их (идеи и людей) воедино, то иногда получается что-нибудь интересное. Так было и у нас.

Пройти всю Лену от верховьев до океана — было нашей давнишней мечтой. Нам хотелось самим увидеть ленские берега, по душам поговорить с людьми, всласть поснимать изменившееся лицо великой сибирской реки.

Все члены экспедиции были совершенно разными людьми и по темпераменту и по своим привычкам. И у каждого из нас было свое «хобби». Итак, по порядку.

Леонид Шинкарев — собственный корреспондент газеты «Известия» по Восточной Сибири.

Наш начальник больше всего на свете любил писать декреты, так мы называли приказы по экспедиции. Надо отдать ему должное — делал он это хорошо. Вместе с тем он очень любил показывать во всем пример, вносить рационализации. Так он придумал мыть посуду нагретой водой из двигателя. Все провонялось бензином, но Шинкарев гордо утверждал, что так гораздо лучше и быстрее. Что ж, с начальником не спорят. Но если говорить без шуток, то Леонид Шинкарев объездил всю страну, был в Африке, в европейских странах. Много месяцев ходил на шхуне по Индийскому океану с советскими рыбаками.

Арнольд Андреев — инженер-строитель из Братска. На его счету — катамараны на Братском море, походы в любую погоду. Прибавьте к этому хорошую голову и золотые руки. Плюс известное упрямство, и вы поймете почему «Микешкин» все-таки дошел до Тикси. А его «хобби» заключалось в том, что он каждый день все перекладывал на новые места.

Эдуард Зоммер—кинооператор Иркутской студии телевидения. Мы называли его походным комбинатом бытового обслуживания. Не было вещи, которую он не смог бы починить. От магнитофона до двигателя «Микешкина» По своему эстонскому темпераменту он молчалив, поэтому рыбная ловля доставляла ему особое удовольствие. А что касается морской закалки, то Эдик плавал по разным морям, на разных судах и даже на подводных лодках.

Евгений Евтушенко. Известный поэт бывал во всяких передрягах. На зверобойке «Нора» он плавал как матрос-зверобой по Белому морю, работал в геологических партиях. Заядлый охотник. Ну а если он чего-то не умел, то обязательно хотел этому научиться. Так Евтушенко терпеливо осваивал приготовление компота. В кастрюлю он бухнул на три четверти сухофруктов, долил воды, и, когда все это поперло из кастрюли, он, не растерявшись, стал распихивать компот по всей свободной посуде. Этот компот мы доели уже в Тикси, он прожил у нас почти все путешествие, иногда только мы доливали его водой.

«Хобби»! Свободное от вахты время Женя писал стихи, как говорили—неплохие.

Теофиль Коржановский—режиссер Иркутского телевидения. За время путешествия научился не только варить и жарить, но и даже лечить от всяких болячек членов экспедиции. Бинтовал порезанные пальцы, мазал йодом, и делал «умное лицо», когда не мог понять в чем же дело. А вообще-то он тоже поездил, поплавал и полетал немало.

При таких разных наклонностях мы ухитрялись почти не ссориться и все-таки добрались до Тикси.

От проекта до карбаса

Предки наши ходили по Лене на карбасах. Эти похожие на утюги посудины строили в Качуге, Жигалово, Верхоленске. И сейчас еще по всей Лене, вплоть до северного Жиганска и Кюсюра, можно пройтись по деревянным тротуарам из досок карбасов.

По тому проекту, который сделал Андреев, наше судно только внешне напоминало карбас. Вместо деревянного днища у будущего «Микешкина» были понтоны-поплавки, а на корме в специальных металлических ящиках помещались два лодочных двигателя по тринадцать с половиной лошадиных сил каждый.

С этим проектом мы пришли к директору Осетровской судоверфи Александру Владимировичу Горбачевскому.

— Помочь можно, — сказал Горбачевский, — утонуть сначала не утонете, даже поплывете, но до Тикси.. Александр Владимирович вздохнул и продолжил: «До Тикси вы пересядете на какое-нибудь судно с небольшими остатками вашего имущества».

Мы приуныли. Очевидно, судостроителям стало нас жаль, и за два дня совместной работы они во многом изменили наш проект. Да это и понятно. Больше тысячи судов ходит по Лене, и о многих судостроители говорят: «Нашей постройки». Нефтеналивные танкеры, мощные сухогрузы, буксиры, самоходки и т. д. Сейчас на Лене нет ни одного деревянного судна. В этот механизированный, автоматизированный, оснащенный первоклассными навигационными приборами строй судов как белая ворона входил нелепый, смешной даже на бумаге «Микешкин».

Помогло согласие Ленского пароходства оказать нашей затее полное содействие.

Конечно, без осетровской судоверфи наша экспедиция осталась бы только красивой мечтой, хотя опытные речники почти до самого конца путешествия так и не принимали нас всерьез.

В это время подъехал и последний член экспедиции, поэт Евгений Евтушенко. В Усть-Кут он прибыл после

большого турне по Сирии, Франции, Испании и Португалии. В многодневной поездке были сотни встреч, разговоров, выступлений, причем люди там были самые различные. Может быть, воспоминания о некоторых встречах заставляли Евтушенко с таким сладострастием вгонять гвозди в борта нашего будущего дома на долгие 45 дней плавания.

Карбас возникал на слипе прямо на глазах. И вот 30 июня надо было спускать его на воду; достали кисть и краски, чтобы написать на борту имя карбаса. Названий для нашей посудины у нас было несколько. Почему же мы выбрали — «Микешкин»!

Почему „Микешкин"?

Как-то директор Качугской судоверфи Керосинский, говоря о Лене, на которой он проработал не один десяток лет, рассказал о том, что раньше самым важным человеком на реке был лоцман. Не было тогда здесь хорошо видных створов, не было белых и красных бакенов, а было чутье, большое знание реки и гигантская память ленских лоцманов. Среди многих фамилий Керосинский назвал и Микешкина. Он не помнил его имени и отчества, а знал только, что был Микешкин рыж, почти двух метров роста, носил бороду и усы и, как многие талантливые русские самородки, основательно попивал. Водил он связки карбасов по Лене лихо; каким бы пьяным не был, всегда сумеет определиться, в каком месте они находятся.

И нам захотелось напомнить Лене о ее первопроходцах; подумав, мы решили дать нашему карбасу имя «Микешкин». Хотя сама фамилия была необычной для Лены.

Была у нас надежда узнать где-нибудь о Микешкине побольше. Так и случилось. На встрече с жителями Киренска в Доме культуры нам сначала прислали записку, а потом подошел человек и сказал, что здесь, в Киренске, живут родственники Микешкина. Волнуясь, пошли мы на эту встречу. Там мы узнали, что звали его Петр Иванович, что он вятский—отец его был сослан в Сибирь, что в Алдане живут жена и дочь Микешкина. А после алданских встреч на душе стало совсем спокойно. Мы не ошиблись. Петр Иванович Микешкин был настоящим человеком, блестяще знавшим Лену, хорошим товарищем. Всякие грузы перевозил он на карбасах, но гордился всегда одним—«политицких не возил»!

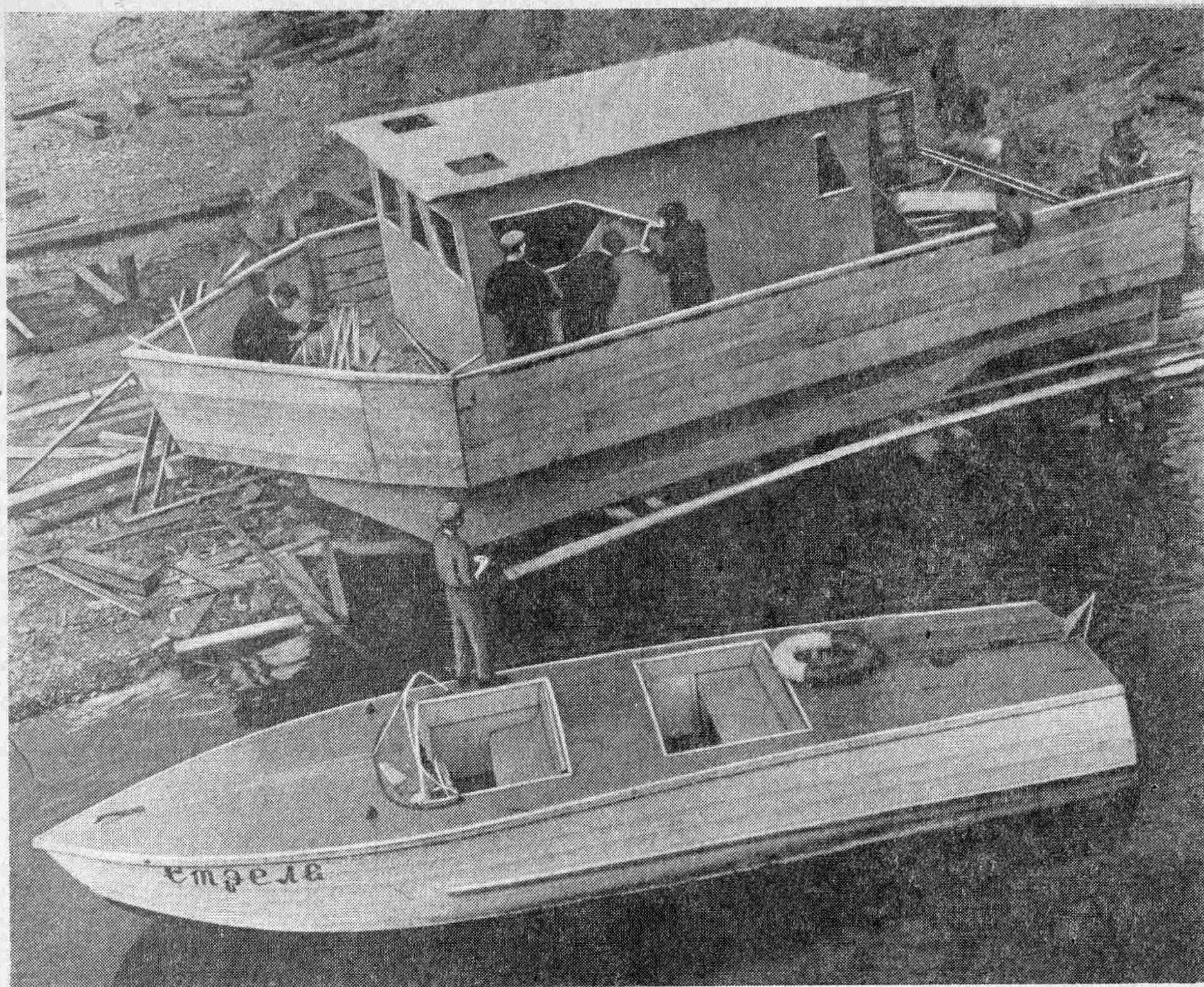
Сейчас в родне у Микешкиных учителя, рабочие, летчики, речники. Значит, остался на земле след Петра Микешкина, старого ленского лоцмана.

„Гость всегда прав!"

(Из лозунга в каюте «Микешкина»)

С кем нам очень везло, так это с нашими гостями. В Киренске к нам пришел невысокого роста старик в капитанской фуражке и с чемоданчиком в руке. Он немного пожевал губами и спокойно сказал: «Здравствуйте, я Горовацкий». Это имя мы уже хорошо знали, знает его и вся Лена. Науму Самойловичу Горовацкому восемьдесят шесть лет, из них шестьдесят два года он отдал Лене. Плавал по ней в прошлом веке. Он первым вышел к океану, составил первую лоцию ниж-

ней Лены, она сейчас хранится в Академии наук СССР. Лет двадцать назад ходил на Лене пароход «Наум Горовацкий», он устарел, проржавел и его списали на слом, а Наум Самойлович еще бодр, полон сил. Обладая блестящей памятью, он был неисчерпаемым кладезем всяческих историй о Лене, о ее людях.

Имя Горовацкого можно встретить на карте, в лоциях. Этот человек и стал нашим почетным капитаном. И как приятно было нам, когда проходящее мимо судно сбавляло ход, давало сигнал сиреной, на мостик выходил капитан и в мегафон кричал Науму Самойловичу приветственные слова. Половина капитанов Лены—ученики Горовацкого.

Вместе с Наумом Самойловичем мы дошли до Якутска. Он еще раз предостерег нас советом и добрым словом, дальше «Микешкину» предстоял путь с другим лоцманом. Нам было жаль расставаться, уже сжились, а как будет с новым человеком! И вот новое знакомство. Гавриил Васильевич Короходкин. Коренной якут, тридцать пять лет на Лене лоцманом, сейчас пенсионер. Но начал свою жизнь с нами Гавриил Васильевич не как пенсионер, он тут же принялся за дело. Разложил свои вещи и, хитро прищурившись, спросил: «Посудина не развалится!». Мы поклялись, что нет. «Ну, ладно», — согласился Короходкин. А дальше начались чудеса. Взглянув на небо, он сказал: «Надо идти до утра, а то часов в десять штормить начнет». Все было, как по нотам — и штормы, и ясная погода. Этому сопутствовала какая-то удивительная деликатность Гаврила Васильевича, его такт. В молодости Короходкину учиться не пришлось, но если человек от природы умен, то он многое поймет, несмотря на свою «необразованность». Так было с Гавриилом Васильевичем, когда он слушал только что написанные стихи Евтушенко, он чувствовал их нутром, а Женя очень прислушивался к его мнению. И право же не только потому, что в нашем кубрике висел лозунг «Гость всегда прав!».

Мели и перекаты

Первая мель, на которую сел «Микешкин», была недалеко от Осетрово, а последняя примерно за сто пятьдесят километров от дельты Лены, между этими двумя точками было столько перекатов и мелей, что у нас вошло в привычку, услышав скрип песков под дном, без долгих слов раздеваться и лезть в воду, толкать нашего «Микешкина». Но первая мель нам запомнилась особенно. Вышли мы из Осетрово уже поздно вечером, часов около шести. Ночь наступила быстро, и,

мы приткнувшись к берегу, мгновенно уснули, уж очень все наволновались в этот суматошный день. Раньше всех встал Евтушенко и решил сделать нам сюрприз. Не говоря никому ни слова, он убрал трап, поднял якоря и начал багром отталкивать «Микешкина». А ведь «Микешкин» не знал, что его толкает известный поэт, он сделал два пируэта и плотно сел на мель всем левым поплавком. Утро было раннее, холодное, но Женя отважно влез в воду по горло, он долго и упорно пыхтел. Однако же снялись мы с мели только тогда, когда искупался весь наличный состав экспедиции. Для Евтушенко купанье даром не прошло, вот почему наш начальник экспедиции издал очередной декрет: «Евгений Евтушенко две вахты подряд занимал горизонтальное положение, связанное по части озноба с погружением в холодную воду по грудь. Приказываю впредь выше пупа не погружаться». По скольку раз еще мы влезали в Лену не для купанья, и по горло, и с головой, чтобы сняться с мели или поставить новый винт! Лена река капризная, труден путь в Ленских щеках, у Пьяного быка. Мы теперь знаем, сколько труда, умения, смелости надо, чтобы пройти не с нашим маленьким суденышком, а большому кораблю в извилистых перекатах. Еще труднее это сделать каравану судов или плотам.

Многие знают Лену до Якутска, вам будут рассказывать о красотах, о знаменитых ленских столбах, но сколько интересного открывается у Лены за Якутском! Тридцатикилометровая ширь, бесконечные песчаные острова, в которых немудрено заблудиться. А дальше, недалеко от дельты, к Лене подходят отроги Верхоленских хребтов, на глазах меняется пейзаж, уходят леса, оголяются скалы: появляется лишайник. Во всем этом есть своя особая прелесть.

Эй, на „Микешкине"!

Говоря откровенно, в первые дни плавания над нами почти смеялись. Нелепое судно портило привычный вид величавой реки. Задолго до приближения встречные суда подавали нам сигналы, чтобы «Микешкин» убирался в сторону, и мы безропотно подчинялись. В одну из ночей, когда мы шли, нагоняя время, а предательский туман, то открывал, то закрывал нам створы, мы помешали красавцу-танкеру и нас поделом, хотя и обидно, выругали через динамик. Было слышно на всю Лену, от позора нас скрывала ночь. Тогда-то экспедиция «Микешкина» решила заработать себе уважение делом и словом. Стихи

Не на ТУ и не в такси,
А дотянем до Тикси,

были написаны на корме карбаса. Мы обзавелись переговорной трубой и стали небрежно спрашивать у проходящих судов: «Эй, на танкере, как погода!». Но увы, это помогало мало.

За Якутском, в районе Сангар, когда во время шторма волна вырвала у нас левый борт, поломала нос и унесла двухсоткилограммовую бочку с горючим, огнетушитель, сапоги, ящик пленки и переговорную трубу, к нам подошло сразу несколько судов. Они предложили взять нас на буксир, мы стойко отказались, хотя и попросили присматривать за «Микешкиным».

«Вы упрямые ребята, молодцы!» — крикнул один из

капитанов. Это был бальзам на наши раны. Вскоре после ремонта мы пошли дальше. Теперь все суда кричали: «Эй, на «Микешкине», как дела!», — «Все в порядке!» — отвечали мы. Только потом мы сообразили: ведь о нашей первой беде узнали все суда по рации. А в одном из портов мы поднялись на большую самоходку, заглянули в вахтенный журнал, там было написано: «17 час. 35 мин. — встретились с «Микешкиным». Нам стало совсем легко. Лена нас признала.

Наш остров

День был отличный, и «Микешкин», словно чувствуя, что нет ни волн, ни ветра, развивал поистине «космическую» скорость — что-то около пятнадцати километров в час. На многие километры во все стороны разбросались ленские песчаные острова, а вокруг ни одного человека, ближайшая деревушка Натары должна быть через семьдесят километров, да и в ней, по рассказам, кроме геологов никто не живет.

Кроме геологов... Вот уж действительно, чем глуше место, тем больше уверенности, что встретишь здесь геологов, геодезистов, изыскателей. А к этим людям у нас были особые симпатии, и не потому, что носили мы геологические «энцефалитки», полученные от иркутских геологов, и даже не потому, что совсем недавно мы очень тепло расстались в Сангарах с геофизиками из экспедиции иркутянина В. Черных. Нет, просто мы твердо убедились еще раз — геолог — это там, где трудно, там, где еще никого не было.

А наш карбас шел и шел, когда из-за одного островка вылетела легкая «дюралька», ее нес мотор «Вихрь», и она облетела вокруг нас с такой скоростью, что мы и охнуть не успели. Также молниеносно лодка скрылась, чтобы опять появиться и пристать к нашему борту. Молодой парень в брезентовом плаще, встал во весь рост и бросил в наш карбас огромную рыбину.

— Это вам, — сказал он, перелезая через борт, — подарок от топографов. — Подарок был королевским. Таймень, килограммов на пятнадцать-двадцать. Так мы и познакомились с экспедицией Якутского геологического управления, которая занималась съемкой изменяющихся берегов и островов Лены; одновременно менялись и старые, полузабытые названия островов. И тут-то мы получили второй подарок, на всю жизнь. Остров без названия, вытянувшийся почти на шесть километров, теперь получает название «Карбас «Микешкин». Мы посмотрели друг на друга немного обалдело, в душе у нас росло что-то от графа Монте-Кристо или Робинзона Крузо. Наш остров! Вот это подарок. А наш новый друг, махая рукой со своей моторки, быстро исчезал вдалеке.

Начальник экспедиции Леонид Шинкарев откашлялся, он делал это всегда, когда волновался, хотел что-то сказать, потом махнул рукой и раскрыл лоцию. На безымянном острове мы торжественно написали «Карбас «Микешкин».

Иван Иванович

Очень уж хотелось увидеть настоящую рыбалку, а в отделении Чокуровка совхоза Булунский жили рыбаки-эвены. Отлогий берег позволил нам приблизиться к нему на сорок-пятьдесят метров. «Микешкин» отдал якоря, и мы, нагрузившись кино- и фотоаппаратурой, двинулись к рыбакам. Между тем погода портилась на глазах, пошла волна с белыми барашками, засвистел ветер. Рыбаки выметали невод, и началось самое интересное. Невод выносил на песок осетров, максуна, чира и омулей. Они отличались от наших байкальских весом и размерами. Каждый по сорок семь — пятьдесят сантиметров длины, да и весили они не меньше двух-трех килограммов. Это было красивое зрелище. Ловкие эвены четко и легко делали свое дело, мы снимали, не жалея пленки и не обращая внимания на погоду.

А ветер и волны разошлись не на шутку. Когда мы опомнились и бросились на карбас — было поздно. Нас с маху колотило о песчаное дно, а ветер, помогая волнам, выталкивал «Микешкина» на берег. Якоря скребли песчаное дно, моторы захлебывались. Мы были мокрые с головы до ног. Еще волна, еще, и мы плюхаемся на берег... Чтобы сойти с мели, надо толкать или тащить «Микешкина» метров сорок, а он весил около семи тонн.

Когда ветер утих, на помощь пришли рыбаки. Совместными усилиями мы сдвинули карбас метров на десять, а потом команда «Микешкина» безропотно сняла брюки и влезла в воду.

«Раз, два взяли», — дребезжащими от холодной воды голосами крикнули мы, но карбас и не думал двигаться; чем громче, подбадривая себя, мы кричали, тем меньше было толку. Во всю ревели моторы, но все было напрасно. Тогда с берега вошел в воду человек в форме капитана. Волна окатила его по пояс. Человек выскочил на берег, сбросил с себя одежду и полез к нам. «Давай, ребята!» — рявкнул он хрипловатым баском, и чудо свершилось — «Микешкин» неохотно двинулся с места. «Еще давай!» — и пошло, пошло. Мы не могли остановить двигатели, иначе бы нас опять снесло на берег. На ходу обняли мы капитана. Кто он! Как попал в Чекуровку! Этого мы не узнали. Наверно, приехал в отпуск, а может, на рыбалку. Знаем, что зовут его Иван Иванович, и твердо знаем, что он очень хороший человек.

Американская гора

В районе деревни Чокуровки у вершинки заснеженного хребта лежат обломки самолета. Через гребешки скал переваливают низкие холодные тучи, то открывая, то закрывая крылья и сломанный фюзеляж. Люди спорят и побеждают северные туманы, капризную неуютную погоду, люди отвоевывают у Севера все новые и новые территории и покоряют его. Но Север есть Север, и он сопротивляется, отнимая у людей жизни. Эта борьба длится уже много лет. До прибытия в Чокуровку мы бродили по заброшенному поселку Булуну. Когда-то это был районный центр, а потом район перевели в Тикси, часть жителей переехала туда, а большинство в совхоз Булунский с центром Кюсюр. Булунское кладбище утопает в цветах тундры; рядом с могилами чекистов, павших в боях с белобандитами, возвышается старинный обелиск из полированного лабрадора. Здесь покоится Яков Санников.

«Земля Санникова», ну конечно же! Та самая легендарная северная жемчужина, о которой писал Обручев. Яков Санников сделал немало открытий в Арктике, оставил он нам и красивую легенду о теплом оазисе во льдах, куда устремляются белые лебеди.

Есть в дельте Лены еще один памятник — гора Америка. Это тоже дань отважному полярному исследователю Шарлю де Лонгу. В восьмидесятых годах прошлого века его судно «Жанетта» было затерто льдами. Шарль де Лонг и его товарищи долго блуждали по островам дельты, по редким наслегам эвенов. Голод,

лишения, цинга. Экспедиция погибала, через два года после катастрофы с «Жанеттой», умер Шарль де Лонг, исследователь, путешественник, мореплаватель. Острова дельты низкие песчаные, а гора Америка высокая, на самой вершине — могила, а над ней высоченный столб, словно мачта корабля. День и ночь свистят там северные ветры, а гора с мачтой, словно корабль на вечном приколе, напоминает редким пришельцам — помните, Север покорить нелегко.

Там, где кончается Лена

Все чаще дуют холодные северные ветры, все суровее становится пейзаж. На перекате у острова Тас-Арыы ширина Лены километров пятнадцать, неожиданно с гор опускается предательский туман, и тут же поднимается ветер. Штормит все сильнее, но до дельты остается совсем немного, и наш лоцман Гавриил Васильевич Короходкин решает идти, несмотря ни на что, ведь укрыться здесь все равно негде.

Начальник экспедиции дает команду надеть спасательные куртки. Мы все становимся похожими друг на друга, наверное, это успокаивает, и свободные от вахты заваливаются спать. Но разве можно уснуть, когда в разрывах тумана появляются причудливые вершины гор. Покрытые лишайником камни на самых макушках похожи то на крепость, то на караваны верблюдов. Словом, фантазии природе не занимать. Ночи нет, есть туманные сумерки. Часов около трех всходит солнце, оно светит через тяжелые тучи ярко-кровавыми лучами.

Неожиданно слева по носу возникает огромная гора—это ленский столб. Он стоит в самом центре начинающейся дельты, а в разные стороны от него бегут протоки к океану: Быковская, Трофимовская, Оленекская и десятки, сотни других безымянных. Нам надо к Быковской, но у входа в нее стоят на якорях три могучих танкера и два сухогруза. Ага! Наверное, боятся войти, ветер-то оттуда, значит, там шторм порядочный.

Почему мы решились и влезли в эту кашу из воды, пены и тумана, сейчас сказать трудно, но «Микешкин» гордо обрезает носы у стоящих судов и входит в протоку. Один из танкеров возмущенно загудел и начал выбирать якорь. «Проняло!» — торжествуем мы. Танкер двигается за нами и быстро обгоняет. Ветер свистит, нас почти с верхом накрывают волны, моторы гудят на самой высокой ноте, но нам уже не страшно: показались домики полярной станции. С ходу врезаемся мы носом в песок. Ура! До Тикси всего один переход.

Бухта встреч

Мы одолевали последний перекат со странным названием «Дашка». Справа остается длинный остров, а слева начинается море Лаптевых. Вода слегка посопонела. «Смотрите!» — истошно кричат самые высокие среди нас Зоммер и Евтушенко. Мы смотрим и видим большие белые пятна вдалеке. Это льды. Шинкарев и Андреев тут же лезут на крышу карбаса фотографировать. А тут подходит и принимает нас в свою «колыбель» океанская волна. Она перекладывает, словно пеленает, карбас с боку на бок. В каюте довольно тошно, и свободные от вахты с независимыми лицами зеленого цвета выходят к борту на свежий воздух. Так проходит несколько часов, но вот пройден мыс Моустах, и волна успокаивается, начинается Тиксинский залив. На рейде стоят океанские суда, рядом с которыми «Микешкин» кажется совсем блохой. А нам не верится, что все уже кончено. Мы подходим к причалу, нас тепло встречают. Позади ровно сорок пять дней пути и почти четыреста тысяч километров. Мы просим достать какой-нибудь краски, и, когда ее приносят, Евтушенко торжественно исправляет свои собственные стихи, теперь они звучат так:

Не на ТУ и не в такси
Дотянули до Тикси.

Автор и все члены экспедиции довольны, стихи полностью отражают действительность. А потом нам стало грустно, грустно, потому что все уже позади и надо расставаться. Шинкарева и Евтушенко ждала Москва, Андреева — остатки отпуска и семья на Украине, Зоммера и Коржановского — Иркутская студия телевидения и упреки начальства за перерасходованную командировку. Мы жали друг другу руки и обещали обязательно повторить что-нибудь в этом роде, только еще потруднее.

На следующий день мы торжественно преподнесли ключи от карбаса и весь карбас с экспедиционным имуществом Тиксинской школе № 1, а нам вручили дипломы капитанов первой группы речных судов.

На снимках:
Поэт Е. Евтушенко на привале.
На «Микешкине». Слева направо: О. Козополянский, корреспондент Всесоюзного радио; Иванов, начальник управления Ленского речного пароходства; Л. Шинкарев, собственный корреспондент газеты «Известия».
«Микешкин» на стапелях.
Лоцман Г. В. Короходкин.

Т. А. ПЕРОВА-ЧАКОВА

СПАСЕННЫЕ ШЕДЕВРЫ ЖИВОПИСИ

Внимание автора этих строк было привлечено статьей Л. Шинкарева в газете «Известия» — «Иркутск — интеллигентный город», где сообщалось о том, что бывший иркутянин Ю. В. Невзоров подарил Иркутскому областному художественному музею пятьдесят два шедевра живописи.

Юлия Владимировича Невзорова знают многие искусствоведы и руководители областных и республиканских музеев. Но мало кто имеет полное представление о его обширных познаниях в области искусства, о проводимой им большой и плодотворной исследовательской и атрибуционной работе по живописи, о его неутомимых многолетних поисках по архивным и литературным материалам указаний о забытых картинах и о годах жизни художников, о которых до сих пор у музейных работников нет сведений. Немногим известно и о его многолетних розысках и находках произведений живописи, известных до этого только по литературным источникам, о поисках аналогий к произведениям, находящимся в его собрании, и о том, какие прекраснейшие картины им были спасены от гибели.

Множество произведений живописи, известных искусствоведам до этого по литературным материалам, было разыскано Невзоровым. Из этих находок следует отметить прежде всего такие ценнейшие произведения искусства, как «Вид Бахчисарая» М. М. Иванова, картины Венецианова «Гадание на картах» и «Крестьянка с коровами», картину Ф. А. Васильева «Гроза собирается». Картины получили свое второе рождение только благодаря глубоким знаниям и исключительному чутью отыскавшего и восстановившего их. Они составляют теперь интересную и ценнейшую часть большой коллекции Невзорова, редкостной по количеству высокохудожественных произведений.

На перечисление всех спасенных картин потребовалось бы много страниц. Но следует остановиться еще на одном из последних приобретений Невзорова. Он купил женский портрет известного французского художника Лукьена Симона. Портрет этот подписной, но в таком плохом состоянии был, что никто не решался купить его в комиссионном магазине. Холст был свернут долгое время в трубку, красочный слой осыпался, загрязнен он был до крайней степени и окончательно погибал. Невзоров приобрел его. Сейчас этот портрет находится в реставрации.

Мне довелось наблюдать увлекательные, но трудные многолетние поиски Невзорова, интересные для истории искусства научные находки его в литературных и архивных материалах. Особо ценными среди этих находок являются сведения о существовании в творческом наследии изучаемого художника такого произведения, которое выпало из поля зрения исследователей и поэтому забыто всеми. Такое событие произошло с эскизом картины «Вирсавия» Карла Брюллова, находящегося в собрании Невзорова. Об этом эскизе современным искусствоведам ничего не было известно и считалось, что нигде нет никаких указаний о его существовании. А Невзоров нашел их в четырех литературных источниках, близких по времени написания к годам жизни Брюллова. Принадлежат эти сведения перу А. Н. Андреева и В. В. Стасова, первым исследователям творчества Брюллова.

Невзоров разыскал аналогии, находящиеся в различных музеях. Например, к картине «Девочка с собачкой» Джошуа Рейнольдса собиратель на протяжении 25 лет ищет и находит разные аналогии и собрал интересные иконографические сведения об изображенной девочке в литературе на нескольких европейских языках; найдены им аналогии и к картинам «Речной пейзаж с рыбаками» Соломона Рейсдаля, «Пейзаж с дорогой и путником» и «Деревенский пейзаж» Альберта Кейпа; «Игра в шары» Давида Тенирса, «Скорбящая мадонна» Карло Дольчи и ко многим другим картинам.

Для полной характеристики деятельности Невзорова имеет большое значение еще один важный факт из его собирательской деятельности. Он, влюбленный в живопись собиратель, дорожащий каждой картиной, этюдом или рисунком в своем собрании, подарил художественному музею города Иркутска в разное время 100 произведений живописи и графики, в том числе ряд ценнейших и уникальных.

Среди них работы двух английских художников: знаменитого анималиста Эдвина Лэндсира и пейзажиста Горация Ливенса, а также итальянского художника-импрессиониста Фредериго Зандоменеги.

Если учесть, что произведения английских художников вообще большая редкость и, кроме Эрмитажа, во всех остальных музеях недостаточно представлены, или совсем отсутствуют, то понятен тот значительный интерес для искусствознания, который представляют два произведения английских художников, подаренных Невзоровым (не говоря уже о большой материальной ценности их). Надо сказать, что произведения Лэндсира весьма ценятся на его родине в Англии.

Произведений Горация Ливенса в Советском Союзе нет ни одного, и Иркутский музей стал обладателем уникального произведения художника «Рыбацкие парусники у берега», привлекающего внимание и своей характерностью, и высоким качеством исполнения.

«Итальянская девушка с букетом цветов» Фредериго Зандоменеги характерна по тематике для творчества художника и также уникальна у нас в стране. Зандоменеги — итальянец, присоединился в 1874 году к французским импрессионистам и был с ними до конца существования салона «Независимых» (1886 г.).

Произведения Зандоменеги находятся во многих крупнейших галереях мира: Флоренции, Милане, Венеции, Филадельфии.

Из картин русской живописи, подаренных Невзоровым, ценен этюд И. Е. Репина («На дне морском») к картине «Садко», 1875 год. Этот этюд по своим художественным достоинствам стоит выше картины. Из писем Репина известно, что он писал фауну и флору дна морского в Парижском аквариуме. Этюд этот имеет

особый интерес для искусствознания как ранняя работа Репина.

В числе других ценных произведений, подаренных музею, «Портрет старика» В. Г. Перова — произведение большой выразительности, поиск типажа к картине «Странник»; «Засуха, просят дождя» А. Е. Архипова — картина, хорошо характеризующая передвижнический период в творчестве художника.

Вместе с большим количеством живописных и графических работ Невзоров собрал и передал музею и много сведений о художниках. И в течение года он продолжал и дальше упорно искать и посылать в музей дополнительный материал о художниках, произведения которых представлены в музее. Все это значительно облегчило работу по составлению каталога.

Сейчас Юлий Владимирович подготовляет большое количество произведений из своего собрания для устройства в Иркутске временной выставки шедевров русской и западноевропейской живописи. Широкие круги любителей искусства благодарны будут земляку и за этот патриотический поступок. Выставка будет редкостной по составу первоклассных произведений искусства старых мастеров живописи.

Общественность города Иркутска, конечно, интересует, какие картины будут представлены на этой выставке. Интересует также и краткое описание московского собрания живописи, созданного двумя поколениями бывших иркутян — Невзоровых.

Собирание редких произведений начали 50 лет тому назад еще в Иркутске, а затем в Москве родители Ю. В. Невзорова. В 1920-х годах ими было приобретено несколько картин по случаю на знаменитом в то время развале Сухаревского рынка. Оказались эти картины произведениями известных старых мастеров и украшают до сих пор собрание. Это картины Роза Да Тивали, Сальватора Розы, «Пейзаж» А. Н. Мокрицкого и другие. Много позже в собрание поступило от прадеда Ю. В. Невзорова около 20 картин и несколько уникальных произведений древнего искусства Китая, находящихся до сих пор в собрании («Жертвенный сосуд» — III века времени династии Хань; «Богиня милосердия Гуано-Инь» — мрамор IX-X веков; «Архат» — деревянная скульптура XV — начала XVI веков и другие).

Но основная и главная заслуга в создании этого собрания принадлежит Юлию Владимировичу. Именно он с юношеских лет стал собирать систематически, с увлечением, много занимаясь изучением творчества заинтересовавших его художников.

В коллекции представлены и выдающиеся русские художники XVIII — начала XX веков (Федот Шубин, Ф. Я. Алексеев, М. М. Иванов, Сильвестр Щедрин, Карл Брюллов, Венецианов, Тропинин и Федотов; Крамской и Перов; Айвазовский, Федор Васильев, Шишкин, Саврасов, Левитан, Серов, Нестеров, Константин Коровин и многие другие), имеются в коллекции и прекрасные произведения ряда крупнейших мастеров западноевропейской живописи XVII — начала XX веков (английских художников Рейнольдса, Рикарда-Кордингле и Робинзона Эллиота; итальянских Карло Дольчи, Сальватора Розы, Марко Риччи и Маньяско; французских Жозефа Верне, Антуана Ватто, Жана-Батиста Греза, и обоих Милле — XVII и XIX века, Теодора Гюдена, Жюля Дюпре, Камиля Коро и Альберта Марке; голландских Андриана ван Остаде, Рихарда Бракенбурга и Соломона ван Рейсдаля; фламандских Яна Брейгеля и Давида Тенирса; немецкого художника XVII века Филиппа Росса и немецких импрессионистов Ульбриха Хюбнера и Ганса Хермана и многих других).

Имеет смысл рассказать о спасенной от гибели превосходной работе Павла Андреевича Федотова — «Портрет мальчика в белом колпачке и курточке» — уникальное произведение, имеющее этапное значение в творчестве художника, написанное маслом на холсте размером 41,5 x 35 см.

Для искусствознания сейчас важен даже небольшой вновь найденный набросок рисунка Федотова — основоположника критического реализма в русской живописи. Тем более имеет большое значение для всестороннего изучения творческого наследия Федотова этот уникальный и интересный пример его портретного творчества, в котором достигнута большая целостность живописного и художественного решения интимного портрета, с характерным федотовским отношением к натуре.

Портрет написан в 1850 или 1851 году. По сведениям, имеющимся у автора этих строк, изображен на портрете художник Карл Кениг в детстве. В записях Федотова последних лет упоминается о том, что он что-то писал для семьи Кенигов, с которой был дружен. Выполнен портрет в свойственной Федотову тщательной манере письма — как бы с акварельной тонкостью наложения красочного слоя, с особенными федотовскими чистотой и ясностью красочных тонов и характерными взаимоотношениями этих тонов и полутеней, в сдержанной и благородной, почти монохромной красочной гамме и при этом с большой выразительностью образа, без малейшего ощущения монотонности. Сказалось то, что Федотов много работал сепией и был большим мастером в этом виде живописи.

На все особенности и характерные черты живописи в портрете указывали в свое время детально изучавшие этот портрет наши известные искусствоведы Н. Г. Машковцев, Г. С. Верейский и А. Ф. Коростин. Все они, так же как и автор данной статьи, пришли к единогласному решению о том, что портрет этот органически входит в творческое наследие Федотова, как произведение, предвещавшее новый этап в творчестве художника.

Картина Алексея Гавриловича Венецианова «Гадание на картах» 1840-х годов, написанная маслом, разыскивалась Невзоровым много лет. О ее существовании было известно в литературе по каталогу выставки 1911 года «Венецианов в частных собраниях», а с 1955 г. и по монографии о Венецианове А. Н. Савинова.

После долгих поисков картина была обнаружена и приобретена. После реставрации и восстановления первоначального вида она предстала во всем великолепии авторского исполнения. Картина Венецианова «Гадание на картах» из собрания Невзорова является улучшенным вариантом первоначальной картины, находящейся ныне в Русском музее.

Михаил Матвеевич Иванов, создатель русского видового пейзажа и основоположник школы русской пейзажной живописи, представлен в собрании своим лучшим пейзажным произведением «Вид Бахчисарая», написанным маслом на холсте после 1804 года.

О пейзаже «Вид Бахчисарая», до его обнаружения, искусствоведы знали только по литературным сведениям, сообщенным в 1895 году крупнейшим историком русского искусства прошлого столетия Н. П. Собко в «Словаре русских художников» (том II, выпуск 1, стр. 382). Собко считал этот пейзаж лучшим произведением М. М. Иванова, и с его мнением полностью соглашаются и современные искусствоведы П. Б. Корнилов, Н. Г. Машковцев, М. И. Горелов, З. И. Фомичева.

Если учесть, что на сегодня известно всего четыре картины М. М. Иванова в масляной технике живописи (остальные известные картины выполнены акварелью), то станет очевидным, какое большое значение имеет «Вид Бахчисарая» для истории русской пейзажной живописи XVIII—начала XIX века и какой несомненный музейно-экспозиционный интерес представляет эта картина.

Картина гениального русского художника, впервые введшего поэзию в русский пейзаж, Федора Александровича Васильева «Приближение грозы» до недавних пор была известна искусствоведам только по литера-

туре: по книге Ф. И. Булгакова «Наши художники» 1892 года, по справочнику Академии художеств С. Н. Кондакова 1914 года и по каталогу выставки 1872 года в Академии художеств. Местонахождение картины было неизвестно, а когда ее нашли, она оказалась прорванной и до такой степени загрязненной, что с трудом можно было понять, что это произведение большого мастера.

Превосходная по своему колориту картина «Приближение грозы» выполнена в характерном для Ф. А. Васильева сочетании поэзии и строго реалистического подхода к натуре. Как известно, именно Ф. А. Васильев ввел в «русский пейзаж то, что последнему недоставало и недостает: поэзию при натуральном исполнении»— писал И. Н. Крамской о Ф. Васильеве (см. «Ф. Васильев. Письма и документы», 1937 г. стр. 8).

В собрании Невзорова исключительно полно и хорошо представлена русская пейзажная живопись превосходными произведениями основных мастеров русского пейзажа.

Говоря о пейзажных произведениях, невозможно не сказать несколько слов о гениальном творении Исаака Ильича Левитана «Березовая роща. Ранняя зелень», размером 31,1 х 48,3, написанном маслом на картоне. Воспринимается этюд как законченное самостоятельное произведение. Судя по удостоверяющей на обороте надписи художника В. В. Переплетчикова, этюд написан в 1898 году — то есть в период наивысшего расцвета творчества художника.

Этюд исполнен в зеленой красочной гамме, в которой очень легко впасть в банальность. Но гений Левитана в этой зелени сумел прекрасно передать и глубину пространства и дать почувствовать зрителю свежесть ранней зелени и освещение полуденным солнцем, и влажность почвы в затененных местах. Недаром все крупнейшие специалисты по творчеству Левитана в один голос признали, что произведение это гораздо лучше картины «Березовая роща», находящейся в Третьяковской галерее.

Другой гений русского искусства — Валентин Александрович Серов — экспонируется в собрании Невзорова портретом цыганской артистки Вари Ланиной, написанным маслом на холсте. Этот интересный портрет дополняет наши познания о творчестве Серова в 1890-х годах. Портрет — большого художественного достоинства, исполнен в 1895 г., когда Ланина пела еще в хоре цыган на Стрельне.

Портрет, приобретенный Невзоровым, был покрыт толстым слоем грязи и черной окаменелой пленкой. После сложной трудоемкой и длительной расчистки портрет предстал во всем блеске его исполнения великим мастером живописи и получил свое второе рождение.

Собрание Ю. В. Невзорова в части западноевропейской живописи состоит также из значительного числа прекрасных картин крупнейших мастеров живописи. На редкость хорошо в собрании представлена английская живопись.

Из произведений английской живописи, экспонируемых в собрании, особенно большой художественный интерес представляет «Девочка с собачкой» размером 61х50 Джошуа Рейнольдса, знаменитого английского живописца, признанного главой английской школы живописи XVIII века. Как портретист Рейнольдс мастер мирового значения, наравне с Тицианом.

В недалеком будущем многие произведения из богатейшей коллекции Юлия Владимировича Невзорова будут представлены на выставке в Иркутске.

М. ГРЕШНОВ

СИНИЕ ЦВЕТЫ АЛЬБАРОССЫ

Фантастический рассказ

Чудеса начались сразу, как только ракета опустилась на синий луг. Григорий приземлил ее на воздушной подушке: уже сотню лет инструкция требует при достаточной плотности атмосферы пользоваться компрессорами. Но при любом, даже сверхосторожном, спуске воздушный столб срывает верхний почвенный слой, корабль садится в облаке пыли. Здесь ракета села, не подняв с поверхности ни пылинки, под каждой из ферролитовых лап шасси клонились синие живые цветы.

Борис и Григорий смотрели на них сквозь стекла иллюминаторов.

— Давление воздушной струи — четыре тонны на сантиметр, — сказал Григорий. — Можно было бы раздавить слона.

Цветы оставались целыми, нежными, с полупрозрачными лепестками.

Датчики показывали наличие кислорода, двадцать два градуса тепла по Цельсию и отсутствие в воздухе биогенных носителей.

— Мне прямо-таки не терпится потрогать цветы руками! — ответил Борис. — Выйдем...

— Подожди, — Григорий включил приемник.

— Зачем! — Борис поднял недоуменный взгляд. — За восемь часов облета хотя бы кто охнул на наши вызовы...

— А что мы теряем! —сказал Григорий, глядя, как наливается зеленью индикатор. Борис недовольно сопел у него над ухом, ему не терпелось ступить на почву планеты — вечно жгучее желание открывателей.

Верньер медленно, не считаясь ни с чьим желанием, двигался по шкале УКВ. В диапазоне четырех метров он наткнулся на звон.

— Слышишь! — спросил Григорий, останавливая планку.

Звон лился глубокий и мягкий, словно пела в июле ночная степь.

— Но ведь этого не было!— воскликнул Борис.

— Не было, — согласился Григорий.

— Поет планета!..

Из решетчатого кружка динамика непрерывный, настойчивый лился звон. Теперь казалось, что звенит рой возбужденных ос или миллион серебряных колокольцев...

Планета была открыта лет тридцать назад, в пересчете на земные годы. Световые ракеты смяли привычное время, сделали его микрохроносом каждого отдельного корабля. Они же показали полную непригодность гигантских космических лайнеров, которыми увлекалось человечество в начале двадцать первого века. В Пространстве лучшими показали себя небольшие ракеты с экипажем в два-три человека. Когда снаряжались комплексные экспедиции, в них входило до двадцати кораблей. Впереди ставились заслонные керамитовые ракеты, которые рассекали облака пыли, прокладывая туннель последующим, идущим за ними в нитку.

Даже в двадцать втором столетии человечество все еще приглядывалось к Пространству. Полеты были трудны, как плавание на каравеллах, уходивших когда-то путями Колумба и Магеллана. Космос не давал человеку ни уютного света кают-компаний, ни широких экранов. Каждый полет требовал от космонавтов работы, выносливости и почти флибустьерской смелости и физической силы.

Седьмая комплексная экспедиция была направлена к Ригелю Ориона в 2111 году. У небольшой белой звезды, в четырнадцати парсеках от солнца, экспедиция открыла голубую планету с удивительно постоянным фоном: в атмосфере не было облаков, поверхность планеты казалась ровной, как биллиардный шар. Понравился цвет: планета, наверное, была покрыта водой или синим туманом... Планете дали название — Альбаросса. Но исследовать ее тогда же не удалось — слишком далеким был путь до Ригеля. Исследование было поручено Девятой комплексной, тоже посланной к Ориону. Флотилия замедлила ход, кроме ракеты Григория Ломма: ему на исследование планеты было дано сорок часов. А потом предстояло догонять экспедицию в течение двух недель... Так навигатор Ломм и механик Борис Рожков оказались на Альбароссе.

Планета действительно была синей, как весеннее небо. Но не океан и не дымка придавали ей синеву: от экватора до полюсов планета оказалась покрытой цветами.

— До безумия хочется подержать их в руках... — говорил Борис, налегая на рычаг гидросистемы, открывавшей выходной люк.

— Сейчас, сейчас... — сдерживал Григорий нетерпение друга.

Подъемник опустился на цветочный ковер. Кабина открылась автоматически. Борис и Григорий вышли, не закрывая, однако, за собой дверь.

Ни один, ни другой не знали, что ожидает их.

Борис тотчас опустился на корточки. Цветы были обыкновенные — синие колокольчики. Нет, не обыкновенные: их нельзя было сорвать, невозможно переломить стебель.

— Что они — проволокой прикручены!

Борис осматривал красную полоску на пальцах. Как обычно, он потянул стебель к себе, цветок наклонился. Борис ощутил на руке влажность его лепестков, но сорвать цветок не удалось: стебель, как струна, резал пальцы. Сейчас Борис дул на медленно белеющую полоску.

— Попробуй! — крикнул он Григорию.

Тот ничего не ответил, думал, что Борис дурачится. Светлый прозрачный воздух, пьянящий большим количеством кислорода, солнце, синяя даль, похожая на спокойное море, рождали мальчишеское желание пуститься с Борисом вперегонки, плюхнуться в колокольчики и, задрав рубаху, подставить спину теплому солнцу.

Борис повторил:

— Ты попробуй...

Выбрав цветок покрупнее, Григорий потянул стебель к себе. Тонкая прохладная нить врезалась ему в пальцы.

— Да-а... — сказал он, отпустив стебель и шевеля пальцами в воздухе.

— Что ты на это скажешь! — спросил Борис.

— То же наверное, что и ты...

— Здоровенные парни, — развил его мысль Борис, — покорители космоса, не могут сорвать цветок с детской клумбы. Что скажут девушки!..

— Без иронии, Боря, это не простые цветы.

— За двести лет никто не встречал цветочков на проволоке... — не унимался Борис.

Григорий вошел в кабину, загремел в ящике с инструментами. Вынес обыкновенные, испытанные на Земле и на космических трассах кусачки. С трудом, действуя в две руки, друзьям удалось перекусить стебель цветка.

— Один... — сказал Борис, держа цветок на ладони. — А ведь их миллиарды!

Колокольчик лежал маленький, невесомый, слегка холодил ладонь. На срезанном стебле блестела капелька сока. Друзья разглядывали его, как живое чудо, не сразу заметили звенящий звук, дрожавший над лугом. Звук был настойчивый, непрерывный, такой же, как из приемника на корабле.

Они отошли от ракеты километра на полтора. Планета была меньше Земли, до горизонта подать рукой...

— Дальше идти не стоит, — сказал Григорий. — Везде те же цветы.

Друзья остановились. Звенящий звук лился над бесконечным лугом.

— Их кто-то выращивает, — говорил Борис о цветах.— Такая планета не может быть необжитой: солнце, воздух, тепло. Где же хозяева!..

Борис волновался. Григорий молчал — те же вопросы вставали и перед ним, а ответов не было.

Зато странностей было сколько угодно: ровная поверхность планеты казалась сглаженной, а цветы — посеянными. За ними не было видно почвы: космонавты не могли до нее продраться сквозь сетку переплетенных стеблей. При каждом шаге сетка пружинила, цветы не мялись, на них не оставалось следов. Как они получали питание, влагу, если над планетой не было облаков — Борис и Григорий убедились в этом за восемь часов облета.

— И я не уверен, что планета необитаема... — Григорий оторвался от моря цветов, взглянул на товарища.

Борис стоял, обернувшись назад, глаза его буквально лезли на лоб: от ракеты по направлению к космонавтам неторопливо шли два человека. Это были земные люди, они шли, оглядываясь по сторонам, иногда останавливаясь, жестикулировали. Машинально Григорий отметил, что один из них в оранжевом свитере, другой в синем. И сейчас же он рассмотрел их черты. По синему лугу шли Борис и Григорий... Они копировали жесты, походку Григория и Бориса, — были их двойниками!..

Космонавты не отличались робостью: Борис делал четвертый рейс, Григорий — шестой. Но сейчас, при виде самих себя на чужой планете, под чужим солнцем, их взяла оторопь. Борис-второй, что шел от ракеты, остановился, высвобождая ботинок из жестких стеблей колокольчиков. Григорий-второй протянул руку, чтобы товарищ мог на нее опереться... Все это было проделано точно так, как проделали космонавты минут десять-двенадцать тому назад. Борис высвободил ногу, и повернувшись к Григорию, улыбнулся. «Сказал спасибо...» вспомнил Григорий. И опять они, разговаривая, пошли по лугу.

— Может, я сплю, Григорий... — бормотал Борис, схватив друга за плечи.

Двойники подходили ближе. Они не глядели на Григория и Бориса: озирались по сторонам, оглядывали поле, цветы, словно не видели космонавтов или перед ними никого не было. С каждым шагом расстояние между ними и людьми сокращалось.

— Что же это, Гриша!.. — растерянно, по-детски спросил Борис.

Оставалось пятьдесят шагов. Тридцать...

—Эй!.. — крикнул Борис.

Никакого эффекта. Двойники даже не взглянули на космонавтов.

— Стойте!

Двойники подходили. Григорий-второй улыбался, глянул на небо — у настоящего Григория мурашки ползли по спине,— затем повернулся к Борису, сказал что-то, шевельнув беззвучно губами.

— Стойте!... — опять закричал Борис.

Ничто не помогало. Осталось с десяток шагов. Борис угрожающе согнул руки в локтях, готовясь отразить нападение. Двойники не моргнули глазом. В жутком молчании подошли вплотную и — вошли, влились в живых людей.

Но не это оказалось самым паршивым: от ракеты шла вторая пара — Борис и Григорий,— а из подъемника выходила третья...

— Вот это влипли! — сказал Борис, отирая со лба капельки пота.— Что бы я не дал сейчас, чтобы очутиться на родном космодроме...

Тотчас, скрыв третью пару, ракету, перед людьми возник космовокзал — семиэтажное белое здание, с башенкой радиомаяка, знакомое космонавтам каждым окном, изгибом архитектурной линии. Борис оглянулся: позади, у линии горизонта, стояло несколько ракет, заправочные машины, поодаль — купола ангаров, где проходили осмотр и ремонт после возвращения из космоса корабли, — все то, что Борис ожидал увидеть и что должно быть на космодроме Солнечный Гай в причерноморской степи.

Между тем двойники, вторая пара, подходившая к ним, были уже недалеко; опять Борис остановился, высвободил ботинок, Григорий протянул ему руку. Борис-двойник улыбнулся, пошевелил губами...

— Отойдем в сторону,— сказал Григорий, все еще чувствуя спиной холодок.

Они отошли, наблюдая за двойниками. Те, как ни в чем не бывало приблизились к месту, где космонавты только что встретили первых своих двойников, остановились словно в раздумье. Потом Борис-второй обернулся назад, рот его открылся от удивления.

— Увидел первую пару... — комментировал Борис-настоящий и сплюнул: — Ну и рожа!..

Григорий старался осмыслись происходящее, тоже следил за своим двойником, отмечая, что Борис абсолютно прав: физиономии у обоих были до отвращения глупыми.

Вторая пара, повернувшись лицом к ракете, вернее, к фасаду призрачного вокзала, топталась на месте, поджидая третью пару, и, беззвучно обменявшись словами, двинулась к Григорию и Борису, каким-то образом выделившись из третьей пары, которая теперь стояла на том же месте и ожидала кого-то, глядя на фасад здания.

— Где же ракета! — шепотом спросил Григорий Бориса.

Не успели стихнуть его слова, как ракета возникла на том месте, куда он глядел, у левого подъезда вокзала. Вторая ракета возникла в стене здания, куда глядел Борис. Рядом из стены вышла четвертая пара в синем и оранжевом свитерах.

— Ну, с меня хватит!... — Борис, не обращая внимания на двойников, ринулся к ракете. Григорий едва поспевал за ним.

Нижний люк корабля был открыт, подъемник распахнут. Но когда Борис хотел взяться за дверцу рукой, он ощутил только воздух.

Через час на видимом пространстве синего луга стояло восемь ракет, часть улицы, на которой жил в Одессе Григорий, аллея пирамидаль-

ных тополей, а на всей территории оранжевые и синие бродили призраки. Друзья старались ни о чем не думать, ничего не желать. Они уже накопили опыт: стоило что-либо вспомнить — от вокзального здания космопорта до обыкновенной пуговицы, — все тотчас появлялось перед глазами, и уже не было никакой возможности от него избавиться. Так появились статуи пионера и пионерки, виденные Борисом в одном из уголков приморского парка, решетчатый щит кинорекламы, клумба с цветущими флоксами, пара крутобоких морских валунов.. С мелочью еще можно было мириться. Хуже, когда появлялись здания, вроде вокзала. В стену запросто можно было сунуть руку, войти. Но удержать руку и удержаться в здании самому было нельзя: внутри были темнота и холод. Борис залетел сходу в космовокзал, но тотчас выскочил обратно к Григорию: темнота поглощала звук, невозможно было определить, где остался товарищ. Попробовали они войти, взявшись за руки, но тут же потеряли ориентировку и вышли назад, на солнце, пожалуй, случайно. После этого с полчаса наблюдали за двойниками, которые тыкались в стену и выскакивали обратно — зрелище не из приятных...

— Штука!.. — сказал Борис, тряся головой, будто отгоняя дурной сон.— Что будем делать дальше!

— Надо обойти вокзал. Ракета должна быть где-то за ним.

Двинулись вдоль фасада, свернули за угол здания. Но тут у них на пути вырос многоквартирный дом, вросший наполовину в вокзал, за домом поблескивал гофрированным алюминием ангар.

— Чертовщина! — выругался Борис.

Пришлось вернуться назад, к центральному входу в вокзал.

Так мы сотворим себе заколдованный круг из домов и ангаров!... — возмущался Борис.

— Ни о чем не вспоминай!— советовал ему Григорий.

Тотчас, скрыв левую часть вокзала, перед друзьями возник театр их космического городка, одна сторона его оказалась ниже другой, будто театр перекосило землетрясением.

— Не могу! — Борис схватился за голову. — Гриша, не могу, понимаешь!..

— Возьми себя в руки!..

— Они нас задавят! — Борис указал на здания.

Нотка отчаяния в голосе неприятно резала слух, но хуже, что Борис не замечал этого. «Только не поддаваться страху, — твердил Григорий себе, — не поддаваться страху, пусть все это непонятно, но — не поддаваться панике...». В то же время он оглядывался по сторонам, ожидая чего-то еще более непонятного. И это ожидание у него тоже рождало страх.

Солнце опустилось за горизонт, и без всякого перехода, словно взмахом крыла, космонавтов накрыла ночь.

— Хотя бы нам все это приснилось,—бормотал Борис, укладываясь спать на цветах рядом с Григорием.

Темнота спасла их от созданных ими призраков. Не стало видно двойников, бродящих по лугу, театра, полевой аллеи.

— Хотя бы,—согласился Григорий, не находя слов, чтобы ответить товарищу, другая мысль билась в его мозгу: только бы не сойти с ума...

Утро ничего не изменило в их положении. По-прежнему маячило здание космопорта, за ним — алюминиевый ангар, салютовали мраморные пионеры. Все так же кружили по кругу призраки.

— Будьте вы прокляты... — с ненавистью погрозил им кулаками Борис.

— Надо пробиться к ракете любым путем, — жестко сказал Григорий.

— Как!..

Григорий снял с себя оранжевый свитер. Это был добротный шерстолавсановый свитер, сотканный из толстых волокон.

— Держи, — подал Борису и, хладнокровно надрезав ткань, начал распускать свитер с воротника.

Получился солидный клубок, цветом похожий на апельсин.

— Теперь определим направление. Мы стояли вот так, — Григорий указал на удивленных голубчиков, стоявших на том месте, откуда космонавты впервые увидели двойников. — И смотрели сюда. — Григорий кивнул на очередную пару, появившуюся из стены космовокзала. — Они идут от ракеты. Станем на их пути...

Было неприятно становиться лицом к лицу с двойниками, ждать, пока они пройдут сквозь тебя. Но ничего другого не оставалось.

— Ну вот... — сказал Григорий, когда призраки пронизали их. — Вот и прошли... — повторил он, облегченно вздохнув, но так, чтобы не заметил Борис: призраки прошли бесшумно, неосязаемо, и все же столкнуться с ними было неприятно до дрожи.

— Держи, — сказал Григорий Борису, протягивая клубок. — И гляди, чтобы нитка была натянута.

Намотав конец нитки на руку и согнув плечи, как против ветра, Григорий вошел в стену здания. Борис разматывал клубок ему вслед, замечая, что нить уходит в стену все медленнее. Четыре, пять метров, — нить провисла, прогнувшись. Борис натянул ее, но вот она дернулась раз, другой и упала вниз. Борис потянул с поспешностью. Нить выпрямилась, но тут же упала снова, словно Григорий отступал, пятясь назад. Несколько раз он дернулся, пытаясь натянуть нить, прорваться вперед, потом нить ослабла и из стены боком, неуверенно вышел Григорий. Лицо его было синим от холода, глаза полны страха.

— Не пускает... — Григорий присел на корточки, тяжело дыша и растирая закоченевшие руки. — Вышвыривает и давит страхом...

Борис глядел на товарища. Клубок и несколько витков оранжевой нити лежали на цветах. Солнце, поднявшееся над крышей космовокзала, осветило клубок, запуталось в оранжевых петлях.

— Это все!.. — удивленно спросил Григорий, прикинув на глаз количество петель.

Стена вытолкнула второго Григория, с синим лицом и сведенными руками.

— Черт!.. — выругался настоящий Григорий, — у него тоже начали сдавать нервы, потянул Бориса в сторону. — Отойдем!

Они пошли прочь от стены космовокзала. Григорий молчал. Борис ждал, не прерывая его молчания. В нем закипела злость. Горячий по натуре, прямой, он не терпел неясностей, тем более необъяснимого. Лететь к Ориону, бороться с космосом — двести лет космонавты борются, бывает, и гибнут. Но там ясны причины и следствия: пески на других планетах, вулканы... А здесь — небо над головой, серебряный звон. И ты сам с собой, повторенный тысячу раз. Зачем это нужно! Кто даст ответ!..

— Мне казалось, — заговорил наконец Григорий, — что я блуждал в темноте бесконечно долго. Полная потеря чувства времени, понимаешь!.. Темнота не только поглощает свет и звук, она растворяет время. И это страшнее всего. Я провалился в бездну, меня охватило страхом. Больше я ничего не помню, — только бесконечный ужас падения... В космосе нелегко, но там хоть звезды, Борис. А здесь — ничего, кроме страха... Как ты меня вытащил, не понимаю. Там, по-моему, нет и воздуха, не помню, чтобы я хоть раз вздохнул...

Бессвязная речь Григория ничего не объяснила Борису. Он протестовал каждой жилкой своего тела против положения, в котором они очутились. Кто-то или что-то играло ими, игра была слишком неравной, и неизвестно, чем могла кончиться. Борис видел беспомощность их перед не-

известной планетой, они ничего не могли сделать.

Наконец он прямо поставил вопрос:

— Ловушка, Гриша?..

— Не знаю, Борис. Ничего не знаю. Пробиться сквозь темноту к ракете нам не удастся. Надо искать выход к спасению в чем-то другом. Если это ловушка, то чья? Зачем?

Солнце неудержимо лезло к зениту. Сутки на планете были меньше земных на одну треть. Восемь часов день и восемь часов ночь. Планета вращалась в плоскости экватора. Время было одинаковым на всех параллелях.

— Борис, — вдруг спросил Григорий.

— Что?

— Ты заметил, что двойники не дают тени?

— Тени?..

Ни двойники, ни тополя, ни здания космопорта не давали и признаков тени.

— Чертова планета, — выругался Борис. — Одни загадки!

— А еще, Борис, — продолжал спрашивать Григорий, — Ты хочешь есть или пить?

— Нет, не хочу...

— А сколько прошло, как мы сюда прилетели?

— Сутки.

— Что же все это значит?

— Хоть убей... — начал Борис.

— Чужая жизнь, Борис, разумная жизнь. Вот он каким получился контакт с инопланетной разумной жизнью.

Григорий сформулировал то, что обоим стало понятно чуть ли не с первого часа высадки на планету. Нелегко было признаться в этом во всеуслышание, признать, что никто из друзей этой жизни не понимает и не принимает. В чем смысл бесконечного кружения двойников? Темноты и безвременья внутри зданий? Что представляют собой цветы?.. За два столетия поисков разума во вселенной у людей выработался некий предполагаемый образец, стандарт разумного существа: братья по разуму чем-то должны быть похожими на людей, у них должна быть добрая воля, стремление к взаимному пониманию, сложился гомоцентризм. Правда, кое-кто в середине двадцатого века делал предположения, что носители разума не обязательно будут подобны людям, может быть, разум предстанет нам в виде плесени, пленки... Но такой взгляд не принимался всерьез. Утверждался и окончательно утвердился гомоцентризм. Тем более, что за все годы люди так и не встретились с разумом на космических трассах.

— Тогда будем рассуждать прямо, — сказал Борис, — зачем этой жизни превращать нас в игрушку, в беспомощных слизняков?

— Может быть, она испытывает нас на разум: как мы выпутаемся из этого положения.

— Экзамен!

— Нелегкий экзамен, — согласился Григорий. — И нам, чтобы хоть в какой-то мере быть признанными, надо искать достойный выход.

— Хотел бы я знать, какой?

— Во-первых, не метаться, как захлопнутым крысам...

— Гм... — ответил Борис. — А во-вторых?

— Не предпринимать ничего враждебного.

— Ох, Гриша, — вздохнул Борис, — будь у меня в руках нейтронный пульсатор...

Не успел Борис произнести этих слов, как в руках у него блеснуло оружие. Это не было призраком: пульсатор оттягивал руки, на нем была личная монограмма Бориса: «БР», спусковой крючок стоял на предохранителе, как был поставлен в ракете.

Борис растерянно глядел на оружие.

— Брось... — тихо сказал Григорий.

— Бросить?..

— Брось! — повторил Григорий.

— А что, — сказал Борис, — брошу. Никогда не поздно будет поднять...

— И не думай о нем, — сказал Григорий, уводя товарища в сторону. — Видишь ли... ,

Сказать в оправдание планеты можно было многое. Она могла уничтожить пришельцев по выходе из ракеты, могла не допустить корабль на поверхность, могла, ознакомившись с непрошенными гостями, умертвить их, развеять на атомы, задавить тьмой. И все-таки она ничего до сих пор им не сделала. Она моделировала их до бесконечности, воплощала их мысли в зрительный образ. В то же время планета не дала им погибнуть от жажды и голода. Почему они сыты, непонятно было обоим. Все непонятно в этом удивительном мире. Почему над планетой нет облаков? Почему не видно построек? Почему нет морей, водных бассейнов, а воздух не высушен, в нем нормальная влажность?.. Может быть, это сфера, футляр, вся жизнь спрятана в оболочку, как в скорлупу?.. А цветы? Что они — датчики, элементы энергосистемы, клетки гигантского мозга?.. Может, сама планета — разумное существо?..

— Как долго мы будем в этом плену? — спросил раздраженно Борис.

— Не знаю, — сказал Григорий.

— Что же нам делать?

— Ждать. И еще — думать, как выйти из положения, не теряя лица...

Борис засмеялся...

— Ждать с моря погоды...

— Возьми себя в руки! — сказал Григорий. ,

В эту ночь им не спалось.

— Как скоро за нами могут прилететь, Гриша? — спросил Борис. Он лежал ничком на цветах. Было невыносимо видеть звезды, чувствовать себя пленником.

— Не раньше, чем через месяц, — ответил Григорий. Бориса он понял: в экспедиции поймут, что с ними что-то стряслось, прилетят на выручку. Но времени уйдет не меньше месяца.

— Не выдержу... — угрюмо сказал Борис.

Григорий ничего не ответил.

— Не выбраться нам отсюда!.. — заговорил Борис, приблизив белеющее лицо к Григорию. — Чувствую, как за мной наблюдает что-то огромное, миллионноглазое, изучает, щупает, читает мысли. Может убить, может помиловать, оставить вот так, в плену, забыть обо мне. Лучше тысячу раз погибнуть в космосе, врезаться в астероид, — там все понятно. Но быть беспомощным кроликом... не выдержу, Гриша.

— Спи, — коротко ответил Григорий.

Борис уткнулся в руки лицом. Слышно было его тяжелое взволнованное дыхание. Григорий не мог утешить товарища. Он тоже видел безвыходность положения, жуть, окружавшую их со всех четырех сторон. В темноте все так же кружили призраки, подходили к ним, ложились бесшумно рядом каждые двенадцать минут. Григорий пытался не глядеть в темноту, но в мозгу у него уже сложился этот двенадцатиминутный ритм. Григорий открывал глаза и вздрагивал всякий раз, когда очередной двойник склонялся над ним. Действительно, можно рехнуться. Собирая всю волю, Григорий приказывал себе: «Спи!..».

Кажется, ему удалось вздремнуть. Но тут же едва слышный шорох разбудил его. Открыв глаза, Григорий увидел, как поднялся Борис и стоял на ногах, резко чернея на фоне звезд. Потом пошел в темноту.

— Боря!.. — окликнул его Григорий.

Не отвечая, Борис ускорил шаги. Григорий вскочил и кинулся вслед за ним. Оба они запомнили, где лежит нейтронный пульсатор — у крайнего угла мраморной лестницы, — и теперь бежали туда, один в десяти шагах от другого. Григорий догнал Бориса, когда тот, опустившись на

корточки, шарил в цветах. Оружие они схватили одновременно.

— Не смей!.. — прошипел Григорий.

— Уйди! — угрожающе ответил Борис.

— Боря!.. — пытался успокоить друга Григорий.

Борис крутил ему руку, пытаясь вырвать пульсатор.

— Размозжу... это гнилое яйцо...— бормотал он.— Пусти!

— Рожков! — крикнул Григорий, толнул товарища в грудь.

Борис покачнулся, ослабил руку. Григорий вырвал пульсатор и, размахнувшись, швырнул его в податливую темноту космовокзала.

— Назад! — сказал он Борису, рванувшемуся было в здание. — Приди в себя!

Борис как ребенок всхлипнул, обмяк, дал себя увести от ступеней вокзала.

— Обоим нам нелегко, — говорил Григорий. — Ну, подумаем, что можно сделать?

Они заснули, примиренные, прижавшись друг к другу.

Григория разбудил Борис незадолго до рассвета:

— Гриша...

Тот бесшумно поднялся, сел.

— Что-то изменилось, — сказал Борис. — А что — не пойму.

Григорий минуту слушал.

— Перестало звенеть! — сказал он.

— Правда, — согласился Борис. — К чему это?...

Они просидели до рассвета, вслушиваясь в бесконечную тишину.

Рассвет не принес никаких изменений: слонялись двойники по полю, боролись возле ступеней за нейтронный пульсатор, потом, примирившись, сгорбившись, шли через поле к ним. Борис скрипнул зубами.

Григорий, чтобы отвлечь товарища, начал было читать из русской старинной басни:

— Волк, думая залезть в овчарню, попал...

Но Борис глянул ему в глаза, и Григорий смолк: остроты не получилось. Да и сам почувствовал, что фальшивит.

Нечего было делать. Абсолютно нечего было делать. Это низводило людей до животного состояния. Человек будет человеком до той поры, пока находится в труде, в движении. Отними у него эту необходимость, и он превратится в амебу, в скота.

Тяжело Борис поднялся с цветов и побрел — просто так, чтобы не глядеть на очередную возню у ступеней вокзала. Григорий поплелся за ним. На пути у Бориса встали морские валуны — никто из друзей не помнил, чьим воображением они здесь поставлены. Борис не стал обходить валуны.

— Сгинь! — пнул ботинком один из них.

— Камень исчез. Космонавты остановились. У обоих захватило дыхание: сон или конец кошмару?.. Борис медленно обернулся к Григорию. Тот глядел на место, где лежал первый камень. Там были цветы. Только цветы. Медленно Борис поднял ногу на второй камень:

— Рушь! — пнул, что было силы, ботинком.

Камень исчез.

— А-га-а!.. — заорал Борис, вкладывая в голос торжество и надежду. Уперся взглядом в ракету, стоявшую возле космовокзала:

— Рушь!..

Ракета исчезла.

— Рушь! — обернулся к клумбе цветущих флоксов.

Флокты испарились, будто их не было. Борис захлебнулся в восторге. Но тут же набрал в грудь как можно больше воздуха!

— Рушь! — гаркнул на кособокий театр.

— Ру-ушь! — вскинул кулаки Борис на здание космопорта.

Мраморный красавец-дворец исчез. В блеске солнца на его месте встала натуральная их родная ракета.

— Бежим! — крикнул Борис Григорию. — Побыстрей, черт, тебе говорю! — Сделал к ракете два-три гигантских шага. Но тут же остановился: — Рушь!.. — крикнул свирепо многоквартирному дому.

Дом покачнулся, исчез.

— Ух, ты! — радостно вскрикнул Борис. И — Григорию: — Шире шаг!

Уже возле ракеты обернулся и уничтожил все корабли, маячившие на горизонте. Оставил только аллею из тополей и бестолково кружившихся по полю двойников.

— Подъем! — схватился за дверь подъемника.

В последний момент Григорий едва успел нагнуться, поднять единственный сорванный ими цветок.

— К чертям! — говорил Борис, запуская моторы. — Ни одной лишней минуты, иначе эти быдлы,— показал в иллюминатор на двойников,—полезут в ракету. Где их тут размещать?.. — Юмор возвращался к нему, привычная обстановка бодрила. — Старт!

— Но все же — как с ними быть? — спросил Григорий.

— Пусть остаются. На память.

— И тополя!

— И тополя тоже!

Когда через час на прощальном витке космонавты пролетали над этим местом, внизу не было ни аллеи, ни призраков. Только синий спокойный луг.

— Еще одна загадка планеты, — сказал Григорий.

— Пусть ее разгадывают другие, — буркнул Борис. — Не я...

Однако, отоспавшись, придя в обычное равновесие, Борис почувствовал, что с вопросами ему одному не справиться. Вахта тянулась медленно, а число вопросов росло, точно снежный ком. Видя, что Григорий не спит, Борис постучал в его каюту.

Григорий лежал на кровати, сумерничал без света.

— Гриша, — спросил Борис, поняв, что минута для разговора удачная.— Сколько мы пробыли на планете?

Григорий пожал плечами, не понимая, зачем это потребовалось Борису.

— У меня тут расчет,— продолжал Борис.— Очень простой: восемь часов облета и на планете двое суток по шестнадцать часов — тридцать два. Сколько всего?

— Сорок, — ответил Григорий.

— А нам на обследование планеты сколько было дано?

— Сорок часов...

— Прикинь — совпадение это или нет?..

— Что ты хочешь сказать?— спросил Григорий.

— Кто-то знал на планете точно, сколько нам дано времени.

Григорий молчал. Борис присел к нему на кровать:

— Помнишь, мы говорили об экзамене?

— Помню.

— Ты и сейчас так думаешь?

— Может быть...

— Что значит «может быть»? Отвечай прямо.

— Я все время об этом думаю.

— И до чего дошел?

— Странные вещи приходят в голову.

Борис с интересом ждал.

— Все что мы... создали там — другого слова не подберу — космовокзал, театр, — заговорил Григорий, — было создано мыслью. И разрушать его можно было только мыслью...

— И мы до этого не додумались...

— Не додумались, Борис.

— Надо было подфутболить камни сразу же, как они появились.

— Надо было, ты прав.

— А мы с маху ломились в стену...

— Глянуть со стороны — это варварство.

— Такое впечатление после себя и оставили.

— Неважное впечатление.

Борис помолчал, ему было стыдно за случай с пульсатором. Чтобы пе-

ременить разговор, он спросил о другом:

— А двойники! Кому они понадобились в таком числе!

— Может быть, чтобы лучше изучить нас...

Борис не согласился с этим предположением. Но своего объяснения у него не было. Он спросил:

— Считаешь, что у нас вышло плохо!

— Тем, кто прилетит после нас, будет легче...

Борис хотел уходить, но Григорий, поднявшись с подушки, сказал:

— Погаси свет.

Борис погасил. Когда глаза начали привыкать к темноте, он увидел на столике, где лежал синий цветок, слабо светящееся пятно.

— Что такое! — спросил Борис.

— Погоди еще, — ответил Григорий.

Спустя минуту Борис различил синий цветочный венчик и над ним клубящийся шар, величиной со среднее яблоко.

— Это я увидел сегодня, — сказал Григорий. — До сих пор цветок был в шкафу.

Можно было заметить, что шар над цветком вращается.

— Альбаросса! — сказал Борис.

— Цветок вспоминает планету.

— Ты говоришь о нем, как о живом...

— Я говорю больше: вся планета была живая — один мыслящий мозг.

Через несколько дней шар уменьшился до размеров сливы, потом вишни, потом горошины и исчез совсем.

Одновременно умер цветок. Превратился в горстку серого пепла.

Юрий СКОП

МОЛЧАТ РУЖЬЯ

Не умею молиться, потому что не знаю молитв. Умею стрелять, но уже, по всей вероятности, никогда не стану охотником.

И тем не менее, однажды, пусть даже не до конца осознанное таинство выстрела и почти случайное соприкосновение с неизъяснимым миром древних охотничьих наговоров и молитв, особой своей властью возвращают меня в ту реальность, что обозначена словами «сибирский промысел, охотничья тайга, азарт».

От тех мест, о которых хочу сейчас рассказать, отделяют меня и неизбежное время, и тысяча километров самой разной дороги, и только по памяти можно восстановить дальнюю даль, где под крышей пятьдесят шестой параллели догорают осенние лиственницы, серый мозгляк-туман стоит над Байкалом, в бесконечных калтусах дельты Верхней Ангары и Кичеры шлепают по воде хвостами ондатры и нервная перелетная птица раскатисто крякает в ветренной мгле.

Но самыми характерными звуками здесь в эти первые месяцы осени являются сначала непонятные, как бы придавленные пространством, хлопки — будто кто-то без конца, и на закатах, и на утренних зорях раскупоривает тугие бутылки — началась, как говорят, утиная охота, дробь извлекает из ружейных стволов короткие аплодисменты, и нет-нет, да и рушит в холодную байкальскую рябь недолго пожившую птицу.

Мы огибали на моторке светлую песчаную намытину — коргу и гнали впереди себя штук пять серых уток. Они бежали по воде, стараясь разодрать связь, удерживающую их внизу, крылья работали часто и, казалось, утки несут на себе коромысла, а полета так и не было.

— Хлопунцы,— сказал парень-охотник.

— Незадача... Поздние шибко. Вот ить сентябрь, а крыла нет. Все одно сгибнут, хлопунцы-то...

Надолго застряло в памяти видение немогущей оторвать себя от воды хлопунцовой утки, и разные объяснения не помогали: птица должна летать...

А потом, недели через две, когда я возвращался назад и «Сватош», катер Баргузинского заповедника, убежал наконец от девятибалльного шторма и присел на якорь в Чивыркуйском заливе, деревушки Катунь, что почти на берегу озера Арангатуй, довелось услышать мне от местных рыбаков и еще одну байку, тесно связанную с судьбой опозднившейся птицы.

— Гошка Черков, из Макаринина, ноне тыщу яиц утячих на Арангатуе по весне собрал и в сельпо принес сдавать. Ушлый, черт! И сдал бы, да вот прихватили. На три сотни новыми оштрафовали. Это обыкновеннейшее дело — яйца дичинные собирать...

Я представил себе птичью драму: Арангатуй — прелестное озеро, вделанное природой в рукоятку полуострова Святой Нос, соединяющую его с материком; по весне здесь собираются неисчислимые птичьи базары. Утки, гуси и даже лебеди садятся на воду после дальних своих перелетов, жируют и кладут яйца, ежегодно повторяя то, что завещано им зовом естества. А Гошка Черков собирает из гнезд их надежу на будущее потомство, и птица, поплакав по-своему, теряя время, идет на вторые кладки и выводит-таки птенцов, и бережет их от луней и лисиц, а когда приходит пора вставать на крыло, так, наверное, и не понимает, почему же крылья изменяют и не имеют сил, чтобы забросить ее к низким осенним облакам.

Огромен Байкал и державен. И как бы там ни было — трагичен.

Как и кому нужно объяснить свою любовь и чистоту заинтересованности к его судьбе, чтобы тот, от кого эта судьба зависит, не боясь слова «трагичен», задумался, а, может быть, действительно, что не так на обветренных байкальских широтах!

Ей-богу, до чего же не хочется оставаться в роли хлопунцовой утки и зазря носиться пером по бумаге.

А суть проблемы, которую попытаюсь более или менее толково изложить, довольно проста — на Байкале, а, значит, в Сибири исчезает охотник, утрачивается исконная, гордая и независимая популяция мудрого и чуткого промысловика, а сам промысел, традиции которого уходят в века, мельчает, и новое поколение сибиряков, если не смотрит на ружье, как забаву, то делает его равнодушным орудием истребления не так уж и безответного мира Природы.

У Даля: «В Сибири бабы коромыслами соболей бьют...»

У Александра Черкасова — автора замечательных «Записок охотника Восточной Сибири», впервые изданных в 1867 году: «...Правду говорят здешние промышленники, что придет скоро время, когда их детям нельзя будет отличить соболиного следа от беличьего...»

Я — сибиряк. Я — родился в семидесяти километрах от Байкала, и, честное слово, только недавно, после того, как много поездил, походил по таежным районам и сам себя попытал в роли егеря, отчетливо почувствовал тот разрыв, ту дистанцию, что отделяет меня от истинного понимания Природы, на какое способны коренные байкальские следопыты. И мне — сибиряку — не раз уже приходилось краснеть за свои неумелые руки, не приученные к тайге глаза и уши и становилось больно оттого, что так много потеряно из-за существования вышеназванной дистанции.

Это признания городского жителя. А в Нижне-Ангарске, самом северном байкальском поселке, что является своеобразной столицей огромного охотничьего края, на который падает одна пятая всей добываемой в Бурятии пушнины, приходилось слышать и более горькие откровения от людей, живущих только охотой, только промыслом. Но для начала несколько экономических выкладок.

Северо-Байкальский район — это почти 6 миллионов гектаров охотничьих угодий.

В коопзверопромхозе на сентябрь месяц насчитывалось 22 штатных охотника (штат колеблется, но самое большее бывает в хозяйстве людей — 40).

Общее количество охотников в районе, это с колхозниками и любителями — 271 (данные по переписи 1966 года).

Всего в районе ружей — 580; собак промысловых — 250; капканов — 13450.

Прошлогодний план по добыче лесотаежной пушнины выполнен всего на 40 процентов.

Страна недополучила 70000 рублей, 33000 шкурок ондатры, 1000 соболей и т. д.

Итак, 6 миллионов гектаров драгоценной тайги и 22 человека с ружьем!

Еще раз обращаюсь к «Запискам» Александра Черкасова, потому как он еще сто лет назад снял у меня с языка слова, которые хотелось бы употребить и сегодня:

«...леса в Восточной Сибири, относительно зверопромышленности, играют первую роль. Местами они так велики и обширны, что решительно нельзя определить в настоящее время пространства, занимаемые ими, не только положительно, но даже и приблизительно. Разве только деятельное потомство наше неусыпными трудами своими, при значительном населении Сибири, в состоянии будет показать, хотя и приблизительно, их громадность...»

Прошлую зиму Альберт Шарыкин, охотовед Северо-Байкальского коопзверопромхоза, ушел в тайгу, чтобы проверить работу промысловиков на местах. И два месяца бил в гольцах тропу, обойдя только двенадцать человек, а потом на перевале шальной верховик сдунул его вниз, Альберт, падая, сломал ребро, но сберег лыжи, и после с трудом добрался до жилья, уже не в силах даже рубить на ночлегах дрова.

Мне знакома угрюмая настороженность пространства по Чае, Маме, Холодной: белые долины, черная тайга и гольцы, ампутированные сверху облачной непроглядью, одинокие зимовья и тишина, редкий-редкий, а от этого по-особому дорогой лай собаки и следовые кроссворды на зализанном пургой снегу.

Вряд ли стоит говорить о сложностях и тяготах охотничьего промысла в здешних местах. Каждый добытый соболь только неизмеримой частичкой закрывает то, что было перед этим моментом у человека с ружьем: сорванное дыхание, пот, усталость, жажда, равнодушие, одиночество, злость, азарт...

Пять-шесть месяцев оторван охотник от «большой земли», причем оторван полностью, и что с ним происходит, происходило, произойдет сегодня, вчера, завтра — знает, пожалуй, кроме него самого, лишь то, что люди называют богом.

Уже знаком штат Северо-Байкальского коопзверопромхоза с трагедиями, поздним эхом прикатившимися в Нижне-Ангарск из тайги: шатун-медведь задрал охотника, болезнь чуть не оборвала жизнь другому...

Я спрашивал у одного из опытных следопытов Николая Яковлевича Воропаева, второй десяток лет промышляющего в прибайкальских просторах:

— Сыновья ваши, наверное, тоже пойдут в тайгу!

— Ты што, паря... Ни к чему. Сашка в армии, Толька трактористом. Пущай живут без тайги. На материке деньги полегче, да и побольше.

Примерно такие же ответы получал я и от других промысловиков, и, откровенно, правдивость их обескураживала: сибиряки... и теряют интерес к тому, что совсем недавно было делом всей их жизни. Само собой возникал вопрос — почему!

В бухгалтерии коопзверопромхоза я познакомился с расчетными ведомостями добытчиков, причем, мне показали результаты заработков за средние года. Таким, к примеру, был 1965-й. Вот все деньги одного из лучших охотников — Юрьева Георгия Андреевича. Он ходит с ружьем с 1961 года. Посмотрите, за что он получал плату.

Добытая пушнина — 2148 рублей, отлов рыбы — 363, строительство избушек — 161, поделка печей —9, премия за перевыполнение плана — 120, отпускные — 273, заготовка дров — 25, сдача тушек ондатры —16, сбор ягод — 96, прочие работы — 4 рубля. Среднемесячный заработок равняется 268 рублям, а годовой — 3215.

Посчитали мы среднемесячный доход и самого среднего охотника, то есть того, что не значится ни в передовых, ни в отстающих. Получилось — 131 рубль 37 копеек.

Что ж, вроде бы и ничего на первый взгляд. Жить можно. Но если отбросить от этих окончательных сумм пятьдесят процентов северных надбавок, коэффициента, то выйдет, что месячная работа промысловика на Северном Байкале стоит всего лишь 66 целковых. А если учесть 5—6 месяцев одиночества, риска и так далее, то вы, наверняка, согласитесь с мнением Воропаева-отца:

— Ты што, паря... На материке деньги полегче, да и побольше...

30—31 мая этого года в Москве состоялось расширенное совещание руководящих работников Управлений охотничье-промысловых хозяйств и госохотинспекций АССР, краев, областей, госзаповедников и охотустроительных экспедиций системы Главохоты РСФСР. На нем был заслушан доклад Н. В. Елисеева «Охотничье хозяйство РСФСР за 50 лет Советской власти и задачи по его дальнейшему развитию».

В докладе отмечено, что в наследие от царской России Советская республика получила опустошенные охотничьи угодия, что продукция сегодняшнего охотничьего хозяйства является сырьевой базой меховой и фетровой промышленности, используется в медицине, кожевенном и парфюмерном производствах, что охотничьи богатства республики являются основой промыслового хозяйства Советского Союза и дают 80 процентов пушнины, добываемой в стране. По таким ценным видам пушных зверей, как белка, соболь, песец, горностай, колонок, норка, на долю РСФСР приходится 96—100 процентов их добычи. Сегодняшняя промысловая охота из единоличного занятия превратилась в важную отрасль колхозного и совхозного производства. Общества охотников объединили 1,5 миллиона любителей.

Говорилось на совещании и о следующем: охрана государственного охотничьего фонда осуществляется слабо, воспроизводство и биотехнические мероприятия проводятся в незначительных масштабах, закрепление охотничьих угодий за пользователями проходит медленно. Действующие заготовительные цены и наценки хозяйствам на пушнину материально не стимулируют дальнейшее развитие пушного промысла, техническое оснащение — на низком уровне, существующая сеть госзаповедников и заказчиков недостаточна.

А вот выдержки из Постановления бюджетной комиссии Верховного Совета РСФСР от 17 декабря 1966 года.:

«...Бюджетная комиссия Верховного Совета РСФСР отметила, что закупка пушнины на территории РСФСР находится в ведении нескольких организаций, деятельность которых разобщена и не координируется единым государственным органом. В республике нет общего плана развития охотничье-промыслового хозяйства, отсутствует планомерное освоение охотничьих угодий, а отдельные угодия не опромышляются. Количество промысловых охотников сокращается, материально-техническая база промысла и бытовые условия охотников находятся на низком уровне. Крайне низкие закупочные цены на сдаваемую охотниками пушнину не создают материальной заинтересованности. Количество закупаемой валютной пушнины с каждым годом сокращается...»

У кого что болит, тот о том и говорит. Сидим в конторе коопзверопромхоза и за папиросами обсуждаем с охотниками житье-бытье.

— А вот ты хоть сам рассуди, — говорит Афанасий Петров, — упирался я нонче, упирался, а соболя мои по 35 рублей обошлись. И добрые соболя. И попробуй докажи, что головных зверей брал нынче... Некому доказывать. В одночасье обозлился, а у нас на таборе

шкурка соболья валялась, лисой объеденная. Выбросил ее на крышу старик охотник Кузнецов. Подобрал я ее, значит, и на пялку сколь можно и растянул. А потом сдал. И на те... Оценили сей огрызыш выше доброй шкурки. Вот такая, дорогой товарищ, непуть приключается с нашим братом.

Чтобы ясней и понятней стал рассказ Афанасия, следует коснуться и популярней изложить принципы и методы оценки добытой пушнины, существующие пока, к сожалению, в охотничьем мире.

Взял я в тайге, к примеру, соболя, первично обработал шкурку, высушил, расчесал, выхолил и принес ее приемщику. Тот, пользуясь Постановлением Совета Министров СССР от 10 мая 1963 года № 511 «О закупочных ценах на невыделанные шкурки соболя», определил кряж, к которому относится зверек, а их всего девять: баргузинский, камчатский, якутский, тувинский, амурский, алтайский, минусинский, енисейский, тобольский, затем опознал цвет соболя — их 4, и они делятся на головку высокую, нормальную и подголовку высокую (1 цвет), подголовку нормальную (2-й), воротой темный (3), воротой нормальный и меховой (4), и оценил соболя конкретно, скажем: твой зверек — кряж баргузинский, первый цвет, головка высокая...

Подобная шкурка по перечисленному прейскуранту стоит 100 рублей, но приемщик, подстраховывая себя (вдруг ошибся), не даст мне 100 рублей, а, скажем, 70 (вдруг на пушной базе в Иркутске не подтвердят его оценку).

После этого шкурка метится пломбой и уходит в Иркутск, а добытчик получает лишь 50 процентов от 70 рублей. И только окончательная «дегустация» меха на областной пушной базе позволит охотнику получить полную сумму. Но к тому времени шкурка его может стать дешевле, так как приемщики на базе по каким-то своим, неведомым промысловику соображениям, занизят стоимость.

Одним словом, приемка пушнины приемке рознь. Вопрос «дегустации» меха, квалификации приемщиков — предельно важный: ту же самую шкурку можно увидеть по-разному, если рассматривать ее при различном освещении, настроении, заинтересованности. Уже на этом этапе происходит масса казусов, подобных рассказу Афанасия Петрова. К тому же мне, лично, непонятно и другое — почему охотник, сдавая пушнину государству, не сразу получает всю сумму, назначаемую приемщиком! Ведь на базах шкурки после поступления фактически обезличиваются, вороха меха, в которых смешивается трудный поиск сотен промысловиков, утрачивают первоначальные пломбы, а коопзверопромхозам запрещено сопровождать свою пушнину, то есть посылать своих представителей, которые бы смогли квалифицированно отстаивать, защищать, спорить с «богами» — ценителями областных баз.

Вероятно, назрела, ох, как назрела необходимость пересмотра существующего положения. Стоит, на мой взгляд, прекратить игру охотников в эту странную и, зачастую, проигрышную лотерею.

Поговорите с охотниками на Северном Байкале, — они не совсем доверяют тем, от кого зависит судьба их будущего заработка. Мне не раз приходилось слышать о том, что именно на приемных этапах возникают различные махинации с пушниной. В конце концов, на самом деле, я сдал шкурки, приемщик при мне опломбировал их, и я ушел, а откуда теперь знать мне, что сразу же после меня приемщик не снимет пломбы и не наденет их на другие шкурки. Вот если бы каждый охотник имел свой именной пломбир, тогда... Впрочем, специалисты могут, наверное, предложить и более радикальное — им и карты в руки.

Еще одна проблема. К ней стоит прислушаться: существующая система цветовых категорий при оценке стоимости шкурок соболя достаточно сложна и требует, как говорилось выше, высокой квалификации от оценщика.

Добытчики на Байкале предлагают: отменить всю эту мешанину «высоких, нормальных головок и подголовок», а определять стоимость соболя по кряжам и дефектам, то есть, если кряжевая градация стоимости соболиной шкурки начинается от 28 и кончается 100 рублями, то не лучше ли назначить твердую среднюю стоимость по всем видам кряжей.

К примеру: баргузинский, камчатский и якутский кряжи по цветам стоят от 28 рублей до 100 — вот и надо определить этой группе постоянную цену, скажем 60 рублей и тщательно следить за дефектами. Причем, выплачивать деньги за труд охотнику необходимо единовременно, без всяких чересполосиц.

Не многим известно, что в начале нынешнего века российские ученые были крайне обеспокоены разразившейся в стране соболиной катастрофой, выразившейся в буквальном испарении короля пушных зверей. Именно тогда, по проекту выдающегося охотоведа А. А. Силантьева были отряжены в исконные соболевые места три партии: Камчатская во главе с Керцелли, Восточно-Саянская с Д. К. Соловьевым и Байкальская с Г. Г. Доппельмаиром.

Опубликованы результаты этих легендарных экспедиций, научное значение которых не утрачено и по сию пору. Так, Баргузинский заповедник на Байкале — детище Г. Г. Доппельмаира и его сподвижников — Батурина, Александрова, Забелина, Сватоша. Первый в России соболиный резерват оправдал себя, драгоценный баргузинский соболь, чья темная одежка не может не восхищать, — сохранился, пережил свою смерть и сейчас достойно представляет гордость русского меха на самых именитых международных аукционах.

Откроем работу Г. Г. Доппельмаира «Соболиный промысел на Северо-Восточном побережье Байкала». Вот что писал Н. Козьмин в предисловии к этой книге, опубликованной в 1926 году: «...если соболиная шкурка, проходя в сыром виде, от соболиной речки на Байкале до Нижнегородской ярмарки, возрастала в цене в геометрической прогрессии, то в выделанном виде, на заграничном рынке, она имела цену, во много раз превышавшую первоначальную цену. Лишь при организации скорняжного промысла на Байкале можно было бы добиться, чтобы охотник получал в свои руки возможно большую часть рыночной цены вполне выделанного меха...».

Жаль, что государственные охотничьи хозяйства не получают информации с проходящего в Ленинграде пушного международного аукциона и не знают во сколько же ценят их пушнину зарубежные бизнесмены. Думается, что такого рода информация воспитывала бы в сибирском охотнике гордость за свой тяжелый и благородный труд. Но прежде необходимо поднять материальную заинтересованность промысловика — платить ему надо в полной мере.

Низки закупочные цены на белку, горностая, колонка, естественно, что добытчик стремится в основном брать у тайги соболя. Не знаю, в шутку или всерьез, но слышал я на байкальских охотничьих становьях и совсем диковинные суждения — мол, иду если по соболь, то на белку и смотреть не стану, хрен ли с ней, рублевкой, возиться...».

А что сегодня происходит с нерповкой, отстрелом байкальской нерпы!

Нынче весной, а она выдалась на редкость дружная и ранняя, довелось мне пересекать Байкал по лопающемуся льду на мотоцикле. Выбирался я из Давше — центральной базы Баргузинского заповедника. Нас было трое — еще охотники Миша Михалев и Юра Татаринов. Блуждая среди трещин и торосов по шаху (местное название голого льда), мы не раз натыкались

на таборы нерповщиков. Пили чай, ели мясо куматканов — двухмесячных нерпят, разговаривали.

До этого года нерпу стреляли на Байкале, в основном, из-за сала. Шкура красивого морского зверя государство почти не интересовала, и она перерабатывалась вместе с жиром. Конечно, испокон подлеморские жители — сибиряки, эвенки — находили и для шкур применение: шили из них прекрасную охотничью обувь, но, главное, что интересовало, — мясо и сало.

Так или иначе, но после зимней Олимпиады в Инсбруке, где наши спортсмены щегольнули шапочками и куртками из странного меха, шкура байкальской нерпы, отливающая серебристым блеском морской волны, — вошла в моду. И на Байкале немедленно стали промышлять лишь куматканов на мех, теперь уж не обращая внимания на мясо и на сало. Во всяком случае, нынешняя нерповка показала полную растерянность руководителей рыболовецких колхозов. Они не знали, как платить нерповщикам и за шкуры, и за сало, и за мясо. И, обратите внимание, последние зачастую выбрасывались на лед, а шкура нерпы была оценена всего в шесть рублей.

Больно и стыдно становилось за Байкал, за его природу, дающую людям такую диковину — нерпу. Неужели, сетовали охотники, у руководителей утратился дар соображения...

Вернемся к Постановлению бюджетной комиссии. Помните, в нем есть фраза:

«...количество закупочной валютной пушнины с каждым годом сокращается...».

Об этом же говорится в решениях майского совещания в Москве:

«...необходимо принять меры по усилению ответственности за скупку и переработку пушнины частными лицами...»

Очень и очень своевременное беспокойство. Припоминаются когда-то и где-то читанные указы Петра I. Тот безжалостно наказывал за утечку из казны мягкой рухляди — Петр требовал рубить хищникам руки.

В Северо-Байкальском районе о продаже пушнины на сторону промысловики говорят не скрывая.

— Сколь добываем зверя и сколь сдаем государству, так столь, однако, и налево уходит, а может и боле...

Не могу не коснуться и положения с браконьерством. Оно и бич. С катастрофичным уменьшением числа охотников-профессионалов, с утратой истинных традиций честного промысла, когда человек с ружьем и зверь по-настоящему борются за право существовать, а финальный выстрел — заслуженная победа, на охотничью арену Сибири выходит охотник-дилетант. Он не знает тайги, не утруждает себя желанием понять, что же такое Природа, курки его ружья будут незамедлительно спущены, как только что-нибудь живое предстанет перед стволом. Дилетанты оскорбляют доверие Природы, вламываются в зимовья, беззастенчиво грабя их, жгут тайгу, оскверняют места ночлегов.

Байкалу еще повезло. Географическая удаленность, труднодоступность из-за слабого развития транспортных средств, малая обжитость его побережий — сами по себе отводили от сибирского моря «хладнокровных» представителей цивилизации. Но всему приходит конец: самолеты, корабли, железная дорога, которая вскоре соединит и байкальский север с «большой землей», откроют вход разным людям к когда-то сокровенному, полутаинственному.

А Байкал — он один — на всем свете. И как не беспокоиться за его судьбу.

В двадцати километрах от Нижне-Ангарска, если двигаться строго на север по речушке Холодная, выйдешь к деревне, носящей то же название. Холодная — родовое селение байкальских эвенков. Здесь я познакомился с пожилой колхозницей артели «Дружба» Марией Петровной Урончиной.

Вот ее рассказ-письмо:

— Мы, эвенки, ходим по тайге каюрами в экспедиции, на охоту. И идем ли мы по болоту, или по лесу, тропы наших дедов и отцов еще заметны: затесы видны, а на каменистых россыпях — трибунки. Все это теперь очень трудно рассмотреть, но все же приходится находить, потому как эти тропы — наилучший путь. И мы оставляем новые затесы, новые трибунки для других.

И вот меня беспокоит — сейчас стало забываться многое из добрых обрядов и привычек наших отцов и дедов. Некоторые молодые люди не имеют представления о том, что знало старшее поколение. Они не смогут сегодня изготовить те изделия, которые умели делать старики. Из бересты раньше эвенки мастерили с узорами и рисунками туески и даже летние юрты. А сколько красивых вещей было из камуса, шкур зверей! Унты, эверы, эмчуры, олочи — все это постепенно начинает забываться. А найдешь ли удобнее обувь для охотника! Она и легка и красива. Или потребовались лыжи молодому охотнику — идет к деду Роману.

— Будь добр, сделай, пожалуйста.

А он-то, дед Роман, ведь не будет жить века, или тетя Марья, или Дарья.

Я вожу своих детей по тайге на охоту и каюрами. Учу их преодолевать трудности таежной жизни. Я учу их обдирать и выделывать шкурки зверей. И за эти годы они многое поняли, многому научились. Я считаю, что это обязательно им нужно, точно так же, как и учиться грамоте. Не стоит забывать хороших эвенкийских привычек и обычаев.

Вся наша жизнь — Природа.

Я думаю — было бы хорошо, если учить детей в школах шитью кумаланов, унтов, навыкам охоты. Пусть и не только эвенкийские ребятишки учатся, но и русские. В жизни пригодится любое умение. Я так думаю...

Шумел за стенами дома ночной ветер, при свете керосиновой лампы, час был поздний, и электростанция замолчала, старая эвенка шила унты, ловко щепя оленью жилу, и рассказывала. Я смотрел на ее изрытое морщинами лицо и думал: старуха мыслит по-государственному... И еще подумалось — чем-то схож по внутренней интонации рассказ Марии Петровны с охотничьей молитвой...

Сибиряк... Там, за Уральским хребтом, в нашей Европе это слово, скажем, встреченное в разговоре, для меня звучит всегда по-особому. Сибиряк — и сразу же ассоциация: здоровый человек, с обветренным лицом, сильными руками, умным прищуром небольших глаз. Сибиряк — для меня, прежде всего, производное от чего-то гордого, независимого, здорового. Мы все в ответе за потомство наше, ведь ему предстоит еще так много сделать, особенно, в Сибири. И не надо думать, что охота и промысел безнадежно устарели и утратили свое значение перед оглушительной поступью цивилизации.

Когда старость, мудрая и углубленная, заставляет человека из крохотного селения на Холодной говорить:

— Вся наша жизнь — природа, — становится грустно от понимания неестественных противоречий, созданных самими же людьми между Природой и Цивилизацией.

Я пишу эти строки, а далеко-далеко от них в черной немой тайге бежит по распадку охотничья чумница — лыжня. Она стелется за свежим, парным следом соболя.

Шесть миллионов гектаров настороженно следят за

двумя-тремя десятками человек, вышедших на извечный путь промысла. И снова гадает охотовед Альберт Шарыкин — как они там, его мужики!

В коопзверопромхозе нет ни раций, ни вертолетов, чтобы слетать к добытчикам и проверить дела. Альберт говорит мечтательно:

— Хоть бы дирижабли скорее строить начали. А то за час работы «МИ-4» 240 рублей платим. Посчитай во сколько обходится нам завоз и вывоз охотников. Из-за расстояний тьма тайги нестреляной остается. Молчат ружья на Маме, в дальних Чайских гольцах. Но, главное, конечно, охотники... Пропадает интерес к охоте, к ружью...

Я внимательно перечитываю древнюю охотничью молитву. Мне нравится ее финал:

«...В заключение же всего будьте мои слова крепки и крепки. Крепче ножа, крепче камня, крепче шила бергумецкого».

Может быть, я чуть-чуть научился молиться! За Сибирь это, ей-богу, стоит.

Северный Байкал,
август—октябрь 1967 г.

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Василий ТРУШКИН

ПОЭЗИЯ ПРОЗЫ

О творчестве Валентина Распутина

Давно и пристально присматриваюсь я к творческим исканиям Валентина Распутина, чей путь в настоящую литературу мне представляется очень органичным, как-то по-особому естественным, внутренне подготовленным. Он не сопровождается ни световыми, ни шумовыми эффектами. Огонь его творчества горит ровным пламенем, но это настоящий, а не холодный бенгальский огонь, тешащий нас на мгновение ярким многоцветьем, чтобы тут же погаснуть, не оставив по себе и следа.

Мне памятны первые газетные заметки и очерки Валентина Распутина, с которыми он выступал на страницах «Советской молодежи» на рубеже пятидесятых-шестидесятых годов. Уже тогда они привлекали читателя своей безыскусственной правдой — правдой человеческих характеров и судеб, подмеченных острым взглядом газетчика, но поданных без обычных журналистских штампов, с проникновенностью художника.

Надолго запомнился мне рассказ, впервые прочтенный мною лет пять назад в альманахе «Ангара». Это был рассказ о старой тофаларке-охотнице, муж которой погиб на войне. Вся жизнь ее прошла на таежных просторах, и она никак не может понять, зачем же люди убивают друг друга, когда кругом столько приволья. Меня, читателя, до глубины души взволновало неизбывное горе этой старой женщины с ее наивно-недоуменными вопросами «зачем» и «почему», вопросами, в сущности по-человечески такими понятными, ибо на них и в самом деле нет и не может быть ответа, который бы полностью приняло наше сердце.

Непоседливая профессия журналиста-газетчика забрасывала — и не раз — В. Распутина в самые отдаленные и глухие уголки Сибири. Особенно полюбились ему Саяны, где чуть ли не на самой границе земли и неба живет маленький трудолюбивый народ — тофалары, потомственные охотники и звероловы. Пытливый и любознательный журналист, Распутин не однажды бывал в старых тофаларских юртах и новых, свежесрубленных, еще пахнущих смолой домах, подолгу сиживал за чашкой чая у костра, под открытым, усыпанным звездами небом, что напоминало ему порою расшитый «халат фокусника». Сидел, вслушиваясь в гортанную речь своих гостеприимных хозяев, в их песни, такие же тягучие и длинные, как и само время охотника, подолгу выслеживающего свою добычу. Его волновали легенды, рассказы и предания этих мужественных, с открытою душой детей гор, волновали их судьбы, весь уклад жизни и быта маленького народа, отрезанного от всего мира тайгой, горами, бурными горными потоками, поставленного один на один с суровой природой.

Так родилась одна из первых книжек писателя — сборничек очерков и рассказов о Тофаларии — «Край возле самого неба», изданный в 1966 году Восточно-Сибирским книжным издательством.

О Саянах, в том числе и тофаларах — давних аборигенах Саян — писали многие — ученые, журналисты, писатели. Очерки о тофах есть у Марка Сергеева, увлекательную книгу «Мы идем по Восточному Саяну» написал Григорий Федосеев. Еще раньше, в самом начале 20-х годов с серией очерков под названием «Из саянских скитаний» выступил в «Сибирских огнях» Максимилиан Кравков, прекрасный рассказчик, хорошо чувствовавший художественное слово. Кравков также писал о старых преданиях и легендах жителей Саян, рассказывал о том, с каким трудом перебирались его герои через пороги Тагула, как гибли в саянских дебрях заблудившиеся люди. Густой налет экзотики и авантюризма лежал на многих из этих рассказов писателя. У Кравкова можно было встретить и карагасов в роли проводников, и тунгусов, спаиваемых русскими купцами. Но вряд ли эти лесные обитатели интересовали его сами по себе, как люди, у которых есть свой внутренний мир, свои горести и радости. Для него они — неотъемлемая частица экзотики, и с ней он прежде всего знакомит своего читателя, но не больше.

Валентина Распутина экзотика почти не занимает. Молодого писателя в первую очередь интересует сам человек, его внутренний мир и мир, его окружающий: человек и природа здесь неразделимы, это нечто единое и цельное.

Автор открывает для себя и для нас свою страну — Тофаларию. Очерк «Край возле самого неба», предваряющий книгу, — своеобразный пролог, запевка к последующему рассказу, те тургеневские «Лес и степь», без которых нам трудно было бы войти в атмосферу повествования. Очерк этот определяет тональность книги, по нему, как по камертону, выверяется авторский голос, музыкальный и эмоциональный настрой рассказа.

Величественная природа Тофаларии, которая однажды и навсегда покоряет сердце человека, — главный герой первых очерков книги. И, самое главное, автор умеет ее, природу, живописать, умеет внушить свое настроение читателю. Он рассказывает о том, как приезжает сюда женщина за останками сына, погибшего в геологической экспедиции, и, покоренная открывшейся ей красотой, отказывается от своего намерения — сыну лучше лежать здесь, а она время от времени будет навещать его. Мы узнаем, как опытный, бывалый моряк, решивший пройти по пути Кошурникова, в первый раз потерпел неудачу и все же не сдался: на следующее лето приехал снова, чтобы повторить свой путь и победить наконец в поединке со своенравным Кызыром. А потом это уже вошло в привычку.

Моряк каждый год приезжает в Саяны, завороженный их красотой, и избирает все новые и новые маршруты. «Мне снова хочется в Тофаларию», точно лейтмотив звучит этот

авторский зачин, скрепляя повествование о народе, население которого — едва ли полтысячи человек. Но посмотрите, какие это красивые, цельные характеры. Старуха-охотница, которой далеко за шестьдесят, своей бесконечной песней оглашает тайгу, этот дом родной, где ей знаком каждый распадок и каждый валун в нем. Другой тофалар легко и весело отмахивает 180 километров, отправляясь на свидание с любимой женщиной. Для него, говорит автор, эти километры почти то же, что для горожанина несколько кварталов.

Женщина-тофаларка более двадцати лет ждет полюбившего ее русского, что ушел на войну и не вернулся. Но она ждет и верит: он должен, он не может не вернуться.

Писатель умеет передать горе старой матери, некогда родившей четырнадцать детей и двенадцать из них потерявшей. Он умеет проникнуть в ее думы, понять и передать ее чувства столь же достоверно, как и чувства той старой охотницы, что не знает, зачем понадобилось людям убивать себе подобных.

И над всем этим миром, одухотворяя его, трепещет авторская влюбленность в своих героев, в Саяны с их первозданной, неповторимой и ни с чем не сравнимой красотой. Некоторые его рассказы по сюжетной занимательности не уступят лучшим охотничьим историям первоклассных рассказчиков. Так, небольшая новелла «Продается медвежья шкура», рассказывающая о том, как долго и упорно зверь может выслеживать и преследовать причинившего ему зло человека, может поспорить с лучшими рассказами, если не Джека Лондона, то уж во всяком случае Джима Корбетта.

Как художника В. Распутина отличает завидная бескомпромиссность, прямота и зоркость гражданского видения. Он избегает облегченных решений, подмалевки выхваченных из стремительного потока жизни картин и ситуаций. Писатель стремился запечатлеть на своих страницах жизнь во всей ее что ни на есть будничной повседневности. Но эта будничность, эта обыденность в жизни подчас оборачивается нелепыми трагедиями. И Распутин хорошо это знает. Его нередко привлекает к себе эта трагедийность, драматизм повседневности. С особой отчетливостью проявились они в лучших рассказах сборника «Человек с этого света» и в первой повести писателя «Деньги для Марии». В этих произведениях поставлены острые нравственные проблемы времени. Писатель прямо идет к душе человека, минуя всякие побочные обстоятельства и соображения. Может быть, поэтому глубокие морально-нравственные коллизии выступают у него в таком обнаженно кричащем виде. Они ничем не прикрыты — ни дотошными портретными описаниями героев, ни зарисовками окружающей их обстановки. С предельным заострением эта особенность авторского почерка сказалась в повести «Деньги для Марии», хотя истоки ее четко прослеживаются и в более ранних произведениях писателя.

«Я забыл спросить у Лешки»... — как называется рассказ, которым открывается сборник «Человек с этого света». О чем написан он? Двое смертельно уставших парней ранним утром входят в город. Они несут носилки, на которых лежит их только что умерший товарищ, их Лешка, что прожил на свете «немногим больше семнадцати лет» и строил коммунизм «всего два с половиной месяца». Лешка погиб оттого, что мастер отказался дать трактор, чтобы отвезти его немедля в город после несчастного случая. «Мы пошли, — вспоминает рассказчик, — к мастеру. Тот поднял на лоб свои медвежьи брови и охотно придавил одну к другой губы. Он молчал минуты две, потом сказал, что до больницы почти пятьдесят километров, а трактор все равно должен работать, если бы даже свалилась половина бригады».

По дороге в больницу ребята так комментируют этот поступок своего начальства: «У него план, он для коммунизма работает, а человек хоть подыхай. Вот так. А то, что он этим самым свинью коммунизму подложил, он ни за что не поймет».

Как видим, молодой писатель смело вторгается в ту сферу человеческих отношений, где в неприкрытой форме выступают морально-этические проблемы наших дней. Мастер много делает для строительства дороги, значительно больше, чем все остальные герои рассказа, вчерашние школьники. Для него интересы государства превыше всего. Перед ним он считает себя в ответе и, казалось бы, честно исполняет свой долг. Но здесь-то и проступает та невидимая грань, за которой добродетель превращается в свою противоположность, оборачивается преступлением перед человеком и коллективом, преступлением перед основными нравственными принципами нашего общества. Нельзя при любых обстоятельствах забывать о человеке. Именно для него, человека, для его счастья и благополучия прокладываются в таежной глухомани все эти дороги, возводятся города и электростанции. Забыть об этом, значит совершить преступление.

Постановкой таких острых морально-этических проблем времени писатель включается в магистральную линию движения нашей литературы. Особенно заметна его творческая перекличка с таким великолепным художником современности, как Владимир Тендряков. Не случайно конфликт рассказа В. Распутина, нацеленный против бездушия и равнодушия в судьбе человека, так близок по своей эмоционально-идейной направленности тендряковским «Ухабам», вызвавшим в свое время, как и многие другие произведения этого писателя, оживленную дискуссию в печати.

Молодой писатель пристально вглядывается в нравственную атмосферу человеческих взаимоотношений. Есть у Распутина рассказ «Старуха». Умирает старая женщина-тофаларка, много потрудившаяся на своем веку. Она немало сделала добра людям, и эти люди над ее гробом говорят хорошие слова, полные признательности и благодарности, слова, которые они забыли сказать ей при жизни. Кажется как будто все здесь в порядке. Старого человека проводили на покой с почестями. Но что-то тут было и не так. И это «что-то» заметил ребенок с присущей ему непосредственностью чувств и поступков.

— Мама, — девочка остановила мать и спросила: — Мама, почему они не сказали ей это, когда она была жива?

В самом деле, повторим мы вслед за девочкой, почему мы так скупы на добрые слова человеку при его жизни, когда они ему бывают так необходимы?

Жизнь многолика и многообразна. В ее размеренном, привычном течении много подводных рифов, мелей и водоворотов, не заметных для поверхностного наблюдателя. Эта жизнь в ее будничной повседневности со своими скрытыми воронками и водоворотами рельефно выписана в превосходном рассказе «Василий и Василиса».

В небольшой, добротно сделанной миниатюре «Там, на краю оврага» перед нами возникает образ одинокой женщины, вдовы, одной из тех неисчислимых вдов, что были оставлены нам в наследство войной. Случайная связь с подвернувшимся случайно человеком подарила ей сына. Исчезло одиночество. Осмысленней стало существование ее на этом свете. Она готовит его в школу. И тут разражается трагедия. Мальчик в один из летних дней, погнавшись за сусликом, подрывается на мине, пролежавшей в земле годы и годы. Так неожиданно давно отгремевшая война снова напомнила о себе. Эта нелепая смерть оборвала единственную связь, которая была еще у одинокой женщины, с миром. И снова она обречена на одиночество. Автор предельно лаконичен и скуп на

описания. Он ничего не говорит о чувствах своей героини, потерявшей сына, предоставляя остальное домыслить читателю. И читательское наше воображение действительно «срабатывает», отзываясь щемящей болью в сердце на еще одну трагедию войны. Сколько раз мы читали и слышали об этих невзорвавшихся минах, но вот пришел художник и показал нам, что это все значит, как это выглядит в действительности. Он заставил нас задуматься, заставил размышлять, пробудил в нас активное чувство.

Есть в книге рассказов Распутина и другие отклики на войну. Он пишет о мальчишках-первоклассниках сорок третьего года, чьи матери получали похоронные, но эти рассказы в художественном, идейном отношении менее значительны по сравнению с этюдом «Там, на краю оврага».

Вообще следует заметить, что произведения, составившие сборник «Человек с этого света», по своему звучанию не равноценны. Встречаются в книге и вещи, незначительные по мысли и содержанию. Такими мне представляются рассказы «В общем вагоне», «День рождения». Они не несут в себе того заряда чувств и мыслей, лишены того высокого эмоционального накала, по которому мы безошибочно узнаем произведение настоящего искусства. Трудно сказать, во имя чего и ради чего они написаны, особенно рассказ «В общем вагоне». Тридцатилетний человек едет в командировку. Рядом с ним едут какой-то пьяница и две девчушки, только что поступившие в институт. Дорожные разговоры. Пьяница постоянно прикладывается к бутылке. Ночью одна из девушек безотчетно, во сне обнимает тридцатилетнего, а утром избегает разговаривать с ним. Тридцатилетний, понятно, взволнован. Вот собственно и все содержание рассказа. «Философия» его мелка и незначительна.

Подлинной творческой удачей автора стала его первая повесть «Деньги для Марии». Судя по первым откликам, устным и печатным, повесть взволновала читателей. «Деньги для Марии», хотя они написаны в другом ключе и на другом материале, сродни произведнию В. Тендрякова «Поденка — век короткий». Казалось бы, о разных вещах говорят авторы, о разных людях и судьбах: тендряковская Настя непохожа на распутинскую Марию, да и в обстоятельства поставлены они различные. В одном случае показуха, доводящая героиню до преступления. В другом — героиня оказывается невинной жертвой обстоятельств. Однако есть между этими произведениями родство более глубокое. Оно скрыто в идейно-эмоциональном подтексте повествования, в авторской позиции. И тут и там боль за человека, и тут и там просвечивание скрытых душевных движений, тех, что составляют существо человека, обычно невидимое под всякими внешними напластованиями. И тут и там художественное исследование сложнейших морально этических проблем современности. «Люди добрые, спасите Настю» — несется с последних страниц повести Тендрякова. Люди добрые, спасите Марию, спасите Кузьму — звучит в подтексте у Распутина. И не только это.

Примечательна сама уже художественная структура повести «Деньги для Марии». Автор предельно скуп на внешние детали, описания и пр. Мы так до конца повести и не узнаем, как, скажем, выглядели Мария и Кузьма, не знаем их фамилий, не знаем, как звали председателя колхоза, играющего значительную роль в повести. Более того, мы не знаем, каков интерьер, убранство того только что построенного нового дома, в котором живет семья Марии. Автор как будто сознательно устраняет всякие внешние подробности, отвлекающие внимание, и идет прямым путем к душе человека, его внутреннему миру, стремясь, точно рентгеном в затемненном помещении, просветить до дна все скрытое в человеке, показать, что же все-таки скрывается там, что обычно недоступно невооруженному глазу.

Сама манера повествования, стиль повести на первый взгляд могут показаться излишне традиционными, старомодными. Язык ее безыскусствен, лишен того внешне нервистого, прерывистого пульса, который обычно отличает прозу некоторых молодых, современных авторов. Этот стиль в какой-то мере архаичен, пожалуй, в нем нет и намека на элементы модернизма, дешевого словесного украшательства. Но в нем есть своя сила—покоряющая безыскусственность жизненной правды. Писатель пишет жизнь такой, какой ее видит и наблюдает. Это придает его повести особый аромат и прелесть — аромат живой жизни, прелесть доподлинной реальности. Именно поэтому проза его начинает звучать и восприниматься нами, как одухотворенная поэзия, которую питают животворные соки родной земли. Из самых глубин нашей жизни бьют они, эти светоносные родники, к которым жадно припадает художник, чтобы осознать себя и время. За «сплошной лихорадкой буден» он стремится разглядеть человека, современника своего и ему же, современнику, рассказать о нем самом языком подлинного искусства.

Случилось большое несчастье, которое обрушилось, как гром с ясного неба на хорошую, добропорядочную семью. У пожилой многодетной женщины, работающей в магазине, обнаружилась крупная недостача. Человек она малограмотный, доверчивый и кто-то, вероятно, погрел руки за ее счет. Сама же Мария из магазина в дом не брала «ни крупинки», как признается Кузьма, муж ее, бесстрастному ревизору. Любой ценой надо покрыть недостачу. В противном случае суд, тюрьма, четверо ребятишек без матери.

Композиционно повесть строится с большим искусством, не нарушая естественности рассказа. Повествование начинается не с момента самого несчастья, а с событий, которые развертываются на четвертый день после него. Кузьма отправляется, не очень веря в успех, за деньгами к брату в город. Всю дорогу его, все его дорожные думы сопровождает порывистый, вгоняющий в тоску осенний ветер. И пока он едет к этой своей последней надежде, автор день за днем восстанавливает все, что произошло с Кузьмой и Марией за эти тяжелые дни, перемежая воспоминания своего героя с его дорожными впечатлениями, встречами, сновидениями.

Перед читателем проходит целая вереница людей, точно выхваченных из небытия мощным прожектором, освещенных таким светом, который как-то сразу и до дна обнажает всю суть человека, сердцевину его характера. Так огорчен Евгений Николаевич, учитель, первый человек, к кому обратился Кузьма за помощью. И сразу же, с первых же фраз учителя, с его поговорок и доморощенных афоризмов читатель проникается к нему неприязнью. Потом фигура его мелькнет в повести еще несколько раз — то в рассуждениях деда Гордея, то в разговоре Кузьмы с посланным от учителя мальчуганом, то, наконец, снова появится он собственной персоной, но эти добавочные штрихи уже мало что прибавляют к его облику, четко выявленному в первую же встречу с ним.

Через отношение к несчастью Кузьмы и Марии раскрываются и другие характеры — председателя, деда Гордея, скопидомки Степаниды, бухгалтера, тетки Натальи. Перед нами живые люди, нравственная ценность которых поверяется не словами, какие они могли бы сказать о себе, а их душевными движениями, ярким проявлением скрытых до времени моральных качеств при прямом и непосредственном соприкос-

новении с человеческим горем. По-разному отзываются на это горе разные люди. Бескорыстие и доброта живут до времени бок о бок с эгоизмом и душевной черствостью. Надо было случиться несчастью, чтобы они проявились наконец открыто.

Запоминаются дорожные спутники Кузьмы — пара старичков-супругов, молодой парень-тракторист, пьющий напропалую горькую. Писатель не просто живописует их. Его всегда и прежде всего привлекают душевные движения героев. Старомодные супруги, оказывается, через всю жизнь пронесли верность и любовь друг к другу и этим разбередили душу отчаянного парня, которому до сих пор казались такими простыми и естественными и супружеская неверность, и грубость, и бесшабашное пьянство.

В повести немало точно и тонко подмеченных психологических состояний человека. Вот Кузьма получает деньги колхозных специалистов, которые они решили одолжить ему по предложению председателя. И хотя они не полностью покрывают недостачу, Кузьма воспрянул духом. А далее разыгрывается такая сцена. В дом к нему приходит жена ветеринара и требует зарплату своего мужа. Кузьма отдает ей деньги и с тревогой начинает ждать следующих посетителей. Все в нем напряжено до предела. В этот момент вбегает девочка, дочь агронома.

«— Здравствуйте,— робко, исподлобья оглядываясь, сказала девочка.

— Здравствуй, здравствуй, — ответил Кузьма и поднялся, чтобы достать банку (с деньгами. — В. Т.). Хорошо, что он не затолкал ее к стене, а поставил с краю.

— Дядя Кузьма, — быстро заговорила девочка. — Скажите вашему Витьке, чтобы он за мной не ходил.

— Что? — Кузьма остановился и вытянутая рука упала».

Душевное напряжение спадает. Такие психологические находки щедро рассыпаны по всему повествованию.

Повесть Распутина, насыщенная раздумьями о сложности человеческих отношений, согретая любовью к человеку, утверждающая высокие нравственные ценности, примечательное явление в нашей современной литературе. Без сомнения, этому талантливому произведению молодого писателя предстоит большая жизнь, а ее автору не менее большой и добрый творческий путь, который только-только еще начинается и начинается по-настоящему неплохо.

Борис Кислов

С ПОЗИЦИЙ АКТУАЛЬНОСТИ

Многочисленные и нескончаемые упреки и обвинения в адрес литературной критики в отставании ее от жизни и литературного процесса стали уже настолько тривиальны, что однажды Василий Аксенов, один из писателей, наиболее чутко реагирующих на самые актуальные общественные запросы и болезненно нетерпимый к стандартному мышлению, совершенно справедливо заметил: «Привычная писательская ирония по отношению к критике уже несколько навязла в зубах прежде всего потому, что у нас сейчас есть хорошие критики, интересные именно своим «я».

Нельзя не заметить тех положительных сдвигов, которые произошли в нашей критике. Но нельзя не заметить и ее хронических «недомоганий» — поверхностного рецензенства и субъективизма в оценках, принимающего порой самые причудливые и изумительные формы. Причины этих «недомоганий» разнообразны, но главная из них, как мне кажется, — совершенная неразработанность теоретических вопросов критики. Говоря определеннее, у нас нет теории критики.

Но могут возразить: в настоящее время основательно и успешно разрабатываются проблемы, связанные с содержанием и сущностью основных эстетических категорий и принципов, а ведь именно они составляют основу критических оценок: критика есть движущаяся эстетика, это сказал еще Белинский. Совершенно верно, мы располагаем научно обоснованным арсеналом эстетических критериев и принципов в искусстве, но мы имеем самое смутное представление, как применяются эти критерии и принципы в практике критики. Существуют исследования, раскрывающие творческий процесс писателя, наиболее общие закономерности художественного творчества, но нет таких работ, которые бы анализировали творческий процесс критика (исключение составляет, пожалуй, лишь небольшая книжка В. Барласа «Глазами поэзии»).

Правда, проблемам критики сейчас посвящается не такое уж малое количество газетных и журнальных статей. Но как часто среди них преобладают статьи фимеративно-указующего характера, а проблемность подменяется сведениями личных критических счетов!

Вот почему статья В. Ковынева «К понятию литературной оценки», опубликованная в сборнике «Социалистический реализм и проблемы эстетики»[1], воспринимается с таким особым интересом. Как это видно уже из ее названия, автор взялся за выяснение центральной проблемы литературной критики — что же представляет собой и из каких компонентов складывается критическая оценка явлений искусства. Этот вопрос имеет не только длительную предысторию, но настолько дискуссионен, что случаи взаимоисключающих определений литературной оценки не такая уж редкость. Вот любопытное сопоставление. В одной из статей В. Г. Белинский, совершенно категорично заявляя, что «нельзя ничего ни утверждать, ни отрицать на основании личного произвола, непосредственного чувства или индивидуального убеждения... Выражения: «мне нравится, мне не нравится» могут иметь свой вес, когда дело идет о кушаньи, винах, рысаках и т. п.; тут могут быть даже свои «авторитеты», имел в виду прежде всего литературную критику. Но вот что пишет известный английский эстетик-марксист Раймонд Саутхолл: «Эстетические оценки, следовательно, отличаются от моральных, политических и этических тем, что они являются не суждениями о значении, а выражениями личного предпочтения («восторга или отвращения») и в логическом отношении подобны заявлениям: «мне нравится X» и «мне не нравится X».

Случай совершенно противоположных мнений? Конечно. И все же, несмотря на такую полярность взглядов специалистов, здесь можно найти нечто общее, если иметь, конечно, в виду, что Белинский выступал не против субъективности в критике (кто же станет отрицать ярко выра-

---

[1] «Социалистический реализм и проблемы эстетики». Выпуск I, М., «Искусство», 1967.

женную индивидуальность, момент личностной оценки в статьях самого Белинского!), а против «личного произвола», иначе говоря, субъективизма. Не рассматривая формулировку Саутхолла во всех аспектах (а она во многом не выдерживает критики), можно все-таки согласиться с тем, что если свести любую критическую оценку к итоговому, пусть даже упрощенному, варианту, то она будет выглядеть как «мне нравится» и «мне не нравится». И против этого трудно возразить. Ведь любой критик, на каких бы общих социально-эстетических критериях он ни основывал свои суждения, высказывает прежде всего собственное мнение. Говорить же от имени всех читающих — вопрос едва ли правомерный не столько с точки зрения критической эстетики, сколько специфики критики.

Все сказанное имеет самое непосредственное отношение к статье В. Ковынева, задавшегося целью выявить природу субъективности критических оценок. Но поскольку и эта проблема сама по себе достаточно широка, автор намеренно вычленяет и рассматривает лишь психологические предпосылки литературной оценки. Отталкиваясь от конкретных фактов критического разнобоя в анализе повестей В. Семина «Семеро в одном доме» и В. Тендрякова «Поденка — век короткий», В. Ковынев приходит к выводу, что категоричность каждой из оценок позволяет провести аналогию с очень родственной психической единицей — эмоцией. Как убедительно показывает В. Ковынев, возникновение и сила эмоций подчиняется определенным закономерностям: если знание об объекте полностью отсутствует, эмоция не возникает; если же знание исчерпывающе — эмоция не нужна. Роль же ее такова, что эмоция компенсирует недостаток наших знаний об объекте исследования, и вообще без эмоций «немыслима ориентировочная деятельность — и именно потому, что никакой научный прогресс не в состоянии преодолеть дефицит информации».

Такой экскурс в психологию — не каприз автора, а совершенно необходимое условие для выяснения роли эмоций (а, следовательно, «необеспеченного» знаниями момента) в критическом суждении. Ведь, действительно, каждый критик, высказывающий свое мнение о произведении обычно в самой категоричной форме, убежден в том, что он совершенно адекватно воспроизвел в логических понятиях сказанное писателем. Но это не так. Иначе откуда бы брались «разночтения» одного и того же произведения? На следующем этапе — сравнении изображенного в повести, романе, рассказе с действительностью, идеалом — возможность появления различных оценок еще более увеличивается, ведь сами понятия «действительность», «идеал» не только очень общи, но и имеют содержание, зависящее от личного опыта критика. Однако критическая оценка, претендующая на единственно объективную, все-таки появляется и в этом случае.

Где же выход? Какую из оценок предпочесть? По всей вероятности ту, где эмоциональный элемент, при всей его практической значимости, наименьший (припомним: эмоция компенсирует знание, информацию). Все сказанное, разумеется, не означает, что в критических статьях недопустим страстный, эмоциональный тон. Речь идет о другом; о том, что в процессе оценки эмоции могут подменять знания, «что именно наименее авторитетная «эмоциональная» оценка отличается особенной категоричностью и нетерпимостью. Выступая по меньшей мере «от имени действительности», критик в этом случае требует и от писателя такого же «представительства», не учитывая, что это просто непосильная задача».

Такая постановка вопроса в известной мере дискуссионна, однако несомненно имеет значение одного из плодотворных направлений позитивного решения вопроса.

Обращение автора статьи при исследовании чисто эстетических проблем к психологии симптоматично и само по себе отражает назревшие потребности эстетики, критики, искусствоведения. «Как это ни парадоксально, — замечает В. Ковынев, — эстетика не может обосновать социальную необходимость искусства, игнорируя психологический — заведомо простой, даже элементарный, фактор».

Сказать, что автор выступает в этой области пионером, было бы несправедливо, существуют уже работы, в которых эстетические проблемы рассматриваются в тесном контакте с проблемами психологическими: например, «Эстетический идеал и современность» О. Лармина, «На вкус, на цвет...» (теоретический очерк об эстетическом вкусе) А. Молчановой и т. д. Но не нужно забывать и о том, что абсолютизация всякой тенденции в науке обязательно содержит издержки и легко перерастает в моду. Поэтому легко понять тревогу В. Ковынева, когда он говорит, что чрезмерное «оперирование психологическими понятиями таит серьезную опасность упрощения искусства».

В качестве конечного вывода о статье В. Ковынева можно сказать, что если в ней и не содержится положительного решения некоторых проблем критической оценки, то уже их серьезная постановка вызывает несомненный интерес. Дело за дальнейшими исследованиями.

Проблематика остальных статей сборника в общем-то более «традиционна». Продолжающиеся с разной степенью остроты, но с непреложным постоянством дискуссии о сущности реализма и различиях между реализмом и модернизмом («Литературная газета», «Вопросы литературы») делают актуальной и нужной статью Н. Лейзерова «О возможностях и границах социалистического реализма».

Характеризуя нереалистические направления в искусстве, автор называет в качестве их отличительного признака искажение жизненных форм с позиций предвзятой или ложной (например, религиозной) идеи. Однако нереалистические направления обладают большой способностью к мимикрии, спекулируя на самых объективных трудностях и специфике художественного познания и отражения окружающей нас действительности. В этом случае грань между реализмом и модернизмом провести куда труднее. И все же она, безусловно, существует. Н. Лейзеров показывает это на примере повести французского экзистенциалиста Альберта Камю «Чужой», в которой внешне выразительные и подкупающие своей реалистичностью детали маскируют полнейшую и сознательную асоциальность авторской концепции, что в свою очередь приводит к искажению художественной правды. Однако реализму, в частности и особенности социалистическому, чужды и канонизация, возведение в догму лишь определенных, неизменных художественных приемов. Возможности его постоянно обогащаются. Н. Лейзеров подтверждает эту мысль, анализируя творчество таких своеобразных художников, как Элюар и Брехт.

Исследованию актуальных проблем эстетики и реализма посвящена статья Вл. Гусева «К соотношению стиля и метода в словесном творчестве». Представляется убедительной аргументация автора, когда он показывает различие между понятиями «метод» (принцип отражения действительности) и «направление» (общность талантов, объединенных не только методом), подробно и обстоятельно характеризует эстетическую категорию «стиль». Нов и необычен аспект рассмотрения научно-фантастической и научно-художественной литературы в статье Л. Когана «Роль искусства социалистического реализма в развитии науки». Если обычно при анализе этой литературы речь идет в основном по линии определе-

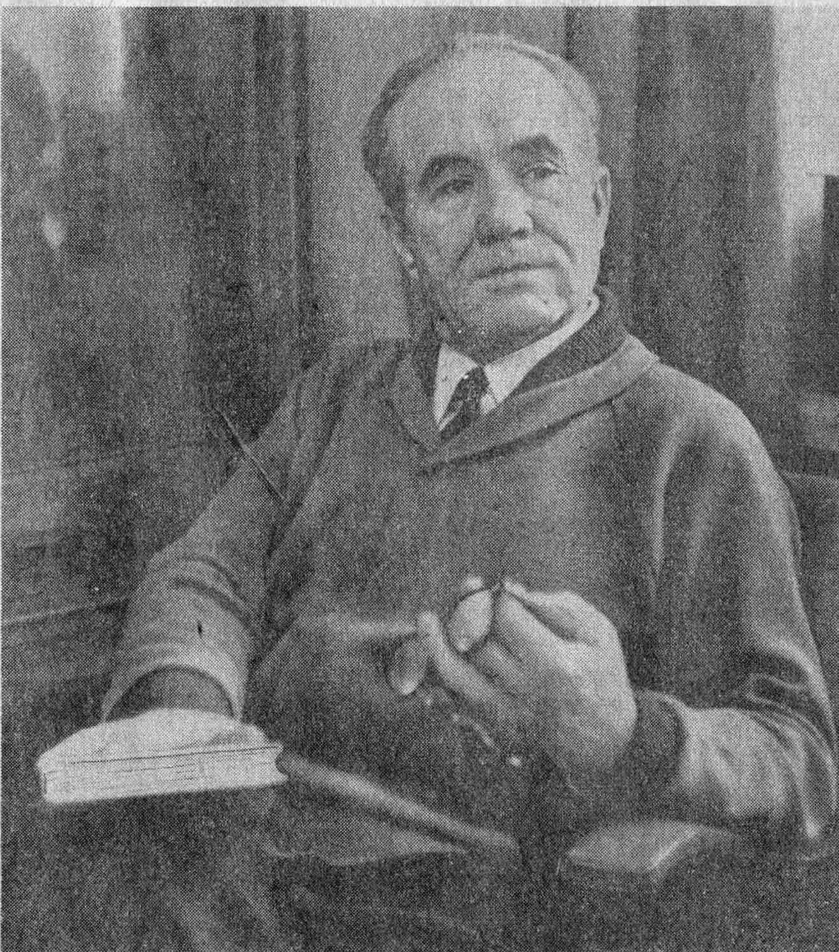
ния ее специфики, то Л. Коган ставит перед собой задачу выяснить, какую же роль она имеет и какое влияние оказывает на развитие науки. Возникновению и особенностям становления социалистического реализма в Болгарии и Венгрии посвящены статьи Стояна Илиева и Яноша Мароти.

В целом же, с появлением сборника «Социалистический реализм и проблемы эстетики» мы имеем чрезвычайно нужную работу, посвященную самым злободневным проблемам эстетики. Поэтому начинание сектора эстетики Института философии АН СССР — ежегодно выпускать такие сборники — можно только приветствовать.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Константину Федоровичу Седых—60 лет.

Исполнилось 60 лет прозаику и поэту, автору «Даурии» Константину Федоровичу Седых. Секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

Дорогой Константин Федорович!

Разрешите сердечно приветствовать Вас в день Вашего шестидесятилетия.

Долгий, почетный путь прошли Вы и в жизни, и в литературе. Сын забайкальского казака, свидетель и участник бурных событий в дореволюционной Сибири, журналист, писатель, корреспондент фронтовой газеты, Вы — достойный представитель первого поколения новой литературы. Ваши книги так же просты, содержательны, строги, как и Ваша жизнь. Не только в широко известной советскому читателю «Даурии», но и в стихах, поэмах, в новом эпическом повествовании «Отчий край» Вы неизменно верны своей теме, пафосу революционной борьбы. Острые конфликты в сибирской деревне недавних грозных лет, душевные, мужественные русские люди, несущие на плечах груз современной истории, отношение партии и народа, борьба с интервентами — все это получило в Ваших книгах яркое, талантливое воплощение. Будущий историк нашего общества и литературы, изучая события становления Советской власти в Сибири, не раз обратится к Вашим книгам. Крепко полюбились Ваши книги и читателям.

Желаем Вам, дорогой Константин Федорович, и впредь так же плодотворно трудиться на поприще литературы, воспитывающей нового человека, новые отношения между людьми. Желаем Вам счастья, здоровья, долгих лет жизни.

СЕКРЕТАРИАТ ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Свои поздравления прислали юбиляру Иркутский областной комитет партии, областной исполнительный комитет депутатов трудящихся, Президиум Верховного Совета Бурятской АССР, секретариат правления Союза писателей РСФСР, секретариаты Союзов писателей союзных и автономных республик, К. Симонов, С. Михалков, С. Наровчатов, В. Росляков, многочисленные друзья юбиляра.

Редколлегия альманаха «Ангара» сердечно присоединяется к этим поздравлениям.

Художественный редактор А. И. Аносов

Техн. редактор А. В. Пономарева

Корректор Н. Рихванова

Сдано в набор 11 декабря 1967 г. Подписано в печать 16 февраля 1968 г. Печ. л. 9,39. Уч.-изд. л. 12,24. Бумага тип. № 3, формата 84×108 1/16. Тираж 2000. Заказ № 6596. НЕ 01253. Цена 40 коп.

Восточно-Сибирское книжное издательство, г. Иркутск, ул. Горького, 36.

Типография «Вост.-Сиб. правда»

Выходит в свет альманах «Ангара» № 2.

В этом номере редколлегия представляет читателям новую, остросюжетную, полную комедийных ситуаций пьесу Александра Вампилова «Предместье»; рассказы Николая Попова.

Этнографы и фольклористы с интересом прочтут очерк Елены Шастиной «На Лену за песнями». Охотников, охотоведов не оставит равнодушными очерк Тимофеева «Без хозяина».

Поэзия представлена в номере стихами молодых поэтов Иркутска и Ангарска: Анатолия Кобенкова, Елены Юдковской, Веры Захаровой.

Альманах печатает творческий портрет литературоведа Д. Петряева, рецензии на книги.

Продолжается подписка на альманах «Ангара».

Подписная цена на год 2 руб. 40 коп. Цена одного номера 40 коп.

ПОДПИСЫВАЙТЕСЬ НА АЛЬМАНАХ «АНГАРА»!

40 коп.